К 26.89(2)
Б 484

# ...А И ЛЮДИ ОЛОНЕЦКАГО КРАЯ

...МИ ФОТОГРАФІЯМИ АВТОРА И РИСУНКАМИ
ХУДОЖН. М. КАЗАКОВА

Н. И. БЕРЕЗИНЪ

# ...ШКОМЪ КЪ КАРЕЛЬСКИМЪ ВОДОПАДАМЪ

С 195886

NLRK 88224747

К 91(47.20)
Б-484.
551.482.3(47.20)

Березин, Н
Пешком к Ка
Дам.
СПБ.,
Полез
"
193
тр. с

№ [redacted]

**Берегите книгу**

Не перегибайте книгу
во время чтения
Не загибайте углов
Не делайте надписей на книге
Не смачивайте пальцев слюною. перелистывая книгу
Завертывайте книгу в бумагу.

V № 1109860

1889

[redacted]

91(47-20)
Б 484

ШИФР
91.47
Б-50 л.

Н. Березинъ.

# ПѢШКОМЪ

# КЪ КАРЕЛЬСКИМЪ ВОДОПАДАМЪ.

---

Съ 60 рисунками художника *И. С. Казакова* и оригинальными фотографіями автора, съ 5 карточками въ текстѣ.

1109801

УФИМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

B. A. S. - R.
Qïlmï Kətəpxanası
№ 9299
Научная Библиотека
Б.А.С.С.Р.

1)
2)
3)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“.
Большая Подъяческая, 39.
1903.

Государственная публичная
библиотека КАССР

1998

ПРОВЕРЕНО
19 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 16 сентября 1902 г.

c195886

УФИМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНО-НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

*Посвящается моему спутнику крестьянину Рязанской губерніи Ивану Григорьевичу Балашову.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

# Снаряженіе.

Заходитъ ко мнѣ прошлой весной знакомый крестьянинъ. Здоровается, садится.

— Что новаго?

— Новаго? Новаго то, что я сейчасъ безъ мѣста.

— Н-да, это плохо.

— Плохо, да не очень. Черезъ двѣ недѣли выйдетъ новое.

— А эти двѣ недѣли что будете дѣлать?

— Да такъ, проживу какъ нибудь.

— Какъ нибудь... А знаете что, Иванъ Григорьевичъ? Я собираюсь совершить пѣшеходное странствіе на Кивачъ. Пойдемте со мной.

— На Кивачъ? Это что-жъ такое? Мѣсто или городъ?

— Знаменитый водопадъ въ Олонецкой губерніи на рѣкѣ Сунѣ. Идти одному—скучно, а со своимъ братомъ, образованнымъ человѣкомъ, боюсь связаться. На себя я надѣюсь, потому-что знаю, сколько могу вынести. Изъ знакомыхъ желающихъ нѣтъ, а съ неизвѣстнымъ человѣкомъ спутаться страшно,—ну какъ захромаетъ, заболѣетъ или придетъ въ дурное настроеніе отъ всякихъ путевыхъ неудобствъ. Пойдемте, что ли?

Иванъ Григорьичъ и не думалъ, а сразу согласился. Стали мы размышлять, какъ намъ идти и какъ снарядиться. Времени у меня было всего двѣ недѣли, такъ что начать пѣшее странствіе изъ Петербурга нечего было и думать, да и не стоило—что тутъ подъ городомъ интереснаго! Мы рѣшили добраться до Петрозаводска на пароходѣ, оттуда направиться на Кивачъ, а остатокъ

времени употребить на переходъ съ Кивача на городъ Олонецъ по глухимъ лѣсамъ черезъ карельскія деревни. На этомъ пути можно было познакомиться съ природой и жителями сѣвернаго края. Съ Олонца рукой подать до пароходной пристани на Свири, гдѣ мы могли снова сѣсть на пароходъ и вернуться въ Петербургъ. Мысль совершить это странствіе возникла у меня такъ внезапно, что я не успѣлъ ознакомиться съ мѣстностью по книгамъ и долженъ былъ ограничиться картой, но такъ какъ я собирался совершить прогулку, а не ученое путешествіе, то малое знакомство съ краемъ не смущало меня. Тѣмъ лучше, думалось мнѣ, постараюсь больше смотрѣть своими глазами.

Намъ хотѣлось быть какъ можно независимѣе отъ всякихъ обстоятельствъ, а потому надо было старательно обдумать предметы снаряженія. Мы идемъ пѣшкомъ и понесемъ вещи на себѣ, слѣдовательно надо взять ихъ какъ можно меньше; но съ другой стороны мы не хотимъ зависѣть отъ кого или чего либо и собираемся въ глухую мѣстность, гдѣ заранѣе извѣстно, что ничего достать нельзя, а потому надо было взять все необходимое. Я обратилъ главное вниманіе на три вещи: оружіе, инструменты и обувь. Оружіе казалось мнѣ необходимымъ, потому что въ тѣхъ лѣсахъ водятся звѣри, встрѣча съ которыми можетъ быть непріятна или даже опасна, а съ другой стороны могло случиться, что намъ пришлось бы пропитывать себя охотой. Изъ оружія мы взяли съ собой малокалиберную винтовку, револьверъ и ножи. Изъ инструментовъ необходимъ былъ собственно только компасъ, но для измѣренія высотъ и знанія погоды интересно было имѣть барометръ, а также и термометръ. Такъ я и сдѣлалъ и пріобрѣлъ компасъ, маленькій, но хорошій барометръ анероидъ и походный термометръ Цельсія. Наконецъ послѣдній пунктъ была обувь. Я рѣшился остановить свое вниманіе на высокихъ сапогахъ, которые казались мнѣ всего удобнѣе при движеніи по каменистой и болотистой мѣстности. Одежда состояла изъ русской рубахи, шароваръ, легкой фуражки, теплой куртки и непромокаемой накидки. Остальной нашъ багажъ составляли: маленькій, но очень хорошій фотографическій аппаратъ, 13 дюжинъ пленокъ къ нему, патроны, перемѣна бѣлья, полотенца, жестяной чайникъ съ двумя чашками и ложками, кусокъ кожи, шилья и дратва (для починки обуви), нитки, иголки веревочки и тому подобная мелочь. Одни вещи можно было нести на ремняхъ: ружье, фотографическій аппаратъ, свернутыя накидки, а все остальное мы уложили въ

сыновьяхъ, который предстояло нести за спиной тоже на ремнѣ. Выбравъ тщательно все нужное, мы свѣсили нашъ багажъ, чтобы точно знать, сколько намъ придется нести на себѣ. Оказалось около пуда. Этотъ грузъ мы раздѣлили на двѣ части: тяжелую и легкую, рѣшивъ нести ихъ поочередно.

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

## Изъ Петербурга на Петрозаводскъ.

Въ четвергъ 7-го Іюня въ 10 ч. утра мы были уже на пароходной пристани. Большой пузатый колесный пароходъ «Кивачъ» спѣшно доканчивалъ нагрузку. Машина гудѣла, изъ трубы вился дымъ, а колеса нѣсколько разъ принимались шлепать по водѣ, словно пароходъ былъ птица, которая машетъ передъ полетомъ крыльями, желая узнать, годны ли они въ дѣло. Бородатые бѣлокурые матросы катали бочки и перекувыркивали въ трюмъ большіе ящики. По сходнямъ бѣгали люди въ пиджакахъ съ какими-то квитанціями: они кричали, дѣлали знаки руками и безъ церемоніи протискивались сквозь густую толпу разной провожающей публики, среди которой рѣшительно преобладали бабы. Всякіе поклоны, пожеланія, напоминанія и даже угрозы неслись по воздуху съ пристани на пароходъ и обратно подъ акомпаниментъ громыханья грузовъ и гудѣнья машины. Насъ никто не провожалъ, и мы никого не покидали, а потому мы спокойно могли наблюдать эту суетню. Наконецъ прозвенѣлъ давно желанный третій звонокъ, но еще прошло не мало времени, прежде чѣмъ сволокли на пароходъ послѣдній пудъ клади, свели по сходнямъ на пристань какого-то слѣпенькаго старичка и согнали прочую постороннюю публику, что, разумѣется, не обошлось безъ крику и ругани. Наконецъ «Кивачъ», потоптавшись нѣсколько минутъ у пристани, высунулся изъ толпы окружавшихъ его барокъ и пошелъ вверхъ по Невѣ серединой рѣки. Утро было теплое, солнечное; невскіе берега, уставленные заводами, фабриками, окаймленные полосой грузившихся барокъ, весело бѣжали по сторонамъ. Звуки, краски и предметы смѣшивались въ одно бод-

рое настроеніе движенія. Вскорѣ зданія стали рѣдѣть: направо мелькнуло Рыбацкое селеніе, налѣво Сараговская колонія, и за ними потянулись ровные рѣчные обрывы, о которые весело плескали волны. Ноябрьскомъ днемъ кипѣла на берегахъ, и Нева казалась сравнительно пустынной, теперь, наоборотъ, берега были безлюдны, а барки и буксиры на рѣкѣ придавали ей оживленіе.

«Кивачъ» не торопился; онъ равномѣрно шлепалъ колесами и тяжко и мѣрно вздыхалъ. Каюта II-го класса была набита. тутъ преобладали купеческіе картузы и приказчичьи «спинжаки», которые, прочно усѣвшись за длиннымъ столомъ, пили чаи и вели торговые разговоры. Кромѣ нихъ были дѣвъ, три чиновничьи фуражки, которыя покушали буфетной снѣди и немедленно затѣмъ

Носъ „Кивача".

завалились спать на красные диваны, выказавъ этимъ полное пренебреженіе и къ спутникамъ и къ природѣ, мелькавшей въ круглыя окошки, за которыми шуршала и плескала вода. Въ темномъ концѣ каюты подъ одѣяломъ лежалъ вытянувшись сильно исхудалый человѣкъ, очевидно больной чахоткой. Глаза его иногда сверкали въ полумракѣ. онъ глухо кашлялъ, плевалъ, а время отъ времени подымался и съ какой то торжественной вѣрой наливалъ въ ложку и выпивалъ лѣкарство, точно исцѣленіе зависѣло именно отъ аккуратнаго пріема его. Помѣщеніе было грязно и изобиловало мухами и другими насѣкомыми, а потому мы заглядывали туда только по необходимости и проводили все время на палубѣ.

Берега Невы мало интересны. Рѣка течетъ, слабо извиваясь, среди ровныхъ обрывовъ; мѣстами она расширяется, образуя за-

ливы, а на порогахъ сильно съуживается, но пороги проявляютъ себя только тѣмъ, что вода сильнѣе рябитъ на нихъ и несется быстрѣе. Около трехъ часовъ Нева пролетѣла мимо Шлиссельбурга и стала выбираться изъ озера Ладоги, необъятная гладь котораго уходила вдаль среди низкихъ растушевавшихся береговъ. На берегу виднѣлись башни соборовъ, пристани и пароходы, а изъ устья, которымъ открывается въ Неву Ладожскій обходной каналъ, медленно, какъ черепаха, выползала тяжело нагруженная барка. При истокѣ Нева Ладога образуетъ широкую но мелкую губу, по которой бѣгаетъ опасный Кошкинскій фарватеръ.

Нева выбѣгаетъ изъ озера двумя рукавами, оставляя между ними небольшой островокъ Орѣховый, на которомъ стоитъ знаменитая выстроенная еще шведами крѣпость Шлиссельбургъ, по

Шлиссельбургская крѣпость на островѣ Орѣховѣ.

русскому Орѣшекъ. Теперь она потеряла свое значеніе, какъ крѣпость и служитъ тюрьмой. Мрачныя стѣны и башни ея долго еще виднѣлись съ озера. Ладога была пустынна, только кое-гдѣ виднѣлись рыбачьи соймы, небольшія лодки съ двумя парусами, да неуклюжій галіотъ, подставляя вѣтру громадный парусъ, тяжело двигался впередъ, закругляя надъ водой свою пузатую корму. Слѣва на мысу виднѣлось досчатое зданіе Кошкинскаго маяка.

Мы съ Иваномъ Григорьевичемъ жадно смотримъ на озеро. Вотъ она—Ладога, самое громадное озеро въ Европѣ. Чудь, сидѣвшая въ древности по берегамъ озера, называла его Нево, а у новгородцевъ было сначала въ ходу названіе Алдея и Альюга, и только съ 1228 г. озеро называется Ладогой. Но еще раньше новгородцевъ по нему плавали варяги, когда направлялись по великому водному пути въ Кіевъ или Царьградъ. Они даже срубили на южномъ берегу его городокъ Альдегаборгъ (тамъ, гдѣ теперь Старая Ладога).

Нева и Ладога, въ которое впадаетъ съ юга Волховъ, представляютъ естественный выходъ въ море, и потому понятно упорство, съ какимъ боролись здѣсь новгородцы со шведами. Хотя въ 1240 г. Александръ Невскій отбилъ нападеніе шведовъ, однако

Гальотъ.

они явились снова и загородили путь по Невѣ крѣпостью Ландскроной, стоявшею тамъ, гдѣ теперь находится пригородъ Пе-

Гуккарь.

тербурга Охта. Новгородцы разрушили ее и построили свою на островѣ Орѣховѣ, но шведы въ концѣ концовъ овладѣли всѣмъ побережьемъ. Послѣ основанія Петербурга, Ладога стала русскимъ озеромъ, и Петръ, въ заботѣ о своей новой столицѣ, торопясь

соединить ее съ русскими областями хорошей водной дорогой. заложить въ 1719 г. первый обходной Ладожскій каналъ. Сюда на топкіе берега озера были согнаны по царскому указу тысячи рабочихъ, которые мерли, какъ мухи, и все-таки къ 1723 г. каналъ былъ вырытъ всего на 12 в. Докончилъ его уже Минихъ въ 1731 г. Вообще эти мѣста привлекли къ себѣ вниманіе проницательнаго Петра еще раньше, въ 1702 г., когда онъ прошелъ съ войскомъ по Онежскимъ болотамъ изъ Архангельска на устье Невы. Петръ еще тогда увидѣлъ, что устье Невы можно соединить съ Волгой въ нѣсколькихъ мѣстахъ. По своей привычкѣ не откладывать дѣла въ дальній ящикъ онъ пригласилъ знаменитаго въ то время англійскаго инженера Перри сдѣлать развѣдки между Онежскимъ и Бѣлымъ озеромъ. Перри былъ толстъ и не могъ ходить по болотамъ, его носили по нимъ на жердяхъ, а за нимъ «нашивали мѣдное блюдце со сквозными рожками, которое онъ ставилъ на распорки и, прищурясь, однимъ глазомъ сматривалъ по волоскамъ, натянутымъ въ сквозныхъ рожкахъ; а по тѣмъ волоскамъ велѣлъ ставить отъ мѣста до мѣста шесты и по шестамъ рубить просѣку». Такъ разсказывалъ графу Сиверсу, строителю Маріинской системы, вытегорскій крестьянинъ Пахомъ, имѣвшій отъ роду 115 лѣтъ и помнившій царя, про астролябію, съ помощью которой Перри намѣчалъ направленіе будущаго канала. «За нѣмчиною случалося мнѣ зачастую носить длинное сквозильце (зрительная труба), въ которое тотъ смотривалъ, когда выходилъ изъ лѣсу на высокое или открытое мѣсто и оттуда видѣлъ Богъ вѣсть, какъ далеко». Черезъ годъ Петръ самъ явился сюда для провѣрки изысканій Перри, переходилъ по болотамъ и лѣсамъ и спалъ въ шалашахъ, сплетенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей. Въ народѣ до сихъ поръ живы воспоминанія о Петрѣ, котораго называютъ не по имени, а величаютъ словами «осударь», «батюшка», «надежа». «А батюшка осударь былъ роста высокаго, всѣхъ людей выше цѣлою головою; часто встряхивалъ онъ своими черными кудерьками, а пуще, когда случался въ раздумьи. Не гнушался онъ нашего житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль и пожаловалъ отцу моему серебряный полтинникъ». Эта простота царя въ обращеніи съ народомъ, его готовность выносить всякія невзгоды походной жизни и самому подавать примѣръ другимъ, до извѣстной степени примиряютъ народъ съ тѣми бѣдствіями, которыми сопровождались работы на каналахъ, буквально устланныхъ костями погибшихъ здѣсь отъ лихорадокъ и лишеній рабочихъ.

Нарядъ съ воспоминаніями изъ дѣйствительной жизни ходятъ также разные анекдоты. Такъ жители Вытегры, вытегоровъ, называютъ ворами: «Вытегоры—воры, Осударевъ камзолъ украли». Преданіе говоритъ, что какой-то Гришка выпросилъ себѣ у Петра его камзолъ на шапки, а шапки мы не только себѣ и дѣтямъ, но и правнукамъ запасемъ на память о твоей, осударь, милости», но злые языки утверждаютъ, что Гришка не выпросилъ, а попросту укралъ камзолъ.

Каналъ, заложенный Петромъ и конченный Минихомъ, тянется на 101 версту отъ Шлиссельбурга до устья Волхова и называется именемъ Петра. За нимъ на 10 в. до устья Сяси тянется каналъ Сясьскій или Екатерины II, оконченный въ 1802 г., а далѣе, до устья Свири на 38 в. проходитъ каналъ Свирскій или Александра I, законченный въ 1810 г. Отсюда судоходство направляется по Свири до пристани Вознесенье, гдѣ начинается обходной Онежскій каналъ, оканчивающійся при устьи Вытегры. Верховье этой рѣки соединено съ рѣкой Ковжей короткимъ Маріинскимъ каналомъ. Вся система этихъ каналовъ была задумана Петромъ I, но проектъ его осуществился лишь въ 1810 г. Говорятъ, что на проектъ этотъ наткнулись случайно въ царствованіе Павла I, да запнулись за неимѣніемъ средствъ, но императрица Марія Ѳедоровна нашла возможнымъ позаимствовать для этого дѣла 400,000 р. изъ суммъ Воспитательнаго Дома. Оттого-то вся система получила названіе «Маріинской», но народъ, который хорошо зналъ, на какія деньги строились каналы, прозвалъ ее «шпитальной». Вскорѣ оказалось, что каналы эти тѣсны для движенія. Тогда, въ 1861 г. принялись прокладывать вдоль этихъ каналовъ, но ближе къ берегу озера, вторую линію, сооруженіе которой закончилось лишь недавно, въ 1883 г. Новые каналы получили названія: Александра II (104 в.), Маріи Ѳедоровны (10 в.) и Александра III (44 в.), но обыкновенно ихъ называютъ по старому: Ладожскимъ, Сясьскимъ и Свирскимъ. Кто видалъ каналы заграницей или хотя бы Саймепскій каналъ въ Финляндіи, тотъ, не задумаясь, признаетъ каналы нашей Маріинской системы жалкими сооруженіями, да и надобность въ нихъ проявляется только потому, что закоснѣлые въ своихъ привычкахъ купцы и промышленники не хотятъ строить порядочныхъ судовъ, которые могли бы ходить по Ладожскому и Онежскому озеру. Они предпочитаютъ сплавлять грузы въ дрянныхъ баркахъ, иныя изъ которыхъ строятся только на одинъ разъ и по прибытіи въ Петербургъ распиливаются на

ленская трова. А посмотрите что это за озеро, Ладога.—пѣлое море. Оно тянется въ длину на 194½ версты, въ ширину на 122½, представляя громадную скатерть воды почти въ 16.000 кв. верстъ (15.922,7). Наволъ сѣ мелень нижій берегъ, въ топкой ложбѣ которато дѣлаютъ обходные каналы; чуть замѣтные острова (обстени и Корелки), мели и камни не позволяютъ плавать въ этихъ мѣстахъ. Зато къ серединѣ озера глубина увеличивается до 40 саженей, а въ сѣверо-западномъ углу Ладоги, гдѣ оно врѣзается въ финскіе граниты и мягкими заливами, фіордами, шхерами, глубина доходитъ мѣстами до 122 с. Здѣсь противъ высокихъ береговъ лежитъ множество скалистыхъ острововъ и камней. Цѣпь ихъ отъ г. Кексгольма протягивается до группы

Маякъ на Ладогѣ близъ устья Свири.

Валаамской, состоящей изъ 40 острововъ съ общей площадью въ 33 кв. в., среди которыхъ самый большой Валамо, а на немъ знаменитый Преображенскій монастырь. Сколько воды въ этомъ озерѣ! Нѣсколько большихъ рѣкъ—Вуокса, Свирь, Сязь, Волховъ и безчисленное число мелкихъ рѣчекъ, льютъ въ него воды изъ сосѣднихъ озеръ и болотъ, и вся масса этой воды, собирающейся съ громаднаго пространства, уходитъ въ море черезъ единственный стокъ Неву. Медленно и величаво изливаютъ въ Ладогу свои воды южные и восточные притоки, тогда какъ сѣверные шумно пѣнятся по гранитнымъ порогамъ. День и ночь льется въ озеро вода, вытекая на другомъ концѣ. Но погода перемѣнчива: то идутъ дожди, то сухо, а потому количество воды, приносимой притоками, колеблется, и озеро словно медленно дышетъ, то подымая, то опуская свой уровень. Колебанія эти невелики и рѣдко ло-

спускать сажени (самое большое 7 ф. 3½ д., а самое большое въ длину и тоть же толь 3 ф. 11½ д.), гораздо замѣтнѣе стоит и плоны воп въ малой Невской губѣ; здѣсь сильный западный вѣтеръ отжимаетъ воду къ востоку, такъ что Кошкинъ фарватеръ мелѣетъ и становится почти непроходимъ, но этотъ же вѣтеръ нагоняетъ воду изъ Финскаго залива въ устье Невы, угрожая Петербургу наводненіемъ. Наоборотъ, восточный вѣтеръ приноситъ воды Ладоги къ Невѣ, а въ нее сгоняетъ воду въ Финскій заливъ. Такимъ образомъ вода отъ нажима вѣтра качается въ озерѣ, словно чай въ блюдечкѣ. Тотъ же западный вѣтеръ,—а вѣдь онъ дуетъ въ нашихъ мѣстахъ чаще всего, приводитъ воду Ладоги въ медленное круговое теченіе, отгибая вмѣстѣ съ нимъ въ ту же сторону воду притоковъ. Начинаясь у устья Волхова, струя теченія медленно движется дальше вдоль восточнаго берега, загибая тамъ на западъ, потомъ на югъ и входитъ въ Неву. Бревно, плывущее внизъ по Волхову, войдетъ въ Неву не иначе, какъ обойдя все озеро. Такъ какъ это теченіе производится вѣтромъ, то по нему ладожскіе рыбаки узнаютъ зимой, замерзла ли середина озера или нѣтъ. Если теченіе увлекаетъ въ свою сторону опущенныя въ проруби сѣти, значитъ по серединѣ вѣтеръ свободно гуляетъ по незамерзшему озеру, если этого нѣтъ—озеро стало. Но это бываетъ только въ самыя холодныя зимы, а обыкновенно на Ладогѣ замерзаетъ лишь кайма вдоль берега, шириною въ 20—30 верстъ. Это замерзаніе или ледоставъ происходитъ обыкновенно въ срединѣ декабря (14 го числа) въ то время, какъ Нева уже стала (около 20-го ноября), и замерзаетъ то сперва мелкая южная часть озера, потомучто дальше вѣтеръ подымаетъ волну и не дастъ образоваться льду. Здѣсь же на югѣ ледъ раньше таетъ отъ теплой воды, которую приносятъ вскрывшіяся рѣки. Хорошо, если въ ту пору, какъ ледъ весной взламывается на Ладогѣ, дуетъ упорный сѣверный или сѣверо-восточный вѣтеръ—онъ сгоняетъ ледъ со всего озера къ Невѣ, которая вноситъ его въ море, но если вѣтеръ задуваетъ съ запада, юго-запада или юга, то онъ, наоборотъ, угоняетъ ледъ въ другой конецъ озера, и ледъ долго носится по Ладогѣ, пока не растаетъ въ его волнахъ или не выброситъ его на берегъ. Обыкновенно Ладога совсѣмъ очищается отъ льда около 6-го мая (Нева 22 апрѣля). Такимъ образомъ по озеру можно свободно плавать около 200 дней въ году (191—197).

— Вотъ, Иванъ Григорьевичъ, какое это озеро, — говорю я

своем «пупике», любуемся неоглядным водным просторомъ. Что бы сдѣлали съ нимъ голландцы или англичане? А? Сейчасъ мы только въ пустынѣ не видимъ ни лодки, ни паруса, а посмотрѣть въ бинокль на берегъ — вѣдь безлюдье!

— Н-да.— отвѣчаетъ Иванъ Григорьевичъ, — голландцы тѣ бы тутъ селедку развели, да и ловили бы.

— Ну селедку, не селедку, а должно быть съумѣли бы воспользоваться этимъ внутреннимъ моремъ. Видѣли вы, какіе тутъ суда — галіоты да соймы. Вѣдь соймы, на соймахъ здѣсь еще новгородцы плавали, а галіоты строить научилъ Петръ. Что такое галіоты? Галіотъ голландское судно 17 го вѣка, и хоть бы что нибудь лучшее придумали съ тѣхъ поръ! Вотъ, Иванъ Григорьичъ, если бы дали намъ распоряжиться, мы бы сейчасъ нарядили экспедицію для полнаго изученія Ладоги и всѣхъ озеръ съ окрестностями, завели бы мореходные классы, образцовыя верфи, прокопали бы каналъ къ Бѣлому морю и въ Финляндію, стали бы рыбу разво...

— И совсѣмъ ни къ чему.— обрываетъ меня Иванъ Григорьичъ,— лучше бы всѣхъ жителей грамотными сдѣлать, да по настоящему, а не какъ мы теперь, тогда нечего вамъ и дѣлать было-бъ, сами все сдѣлали бы, какъ голландцы или англичане.

— Кто-жъ васъ сдѣлаетъ грамотными? Сами должны сдѣлаться. Не хотите, значитъ.

— Какъ не хотѣть! Да вѣдь...

Иванъ Григорьичъ машетъ безнадежно рукой и горько улыбается.

— А знаете, что по озеру большею частью возятъ?

— Что?

— Дрова, да лѣсъ; самый дешевый грузъ. Рыбу по бѣдности ловятъ молодою, рыба повывелась, а рыбаки жалуются, точно не сами вывели ее.

Къ вечеру вѣтеръ спалъ, и озеро стало какъ зеркало, отражая алѣющее небо. Вдали темной полоской еле виднѣлся берегъ. На пути парохода то и дѣло попадались рыбачьи сѣти. Деревянные поплавки ихъ, точно вереница чаекъ, тянулись по водѣ, въ то время какъ тяжелыя грузила тянули сѣть внизъ, заставляя ее стоять стѣной. Пароходъ безъ всякаго смущенія идетъ черезъ сѣти, и такъ какъ колеса его сидятъ въ водѣ выше, чѣмъ килъ, то сѣти не рвутся отъ такого натиска, а снова всплываютъ за кормой. Вотъ впереди на водѣ показалась какая то черная точка.

— Утка,—утверждаетъ Иванъ Григорьичъ.

Нѣтъ, не похоже. Вотъ посмотримъ, взлетитъ—значитъ утка, нырнетъ—значитъ тюлень.

Въ это мгновенье черная точка исчезаетъ въ водѣ, подтверждая тѣмъ справедливость послѣдняго предположенія. Мы съ любопытствомъ смотримъ, долго ли тюлень пробудетъ подъ водой, не вынырнетъ ли онъ возлѣ борта парохода. Но проходитъ нѣсколько минутъ, и только тогда черная точка снова показывается далеко за кормой парохода. Осторожный звѣрь, видно, хорошо знаетъ, что встрѣчи съ людьми надо избѣгать. Тюлени водятся въ Ладожскомъ озерѣ издавна. Это потомки тюленей, которые жили въ этихъ водахъ еще въ тѣ отдаленныя времена, когда широкій морской проливъ соединялъ Бѣлое море съ Балтійскимъ. Ихъ теперь немного, потому что рыбы въ озерѣ мало. Прибрежные жители по своей бѣдности не брезгаютъ мелкой рыбой, которую вылавливаютъ сачками, отчего озеро годъ отъ году теряетъ свои рыбныя богатства. Къ вечеру нашъ пароходъ сталъ приближаться къ восточному берегу и вскорѣ вошелъ въ устье рѣки Свири. Какое грустное впечатлѣніе производятъ эти топкія, поросшія жидкимъ камышомъ мѣста! Справа и слѣва камыши и озера, и только кое гдѣ торчитъ на сваяхъ полуразвалившаяся рыбачья лачуга. Утки, вспугнутыя пароходомъ, стаей летятъ низко надъ водой и исчезаютъ за стѣной камышей.

Въ часъ ночи пароходъ причаливаетъ къ мѣстечку Сермакса. Ночь, но свѣтло, какъ днемъ, и чуть ли не все населеніе Сермаксы высыпало на пристань. Пароходъ спускаетъ нѣсколькихъ пассажировъ и спѣшно сбрасываетъ кое-какой грузъ. Опять крики, толкотня, нищіе и слѣпые съ поводырями-мальчишками канючатъ у равнодушныхъ пассажировъ милостыню; лавочникъ открылъ свой ларекъ съ булками и папиросами, а нѣсколько бабъ наперебой предлагаютъ изъ своихъ корзинъ пироги съ сигами. Мы хотимъ купить, но въ это время отъ пристани отчаливаетъ лодка съ солдатами пограничной стражи: офицеръ величественно стоитъ на кормѣ и очевидно хочетъ блеснуть своей молодцоватой командой, которая начинаетъ лихо грести, но въ самый торжественный моментъ у какого-то солдатика срывается весло, и онъ летитъ кубаремъ назадъ, высоко дрыгая въ воздухѣ ногами въ дряныхъ сапогахъ. Весь эффектъ потерянъ, и сконфуженная лодка спѣшитъ поскорѣе убраться прочь. Не успѣли мы отойти отъ смѣха, вызваннаго этимъ случаемъ, какъ разыгрывается новое

происшествіе. Какой-то несчастный, больной падучей болѣзнью, грохнулся на полъ, чуть не свалившись въ воду Мужики въ сермягахъ столпились кругомъ, бабы вахали и принялись соболѣзновать, но пароходъ далъ свистокъ и сталъ отваливать, оставляя за собой въ блѣдномъ свѣтѣ бѣлой ночи Сермаксу и ея обитателей. Мы еще сидимъ нѣсколько времени на палубѣ, но становится свѣтло и клонитъ ко сну. Кое какъ устроились мы на красныхъ диванахъ въ душной каютѣ, но заснули не скоро и спали всего **какихъ нибудь три часа.**

На зарѣ «Кивачъ» присталъ къ Лодейному Полю. Лодейное поле получило свое названіе отъ корабельной верфи, которую заложилъ здѣсь въ 1702 г. Петръ I Царь собственноручно заложилъ на ней 6 фрегатовъ и 9 шнявъ и въ сентябрѣ 1703 г. возвратился отсюда въ Петербургъ на первомъ построенномъ здѣсь фрегатѣ «Штандартъ», который былъ первымъ русскимъ кораблемъ, вышедшимъ черезъ Ладогу и Неву въ Балтійское море Вѣроятно Петръ возлагалъ большія надежды на эту верфь, заложенную въ лѣсистой мѣстности. Посмотрѣлъ бы онъ теперь, что сдѣлали изъ творенія его рукъ потомки: жалкіе домишки тянутся вдоль единственной улицы, за которой видно пустое поле, большой бѣлый соборъ и возлѣ него обелискъ—памятникъ, поставленный великому царю какимъ-то неизвѣстнымъ почитателемъ, съ надписью, которая заканчивается словами: «да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный простымъ усердіемъ воздвигнутый памятникъ».

Стоитъ только посмотрѣть на это несчастное мѣстечко, чтобы понять какое жалкое существованіе ведутъ его обитатели. Но въ отдаленныя времена было еще хуже. Тогда по берегамъ Свири тянулись дремучіе лѣса, въ которыхъ звѣринымъ образомъ жила дикая корела и лопь — чудскія и финскія племена, остатки которыхъ до сихъ поръ населяютъ мѣстности далѣе на сѣверъ. И сюда то въ эти глухія мѣста, въ «лѣшія рѣки, озера и лѣса» принесли первые начатки человѣческой жизни новгородскіе славяне. Они покорили этихъ дикарей, обложили ихъ данью и начали селиться въ странѣ, конечно, ради разныхъ выгодъ, доставляемыхъ ею Въ тѣ отдаленныя времена славяне недавно приняли христіанство, и потому иные изъ нихъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ житій разныхъ святыхъ просвѣтителей, сами заразились такимъ же духомъ. Тамъ и сямъ въ лѣсной пустынѣ стали возникать хижины пустынниковъ, которые видѣли все на-

ничіе свои жизни въ спасеній души по пыжническои жизни» и въ просвѣщеній темныхъ несчастныхъ дикарей. Дикари сначала ополчились на этихъ проповѣдниковъ новыхъ неслыханныхъ тогдѣ истинъ; они пожирали ихъ хижины, грабили «животы» и даже грозили имъ смертью, но постепенно пустынножители кротостью и терпѣніемъ приручили къ себѣ дикарей. Тѣ скоро увидѣли, что эти люди не только не дѣлаютъ, но даже не желаютъ имъ зла, и стали обращаться къ нимъ сперва за совѣтами въ своихъ дѣлахъ, а потомъ и за поученіемъ. Кругомъ пустынника собиралась братія, и вскорѣ возникало трудовое общежитіе, члены котораго общими силами расчищали лѣса, осушали болота и заводили хлѣбопашество и промыслы. Такъ Кириллъ Челмогорскій научилъ чудь вскапывать землю лопатой, Филиппъ игуменъ ввелъ въ употребленіе вѣялки и завелъ первый кирпичный заводъ, и трудно себѣ представить до чего дошли бы въ устроеній земли здѣшніе трудолюбивые и трезвомыслящіе славяне, еслибы ихъ не тревожили разными преслѣдованіями московскіе воеводы и другіе за приверженность къ старой вѣрѣ. Еще въ прежнія времена даже соловецкіе монахи дивились искусству здѣшнихъ насадителей культуры. Такъ одинъ старецъ пишетъ по поводу водопровода, устроеннаго въ одномъ скиту: «како умудри Господь избранныхъ своихъ, черезъ трубу нѣкую великую поднимется вода вверхъ, перейдетъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, да и по всѣмъ бочкамъ сама разойдется». и до сихъ поръ всюду встрѣчаются остатки этого стараго порядка, когда люди сами могли промышлять о себѣ, слѣдуя только велѣніямъ своего ума, а не указамъ начальства, жившаго за тридевять земель. Народъ не забылъ своихъ древнихъ учителей и до сихъ поръ чтитъ имена ихъ. но увы. поселенія, гдѣ жили и трудились эти подвижники, представляютъ теперь совсѣмъ другую картину.

Цѣлый день мы плыли по Свири. любуясь ея берегами. Свирь вдвое уже Невы, но гораздо красивѣе. Берега ея высоки, а за ними виднѣются холмы и горы, одѣтые лѣсами. Теченіе ея быстрое особенно на порогахъ, которыхъ много. Самые большіе пороги залегаютъ между Подпорожьемъ и Мятусовымъ и носятъ названіе «Сиговецъ» и «Медвѣдцы», они невольно обращаютъ на себя вниманіе по быстротѣ теченія и замѣтному даже на глазъ паденію рѣки въ этихъ мѣстахъ. Особенно любопытенъ порогъ Сиговецъ; оба берега сближаются здѣсь до того.

что буквально рукой подать. Вода бѣжитъ стрѣлой, бурлитъ, пѣнится, и вотъ самого парохода видны камни, «луда», какъ ихъ здѣсь зовутъ. Капитанъ уже не надѣется на себя и сдалъ команду лоцману съ биноклемъ на груди, который стоитъ на мости-

Важны, большая пристань на Свири.

кѣ и подаетъ знаки штурману. «Кивачъ» работаетъ колесами изо всѣхъ силъ, но ползетъ впередъ какъ черепаха. Взглянешь на воду—вода бѣжитъ съ головокружительной быстротой, посмотришь на берегъ—мы почти стоимъ. На берегу видна сторожка и сигнальная мачта, на которой ночью вывѣшиваются сигнальные фонари, а дальше влѣво длинный, но узкій и низкій валъ изъ камней отрѣзаетъ отъ Свири тихую заводь и стѣсняетъ теченіе ея—очевидно это какое-то инженерное сооруженіе для облегченія судоходства на порогѣ. За порогами Свирь снова расширяется. По берегамъ тамъ и сямъ видны деревни съ высокими, почернѣвшими и покосившимися избами, а у самой воды то и дѣло виднѣются сложенныя полѣнницы дровъ, которыя тянутся иногда чуть не на сотню саженей. Это тѣ дрова, которыя доставляются лѣтомъ въ Петербургъ на громадныхъ баржахъ, выгружающихся на Невѣ и на всѣхъ петербургскихъ каналахъ. Между сложенными саженями копошатся жалкія закутанныя во всякую рвань фигуры—это складчики и грузчики. На каждомъ шагу «Кивачъ» обгоняетъ или встрѣчаетъ караваны баржъ, которыя буксируютъ такіе же колесные буксиры, какіе ходятъ по Волгѣ. Иногда попадается маленькій винтовой пароходикъ безъ палубы: онъ вы-

пускаетъ изъ своей трубы нѣтъ не трубы дыма, усердно буравитъ воду винтомъ и съ трудомъ тянетъ противъ теченія веренину барокъ, точно муравей, ухватившій соломину не по силамъ. Команда, вымазанная сажей, чайничаетъ подъ закоптѣлымъ балдахинчикомъ, раскинутымъ надъ рулевымъ колесомъ, равнодушно поглядывая на «Кивачъ». Всѣ эти барки тянутся съ Волги: пройдя Свирь, они вступятъ въ Ладожскій обводной каналъ, начинающійся въ тѣсной мѣстности устьевъ Свири, гдѣ въ нее впадаетъ рѣчка Сыринга. Изъ канала они выйдутъ у Шлиссельбурга, чтобы, пройдя королеву Неву, разгрузиться на Калашниковой пристани въ Петербургѣ. На Свири пароходы останавливаются у пристани Важинъ, Погворожье, Мятусово. Остречина

„Кивачъ" у пристани въ Важнахъ.

и Гакъ-Ручей. Это большія и богатыя села съ хорошими двухэтажными домами, населенныя преимущественно лоцманами и отчасти рыбаками. Лоцмана работаютъ порядочно, и такъ какъ каждое судно обязательно должно брать лоцмана по отдѣльнымъ участкамъ, а большіе пароходы даже двоихъ, то лоцмановъ требуется много.

Публики на пароходѣ довольно много, но изъ нихъ мало съ кѣмъ тянетъ познакомиться. Во второмъ классѣ «спинжаки» съ ястребинымъ выраженіемъ лица, какое налагаетъ на человѣка вѣчное исканіе наживы, въ третьемъ—возвращающіеся домой изъ Питера мужики и тоже «спинжаки», только приказчичьи, при лакированныхъ сапогахъ и неизмѣнной фуражкѣ. Пассажиры пер-

ваго класса, чиновники и офицеры, даже и не показывались: они сидѣли гдѣ-то тамъ внизу и все время играли въ карты. Исключеніе среди нихъ составляла одна пожилая дама, обращавшая на себя наше вниманіе: отъ нея она была по иностранному, не говорила по русски и большую часть пути проводила на палубѣ, съ необыкновеннымъ любопытствомъ разсматривая все окружающее. Видно было, что многое ей было непонятно, о многомъ хотѣлось бы разспросить, но языкъ, русскій языкъ, которымъ иностранцы овладѣваютъ съ такимъ трудомъ, не давалъ простору мысли. Еще на Ладогѣ, когда «Кивачъ» шелъ мимо сѣтей, любопытство этой дамы дошло до того, что она совершенно безотчетно дернула меня за плечо и произнесла неизмѣнное нѣмецкое: васъ истъ дасъ (что это такое?). Я знаю по нѣмецки, и мы разговорились. Она оказалась женой пастора изъ средней Германіи и ѣхала прямо оттуда въ гости, въ городъ Пудожъ, къ дочери, женѣ тамошняго чиновника. Поразительно, какъ любознательны иностранцы по сравненію съ нами, русскими. Эта дама подробно разспрашивала меня обо всемъ, и видно было, что это не праздное любопытство, такъ, отъ путевой скуки, а самый живой интересъ. Прежде всего ее поражала наша природа: эти громадныя озера, могучія рѣки, лѣсныя дебри и болота, весь этотъ просторъ, неизвѣстный въ густо заселенной Европѣ. Она никакъ не ожидала, что наша сѣверная природа такъ красива.

— Знаете,—говорила она, указывая на холмы и горы по берегамъ Свири, эти мѣста напоминаютъ мнѣ берега Рейна, а ваша Свирь громадная рѣка. Право, она не уже Эльбы, а вѣдь Эльба одна изъ самыхъ большихъ нѣмецкихъ рѣкъ. Но, Боже мой, до чего несчастны эти жители. Какъ могутъ они жить въ этихъ грязныхъ домахъ! Посмотрите, вонъ на берегу коровы. Развѣ это коровы! Кожа да кости. Вѣдь отъ такой коровы нельзя получить масла и сыра. Какіе вы русскіе странные люди, природныя богатства лежатъ кругомъ васъ, а вы не умѣете использовать ихъ.

— Это вѣрно, но что же дѣлать. Всему мѣшаетъ ужасающее невѣжество народа. Нашъ народъ умный, способный, онъ умѣетъ работать и веселиться, но вѣдь ему мѣшаютъ на каждомъ шагу. Посмотрите сколько кругомъ земли и лѣсу, а между тѣмъ здѣшніе крестьяне, какъ и вездѣ въ Россіи, страдаютъ отъ малоземелья. Лѣса всѣ казенные, и рубятъ и торгуютъ ими вотъ эти пиджаки, которые истребляютъ ихъ самымъ хищническимъ образомъ. Вѣдь у васъ въ Германіи совсѣмъ иначе. Тамъ

даже лѣти бѣдняковъ проходятъ годовую школу, въ семьѣ и вездѣ кругомъ чистота и порядокъ, много разныхъ учрежденій, гдѣ они могутъ научиться и по огородству и садоводству и разнымъ промысламъ; нѣтъ такого крестьянина, легко занять деньги подъ малые проценты для улучшенія своего хозяйства, у него хорошія лошади, коровы, овцы, словомъ все кругомъ помогаетъ, идетъ навстрѣчу ему, а не мѣшаетъ на каждомъ шагу: дороги хорошія, рѣки исправлены, все легко получить, все можно узнать. И если и у васъ много бѣдноты, такъ ужъ по другой причинѣ. У насъ ничего такого нѣтъ. Вонъ внизу сидятъ чиновники— они играютъ въ карты; спросите ихъ о чемъ нибудь изъ жизни

Вознесенье: пристань и барки.

этого края, и вы увидите, что они ничего не знаютъ, да и знать не хотятъ.

— Какъ это все печально, и тѣмъ печальнѣе, что мнѣ русскій народъ очень нравится.

— Да, народъ хорошій.

Около пяти часовъ вечера «Кивачъ» сталъ подходить къ пристани Вознесенье. Прямо впереди открылось Онежское озеро. Онего по злѣшнему Вознесенье представляло оживленную картину грузовой дѣятельности. Громадная, но дряхлая деревянная пристань съ разными мостками была завалена дровами, мѣшками и разными грузами. По ней во всѣ стороны сновалъ народъ, толпы котораго густо облѣпили то мѣсто, куда причалилъ «Кивачъ». Здѣсь намъ предстояло остаться до часу ночи, потому что «Ки-

вачь» забирать грова и грузъ. Едва сбросили сходни, какъ мы поторопились сойти на берегъ и отправились наблюдать жизнь и людей.

Сейчасъ же за пристанью открывается конецъ Онежскаго охотничьяго канала. Узкая насыпь отдѣляетъ его отъ озера и отъ устья Свири. Озеро и рѣка были усѣяны барками всѣхъ фасоновъ, которые мѣстами сгруппились въ длинные ряды, тонкія мачты ихъ съ красными вымпелами, рангоуты гальотовъ, пароходныя трубы, да какія то высокія сооруженія, должно быть подъемные краны для грузовъ, тянулись въ небо. По рябившей водѣ сновали лодки, звучали ровные удары и плескъ весель, и далеко по глади водъ неслись во всѣ стороны крики лодочниковъ и бурлаковъ. По каналу медленно, точно сонная, двигалась громадная барка, которую тянула за длинную привязанную къ вер-

Конная тяга на Онежскомъ каналѣ.

хушкѣ мачты бичеву нѣсколько жалкихъ лошадокъ въ веревочной сбруѣ. Сзади шелъ оборванный мальчишка, нахлестывавшій клячъ кнутомъ, а въ сторонѣ у полѣнницы дровъ, понуря голову, смирно и неподвижно, уставивъ кроткія стеклянныя глаза въ одну точку, стояло еще нѣсколько такихъ бѣдныхъ конягъ; шерсть лѣзла съ нихъ клочками, обнажая стертую кожу и ребристые впалые бока. За что страдаютъ эти несчастныя лошади? За то, что люди не хотятъ подумать и улучшить и ихъ и свое положеніе. Тысячи тощихъ клячъ, пропадаемыхъ на эту службу за негодностью къ другой или за болѣзнью, кончаютъ свое жалкое существованіе на этой тягѣ, распространяя далеко во всѣ стороны страшную сибирскую язву. И вотъ такая конная тяга не вывелась еще на всей системѣ.

*

Само Вознесенье лежитъ по ту сторону канала. Къ нему ведетъ плавучій мостъ, который сейчасъ по случаю прохода барки отведенъ въ сторону. Тѣни людей скопились на томъ и этомъ берегу—это бурлаки и судорабочіе, да бабы торговки. Скоро

Бурлаки на каналѣ.

мостъ навели, и мы перебрались на ту сторону, обозрѣли обелискъ, воздвигнутый строителямъ канала, не тѣмъ, которые по колѣно въ водѣ махали лопатой и дрогли въ сырыхъ землянкахъ, а тѣмъ, кто въ роскошномъ кабинетѣ указывалъ перстомъ на го-

Начало Онежскаго канала, съ памятникомъ строителямъ его и плавучимъ мостомъ.

товый планъ. Рядъ домовъ выстроился вдоль набережной, мимо ходили и шмыгали разные люди, въ числѣ которыхъ было немало «Спиридоновъ - поворотовъ», «рѣшеныхъ столицы», могавшихся здѣсь на проходѣ. Изъ зданій наше вниманіе привлекла

«Народныя чтенія и читальни», куда мы и завернули. Здѣсь въ двухъ большихъ комнатахъ съ маленькими настежь отпертыми окнами, за грязными столами, засѣдало нѣсколько компаній бурлаковъ. По стѣнамъ висѣли картины патріотическаго и религіознаго содержанія, въ томъ числѣ «Семь тяжкихъ гроздовъ пьянства», разсчитанныхъ на то, чтобы всякій по прочтеніи ихъ немедленно ужаснулся и оставилъ бы навсегда пагубное пристрастіе къ горячительнымъ напиткамъ. Публика, очевидно, привыкла къ этому зрѣлищу и знала, какъ держать себя: такъ шапки мужики клали на полъ возлѣ стула, сунувъ туда же платокъ, а дѣвушекъ, полававшихъ чай величали «барышнями». Но привычка къ забористымъ словамъ брала свое, и изъ устъ гостей то и дѣло вырывались крѣпкія выраженія. Такія же выраженія слышались съ улицы, гдѣ у воротъ стояли и сидѣли аборигены Вознесенья обоего пола и разныхъ возрастовъ, вступавшіе въ оживленныя препирательства съ прохожими. Изъ чайной мы вернулись на пристань, гдѣ готовился отвалить «канальскій» пароходъ, судно совершенно особаго типа, приспособленное къ хожденію по каналу. Это сооруженіе напоминало скорѣе большую плавучую кухню. На плоскомъ днищѣ стояли двѣ каюты съ лавками внутри, соединенные вагоны. Между ними помѣщалась машина — нѣчто вродѣ плиты съ трубой съ пузатой сѣткой наверху, чтобы не пропускать искры. Объ каюты были покрыты общей крышей, перегороженной какими-то дугами изъ толстаго желѣза. Все судно было обсыпано пассажирами, какъ мухами. Горы ящиковъ, корзинъ, узловъ, узелковъ едва позволяли двигаться, и курьезно было видѣть, какъ среди сценъ прощанія и проводовъ изъ черной дыры въ полу страннаго сооруженія вылѣзалъ грязный равнодушный машинистъ, Харонъ этой ладьи.

– Скажите, пожалуйста, на что эти дуги наверху? — спрашиваю я у праздная матроса послѣ напряженной попытки самому разгадать ихъ назначеніе.

То што ходитъ онъ по каналу, а канаты пропущаетъ надъ собой, такъ чтобъ не задѣвали.

— Такъ. Ну, а труба зачѣмъ такая?

— Труба? То што ходятъ барки съ сѣномъ и дровами, а отъ него искры, и можетъ сдѣлаться пожаръ.

- Да вѣдь искры сквозь такую сѣтку пролетятъ!

— Извѣстно пролетятъ. Ну да вѣдь форма.

— А скоро ходитъ эта машина?

— Эта машина ходить не болѣе 9 верстъ въ часъ, скорѣи не дозволено, потому что отъ нея волны и пуги и каналъ размываютъ.

Въ это время странное сооруженіе сипло рявкнуло три раза, подъ нимъ что то забурлило, и оно тронулось въ путь-дорогу, а мы вернулись на свои «Кивачъ». Тамъ шла оживленная работа: съ одного борта матросы возили на тачкахъ здоровенныя круглыя полѣнья, которыя складывали тутъ же на палубѣ, пока она не стала похожей на дровяной дворъ, а къ другому борту подвели громадную барку съ крышей. Сквозь снятыя доски крыши вилна была внутренность: тамъ на днѣ лежали несчетные мѣшки и мѣшечки съ мукой, кучка людей съ фонаремъ возилась въ одномъ углу, откуда по узкой доскѣ двигалась на пароходъ вереница бурлаковъ съ мѣшками на спинахъ. Порожніе подходили, подставляли дюжую спину, на которую двое другихъ сажали куль или четыре маленькихъ мѣшка по пуду каждый, и бурлакъ, крякнувъ и поправивъ ношу, дробнымъ шагомъ бѣжалъ наверхъ. Работали быстро, страстно, даже, можно сказать, весело.

— Почемъ получаете?

— Полкопѣйки съ пуда.

— А сколько въ кулѣ?

— Четыре пуда.

— Много-ли зарабатываете?

— И рупь и два.

Чтобы заработать одинъ рубль, надо перетащить на собственной спинѣ 50 такихъ мѣшковъ по четыре пуда каждый, итого 200 пудовъ. Можно себѣ представить, во что превращается бурлакъ къ вечеру. Нѣкоторые изъ нихъ, улучивъ свободную минуту, сходили въ сторону, вытаскивали изъ кармана бутылку съ водкой и покрѣпляли себя изъ горлышка. Тяжелая работа!

Скоро перегрузку кончили, «Кивачъ» простился съ одной стороны пробитой дыры, превратился съ грузи въ пустую баржу. Люди съ фонарями влѣзли наверхъ, заколотили дыру досками, и вскорѣ барка, отдохнувшись отъ пароходства, стояла въ сторонѣ.

Съ утра работа закипѣла сильнѣе, сбавили вечернимъ премипрѣровочнымъ числомъ. На баржахъ рабочіе расчищали мѣста на кормѣ, вокругъ мачтъ и у трапа. Какой-то весельчакъ, взгромоздившись на высокій руль баржи, сидѣлъ на перилахъ

заборный и высокой мостикъ на составной баркѣ отжимавшій бурлаки, побуривъ шлярку, вышелъ на помостъ и, мягко притопывая веревочными лапями, началъ выдѣлывать разныя колѣна, заражая своимъ весельемъ сосѣдей, а на посу кучка другихъ, громыхая какими-то цѣпями, заглушала темнѣвшее пространство горластой руганью. Но небо темнѣло, сквозь бѣлую тьму скромно замерцало надъ озеромъ нѣсколько звѣздъ, и утомленные дневной тревогой люди понемногу отходили къ сну. Замолкла гармошка, опустѣли палубы барокъ, по темной водѣ перестали ходить лодки, и все Вознесенье понемногу погрузилось въ сонъ. Заснуло и Онего; волнъ гладь его исчезла вдали въ полумракѣ бѣлой ночи, сливаясь съ небомъ и отъ тьмы сумракомъ берегами. Только на югѣ, гдѣ вилѣлась вдали пологая возвышенность, небо было темнѣе и иногда точно вздрагивало отъ слабыхъ вспышекъ молній. Мой барометръ быстро падалъ, предвѣщая грозу. Спать мнѣ не хотѣлось, я остался на палубѣ и сталъ ждать наступленія ея. Вспыханія неба на югѣ становились чаще и сильнѣе, составляя какой-то зловѣщій контрастъ съ погруженной въ сонъ и полумракъ окрестностью. Гроза приближалась, молніи вспыхивали чаще и чаще, и вскорѣ вдали стали доноситься глухія громыханья. Казалось тамъ вдали шла какая-то титаническая борьба между силами земли и неба, свѣта и тьмы, которая волновала зрителя и вовлекала его въ свои перипетіи. Небо то загоралось изъ конца въ конецъ, содрогалось и меркло, угрожая землѣ глухими раскатами грома, то изъ выси его въ грудь земли вонзалась извилистая, какъ мечъ архангела, молнія, которая, постоявъ немного, точно не имѣя силы проникнуть далѣе въ кору земли, мгновенно и неожиданно тухла, покрывая свое исчезновеніе яростнымъ трескомъ, отъ котораго, казалось, поролось на части все небо. Становилось страшно, и эта зловѣщая жуть еще росла оттого, что все кругомъ спало въ безмятежномъ покоѣ. Но вотъ съ юга донеслось первое дуновеніе прохлады. Порывы ея налетали все чаще и чаще, какъ авангардъ медленно надвигавшихся черныхъ тучъ. Вода на озерѣ зарябила, упавшія вымпела зашевелились на мачтахъ, пали первыя холодныя капли дождя, и молніи загорались не только на югѣ, но и вправо и влѣво. Черезъ пять минутъ гладкое озеро потемнѣло и надулось, вода закачалась, и гряды волнъ со вспѣненными верхами побѣжали по немъ, флаги яростно бились, веревки хлопали о мачты, закрутились на пристани брошенныя бумаги и соръ, и надо было крѣпко

навинчу фуражку и застегну пуговицы. Мы попали въ самый разгаръ бури. «Кивачъ» зачалился, скрипя о пристань, заколыхался кругомъ барки, льнущей мачтами, и началъ вертѣться на якорной цѣпи. Какая перемѣна! Давно ли все было недвижно и сонно кругомъ, а теперь свистъ и вой вѣтра мѣшался съ всплесками волнъ, скрипомъ деревъ, и все покрывали собой жесткіе, рѣзкіе звуки грома. Но въ хаосъ разгулявшейся природы не вмѣшалъ своего голоса одинъ человѣкъ. Люди спали еще. Однако вотъ и они. Очевидно, никто не ждалъ бури, и теперь, когда барки съ жалобнымъ скрипомъ затерлись другъ о друга, и одна, бороздя якорь по дну, сдвинулась съ мѣста и нажала на сосѣдей, сонные, встрепанные бурлаки выскочили наверхъ. И вотъ въ величественное и зловѣщее зрѣлище бури люди внесли свой комическій элементъ: этимъ лохматымъ камаринскимъ мужикамъ было не до красотъ природы, а вотъ какъ навалить барку на барку, да помнетъ бока, да полопаются канаты, да въ широкія щели польетъ вода, подмачивая муку, такъ задастъ тебѣ хозяинъ звону почище этого грома. И люди кучами метались по палубамъ, тянули что-то, отчаянно ругаясь, перебѣгали съ барки на барку и завозили на лодкахъ какія-то снасти. Нашъ капитанъ тоже дѣлалъ распоряженія съ мостика, и матросы лихорадочно, но увѣренно подвязывали разныя снасти и накрывали брезентами грузъ и люки. Пошелъ сильный косой дождь, и стало свѣтлѣе.

Былъ уже часъ ночи, срокъ отхода «Кивача», но мы и не думали трогаться.

— Что-жъ не ѣдемъ?—спрашиваю матроса.

— Гдѣ-же ѣхать, вишь какая буря!

— Что за буря, это ли буря!

— Нашему «Кивачу» и то буря. Онъ заслуженный, должонъ беречься.

— Когда-жъ двинемся?

— Должно часа черезъ полтора,—отвѣчаетъ матросъ, зѣвая, и уходитъ спать.

На палубѣ пусто, только я да дождь, который хлещетъ, образуя лужи на полу и въ складкахъ брезента. Мнѣ онъ не мѣшаетъ, потому что я спрятался подъ резиновую накидку и стою спиной къ нему и вѣтру, наблюдая уходъ грозы. Бурлаки, напоивъ и накормивъ, снова скрылись подъ палубу, и опять все тихо кругомъ, только дождь сѣчетъ воду и землю. Становится совсѣмъ свѣтло, гроза замираетъ вдали, дождь стихаетъ, и на палубѣ

«Кивача» появляется капитанъ въ такой же накидкѣ, какъ на мнѣ. Выѣзжаетъ команда, облачившаяся въ разныя непромокаемости, штурманъ сталъ къ рулю, и «Кивачъ», сбросивъ сходни и подобравъ причалы, началъ ерзать, стараясь выбраться изъ толпы барокъ. Вотъ онъ выбрался, выставилъ носъ въ озеро и, погачиваясь, пошелъ полнымъ ходомъ впередъ, а Вознесенье стало таять у насъ за кормой. Я не уходилъ съ палубы – надо-же было посмотрѣть Онего-озеро, о которомъ говорится въ каждомъ учебникѣ географіи. А ну-ка почитаемъ географію!

Названіе Онего, очевидно, не русское, а финское, и когда русскіе сюда попали, въ точности неизвѣстно. Это были несомнѣнно новгородцы, заселившіе всю эту озерную полосу до Бѣлаго моря. По очертанію оно сильно разнится отъ Ладоги, потому что очень длинно, но по характеру береговъ сходно съ нимъ: южный берегъ низкій, топкій, а сѣверо западный еще болѣе изрѣзанъ, чѣмъ на Ладогѣ, образуя пять длинныхъ узкихъ губъ и длинный изогнутый Повѣнецкій заливъ. Онего почти вдвое меньше Ладоги (8569,9 кв. в. или 9751,1 кв. км.), но все еще такъ велико, что въ 18 разъ превосходитъ Женевское озеро и является вторымъ по величинѣ въ Европѣ. Особенно разительно различіе въ его длинѣ и ширинѣ: длина 210 в., наибольшая ширина всего 85. Извилистые берега охватываютъ его линіей въ 1.200 в. Разъ Свирь течетъ изъ него въ Ладогу, то ясно, что Онего лежитъ выше его надъ уровнемъ моря, а именно на высотѣ 125 ф. (43 м.), и принадлежитъ къ кольцу большихъ озеръ, охватывающихъ Ладогу со всѣхъ сторонъ. Сходство съ Ладогой довершается еще тѣмъ, что большая часть острововъ и наибольшія глубины расположены въ сѣверной части озера. Здѣсь особенно кидается въ глаза большой островъ Кижепкій, расположенный при южномъ концѣ полуострова Заонежье. Возлѣ него къ западу, при входѣ въ Лижемскую губу, залегаютъ, если такъ можно выразиться, пучины; онѣ залегаютъ вдоль тѣхъ же линій, по которымъ вытянуты полуострова и острова, а именно: съ с.-з. на ю.-в., причемъ наибольшая глубина не превосходитъ 68 саженъ. Есть еще пучина въ самомъ сѣверномъ концѣ Повѣнецкаго залива, но глубина тамъ всего 14 с. Высокій сѣверный берегъ съ его шкерами и фьордами, носитъ совершенно финскій характеръ. Обнаженный гранитъ и другія кристаллическія породы отшлифованы и отполированы великимъ Скандинавскимъ ледникомъ, ко-

Карта
Онежского озера
масштаб 25 в 1 д.
с показанием
глубин в саженях

Повенец
Петрозаводск
Вытегра
Вознесенье
Р. Свирь
Р. Вытегра
Р. Водла
Онежская губа
Кондопожская губа
Повенецкая губа
Заонежье
Заонежье

торый стекаетъ и спокойно имѣетъ направленіе съ с.-з. на ю.-в.

Отъ Ладоги Онего отличается тѣмъ, что замерзаетъ сизонь, такъ что зимой черезъ него ѣздятъ на саняхъ, и несмотря на то, что лежитъ сѣвернѣе, замерзаетъ на югѣ позже, а вскрывается раньше Ладоги (у Вознесенья 22 декабря и 5 мая), такъ что въ среднемъ остается свободнымъ отъ льда 205—231 день въ году, тоже больше, чѣмъ Ладога. Конечно, сѣверныя губы замерзаютъ раньше. Опредѣленнаго теченія въ Онего, какъ въ Ладогѣ, не замѣчается. Значеніе это озеро имѣетъ гораздо меньше, но это внутреннее море могло-бы принести большую пользу не для одного этого края, еслибы его соединили съ Бѣлымъ моремъ каналомъ. А въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, потомучто къ сѣверу отъ Онеги расположено нѣсколько большихъ озеръ и текутъ рѣки, такъ что изъ 219 верстъ (между г. Повѣнцомъ и Сороками), которыя отдѣляютъ его отъ моря, 129 приходятся на судоходныя озера и рѣки, а остальныя 90 также частію приходятся на рѣчки и озера, которыя стоитъ только расчистить и углубить. А пока по Онего возятъ только мѣстные грузы: муку, пшено, соль и керосинъ туда; рыбу, лѣсъ, чугунъ, желѣзо и сталь—изъ него, чѣмъ занято около 550 разныхъ судовъ (въ томъ числѣ около 25 пароходовъ).

Но не буду долѣе надоѣдать читателю этой географіей тѣмъ болѣе, что три часа утра. «Кивачъ», слава Богу, выбрался въ пустое озеро и тащится на сѣверъ вдоль высокаго западнаго берега, и мнѣ хочется спать. Но это не такъ просто устроить, потомучто въ Вознесеньи насѣло много спиридоновъ, которые живописно разлеглись на красныхъ диванахъ, наполнивъ бѣлесый сумракъ каюты храпомъ, свистомъ и другими сонными звуками. Но попытаемся!

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

## Пѣшкомъ на Кивачъ.

Утромъ, когда мы вышли на палубу, «Кивачъ» уже подходилъ къ Петрозаводску. Вдали на высокій берегъ тѣснились кучи сѣ

рихъ домовъ въ перемежку съ садами. Между ними тамъ и сямъ бѣлѣли низкіе каменные дома, надъ крышами которыхъ высовывалъ свою громоздкую массу бѣлый соборъ съ куполами въ видѣ обрѣзанныхъ луковокъ. Виднѣлась еще какая-то церковь да пристани, возлѣ которыхъ узкою стоятъ нѣсколько барокъ. Пусто и сѣро—таково первое впечатлѣніе отъ этого губернскаго города, и еслибы не яркое солнце, заливавшее небо и озеро всѣми лучами, да не скалистые берега съ Ивановскими островами, замыкавшими Петрозаводскую губу справа, то было-бы даже грустно. На пристани прихода «Кивача» ожидала цѣлая толпа; едва сбросили сходни, какъ началось обычное движеніе: покатили извозчики, дребезжа развинченными гайками, какіе-то люди нет-

Рѣчка Лососинка и Александровскій заводъ.

нулись на пароходъ, откуда на нихъ напирали сходящіе пассажиры, гдѣ-то цѣловались, гдѣ-то ругались, какія-то личности предлагали меблированныя комнаты и еще что-то. Неторопясь вскинули мы свои вещи на плечи и тронулись въ путь, озираясь по сторонамъ на новое для насъ зрѣлище. Съ пристани мы сошли на берегъ и пошли въ гору по одной изъ главныхъ улицъ Петрозаводска. Направо, среди небольшой площади, окруженной лавками, находился небольшой четырехугольный бассейнъ, въ которомъ стояло нѣсколько лодокъ съ рыбой; запахъ ея носился по всей площади. Неклюжая мостовая и слабые намеки на тротуаръ шли вверхъ мимо низкихъ домовъ съ разнообразными вывѣсками: фотографія, меблированныя комнаты, и т. п., а когда мы поднялись по ней, то узрѣли громадный, неуклюжій соборъ, а за нимъ, по ту сторону рѣчки Лососинки, низкія красныя зданія и высокія трубы пушечнаго Александровскаго завода,

по полкиліпаго пала по городу. Самый городъ съ широкими, пустыми и пыльными улицами, съ низкими казенными каменными домами и обывательскими деревянными, развертывался направо. Мы разыскали гостиный дворъ, пустыя галлереи котораго отличались тѣмъ, что представляли ряды запертыхъ лавокъ, надъ дверями которыхъ возились и ворковали голуби, казавшіеся единственными обитателями этого погруженнаго въ полудневный сонъ зданія. Изъ десяти лавокъ торговала едва одна. Въ одной мы купили пару чайныхъ ложекъ, а въ другой 3 аршина марли для вуалей отъ комаровъ. Городъ такъ невеликъ, что нечего было и спрашивать, какъ выйти изъ него Мы пошли прямо, прошли маленькій скверъ, гдѣ я снялъ фотографію съ прекраснаго памятника Петра, фигура котораго стояла лицемъ къ заводу, простирая руку къ своему созданію, и стали выбираться изъ города. Широкая пыльная дорога пересѣкла рѣчку Неглинку и уходила въ даль; крестьянскія телѣги избороздили ее колеями вдоль и поперекъ, городское стадо усѣяло слѣдами своего прохода, а какіе-то предпріимчивые обыватели повыкопали съ обѣихъ сторонъ разнообразныя ямы, очевидно, добывая оттуда песокъ. Справа тянулись пустыри, слѣва такіе-же пустыри уходили внизъ къ озеру, открывая великолѣпный видъ на всю Петрозаводскую губу. Солнце палило съ яснаго неба, а мы влачились, вздымая пыль, и немогая отъ жары и тяжести груза. Начиналось наше пѣшеходное странствіе. Ну-ка, ну-ка, думалъ я, какъ это мы приспособимся къ этому первобытному способу путешествія, и съ любопытствомъ поглядывалъ на своего спутника, разрѣшая въ мысляхъ вопросъ, кто раньше запроситъ пардону, я ли, баричъ, городской сидень, или мой спутникъ, крестьянинъ и рабочій съ дѣтства.

Памятникъ Петру I.

Наше дурное настроеніе духа нѣсколько улучшилось, когда мы нагнали бабу съ кузовкомъ, которая отрекомендовала себя, какъ великую грѣшницу на томъ единственномъ основаніи, что больно любитъ чайку попить.

— И разъ попью на день, а когда случится и два.

— Не горюй, тетка, мы и три и четыре раза пьемъ, а за грѣшниковъ себя не почитаемъ.

— Да вы не изъ Питера-ли?

— Изъ Питера.

— То-то я смотрю.

Такъ дошли мы до Сулажъ горы, небольшой возвышенности, увѣнчанной церковью среди рощи и селомъ. На улицахъ его, не считая куръ и телятъ, мы не встрѣтили ни души. Здѣсь насъ впервые поразили высокія и широкія крестьянскія избы въ два и даже три этажа. Какъ всѣ русскіе люди, мы были забывчивы и не взяли въ городѣ сахару. А между тѣмъ пить хотѣлось такъ, какъ хочется только грѣшникамъ въ аду, спеціально наказаннымъ мученіемъ жажды. Конечно, мы мечтали о чаѣ, первомъ чаѣ на первомъ привалѣ среди природы. Сунулись мы искать лавку, но лавочки не было. Тогда Иванъ Григорьичъ вломился въ чью-то

На окраинѣ города, вдали видно Онего.

избу, а я остался сидѣть на дворѣ въ тѣни забора среди навоза, выжидая чѣмъ кончится его экспедиція. Сперва слышно было, какъ онъ отворялъ разныя двери и кликалъ живую человѣчью душу, затѣмъ послышались переговоры и стукъ раскалываемаго на куски сахара, въ перемежку съ которыми голосъ Иванъ Григорьича задавалъ разные мужицкіе вопросы: сколько земли, что сѣете, много-ли скота держите и т. п., на что отвѣчалъ чей-то бабій голосъ.

Справившись на картѣ, по какой дорогѣ идти, мы спустились съ Сулажа по такой-же пустынной дорогѣ.

— Какъ встрѣтимъ ручекъ, такъ и чаи пить будемъ, — говорю я Иванъ Григорьичу.

Но ручейка не было. Среди обгорѣлаго скотиной тощаго кустарника валялись обглоданные мохомъ валуны. Тамъ и сямъ изъ-подъ тощей почвы высовывался голый черепъ матери скалы, горной породы, спалившей эту каменистую страну. Въ канавѣ и болотцахъ стояла ржавая вода, и, поглядывая на нее, я думалъ объ Александрѣ Македонскомъ, которому принесли воду изъ лужи, а онъ ее вылилъ.

— Ежели ручья не будетъ, станемъ эту воду пить,—говорю я спутнику.—Прокипятимъ и ладно.

— И выпьемъ. Дивлюсь я только, сколько тутъ озеръ и болотъ, а ручьевъ нѣтъ,—говоритъ Иванъ Григорьичъ.

— А вотъ постойте, врѣжемся поглубже, такъ и рѣчки потекутъ.

Должно быть мы выпили-бы чаю на болотной водѣ, еслибы мужикъ, работавшій на дорогѣ, не указалъ намъ «чуда природы».

Возлѣ дороги на голомъ камнѣ лежала плитка сланцу. Поднявъ этотъ черепокъ, мы увидѣли въ камнѣ трехгранную ямку, наполненную чистой холодной водой. По непримѣтной щели сочилась она изъ камня, скатываясь на мохъ прозрачной слезой. Возлѣ лежалъ берестяной ковшичекъ, сдѣланный кѣмъ-то на потребу прохожихъ.

— Наши знаютъ,—говорилъ мужикъ.—какъ въ городъ или оттолѣ идутъ, завсегда тутъ пьютъ. Изъ камня Богъ выжалъ, продолжалъ онъ, усаживаясь въ канаву съ цѣлью отдохнуть и покалякать.

Иванъ Григорьичъ наломалъ сучьевъ и сложилъ маленькій огонь, но о томъ, что костеръ горѣлъ можно было судить только по жидкому дыму, стлавшемуся по сѣрому камню. Такъ ярко озаряло солнце сѣрый сѣверный пейзажъ. Низкій кустарникъ не давалъ тѣни, и мы лежали на солнопекѣ, посматривая скоро-ли вскипитъ чай, да калякая съ мужичкомъ о дорогѣ, о ихъ житьѣ-бытьѣ и о прочихъ разностяхъ. Иванъ Григорьичъ разстегнулъ сакъ и вынулъ харчи, состоявшіе пока изъ булки, сыру и колбасы, и когда изъ прямого носа чайника показалась струйка пара, мы могли наконецъ залить мучительную жажду.

Долго еще дорога тянулась по пустырямъ, затѣмъ начались луга, рощи, и впереди насъ мелькнулъ одинокій пѣшеходъ въ бѣлой рубахѣ, съ пилой на плечѣ. Мы нагнали его и разговорились. Это былъ глупый парень карелъ по имени Хрисанфъ. Онъ шелъ изъ города, гдѣ шатался съ недѣлю въ поискахъ за рабо-

тон, и не нашли никакой. да пропивъ деньги, возвращался вспять. Иванъ Григорьичъ немедленно принялся питать его: что да какъ живете, много-ли земли, что работаете, сколько платятъ, но изъ пария трудно было выпытать что-либо, и присталъ онъ къ намъ, шедшимъ скорѣе его, видно инстинкту, какъ иногда пристаетъ чужая собака, которой веселѣе идти хоть съ чужими да съ людьми, либо въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь отъ насъ.

Рѣка Шуя.

Вдали показалось село Шуя. Широкая рѣка спокойно текла по серединѣ его, раздѣляя село на двѣ части. По рѣкѣ медленно и рѣдко плыли бревна, проходя подъ длиннымъ мостомъ, по которому мы перебрались на ту сторону.

Было около 5 часовъ, но жара еще не спала. Дорога наша вилась по берегу рѣки мимо часовни, мимо бань, развѣшанныхъ

Часовня въ с. Шуѣ.

сѣтей и лодокъ. По другую сторону тянулись крестьянскіе дома. Жажда, вызываемая обильнымъ потомъ, загнала насъ на крылечко высокаго дома, куда пожилая баба вынесла намъ изъ погреба двѣ кринки холоднаго молока. Появленіе наше вызвало вскорѣ другихъ обитателей дома—двухъ дѣвушекъ и дѣвочку; въ со-

съ всѣхъ избъ нѣсколько бабьихъ лицъ, прильнувъ къ стеклу, жадно разсматривали насъ, перегнувшись занавѣсками. Напившись молока и обтеревъ молочные усы, мы стали разминать ноги и осматриваться по сторонамъ. Нижній этажъ двухэтажной избы съ чисто и даже затѣйливо убранными горницами, съ цвѣточными горшками, занавѣсками, картинками, находился большой сарай подъ одной крышей съ ней. Сарай былъ тоже двухэтажный и въѣзжали въ его широкія ворота по наклонному помосту. Баба наша исчезла, и когда мы стали располагаться, то нашли въ ней еще другую почтенную женщину въ этомъ сараѣ за станкомъ

Крестьянка вдова Великанова съ семьей изъ с. Шуи (русскіе).

— Вотъ что тетка, сядь ты такъ, а дѣвушки пускай станутъ сзади, я васъ сейчасъ сыму на картинку..

Баба усмѣхнулась серьезно, но съ удовольствіемъ, а дѣвушки, узнавъ въ чемъ дѣло, побѣжали «наряжаться».

— Не стоитъ,—говорю имъ.—Такъ лучше будетъ.

— Пущай одѣнутся, ты намъ картинку пришли, мы ее въ горницѣ повѣсимъ.

— Пришлю обязательно, коли выйдетъ что.

Дѣвушки скоро явились въ другихъ платьяхъ, съ плетеными косами, въ платочкахъ,—и дѣвочку принарядили. Я ихъ разставилъ, наказалъ стоять смирно, и затѣялъ щелкать и то ихъ. Вотъ и портреты ихъ на фонѣ темнаго сарая; это все русскіе типы, потому что Шуя населена русскими, а не карелами. Это первое знакомство съ населеніемъ края произвело на насъ самое хорошее впечатлѣніе: бабы и дѣвицы держали себя съ серьезностью,

естественно простымъ достоинствомъ, какое мы встрѣчали потомъ всюдѣ среди крестьянъ, и это было очень пріятно.

Между тѣмъ рѣзвыя ножки наши притомились, и въ подошвахъ стало что то пощипывать, точно туда насыпали крупнаго песку. По настоящему, отмахавъ около 15 верстъ, намъ-бы слѣдовало сдержать свою прыть и почевать въ Шуѣ, подобно Хрисанфу, который завернулъ къ какой-то своей теткѣ. Но жадность путешественника тянула меня впередъ. Я расчитывалъ, что въ первое время мы будемъ проходить по 30 в. въ день, а затѣмъ дойдемъ и до 50, но дѣйствительность вскорѣ разрушила эти мечты. Великъ ли грузъ въ 20 фунтовъ, а между тѣмъ попробуйте протащить его верстъ 35! Иванъ Григорьевичъ страдалъ хуже моего Онъ занялъ сапоги у знакомаго, и они были ему велики. Нѣсколько разъ уже онъ останавливался и совалъ туда траву, сѣно, ворча себѣ подъ носъ разныя нелестія по адресу своихъ щегольскихъ сапогъ, которыя, однако, судя по виду ихъ, уже довольно таки пожили на свѣтѣ.

— Што, заночуемъ што-ли?

— Зачѣмъ, мы пойдемъ полегоньку, къ вечеру будемъ въ Косалмѣ, тамъ и станемъ.

— Да вѣдь у васъ ноги-то того.

— Ноги... ноги ничего, а вотъ сапоги проклятые, взялъ я ихъ, велики они мнѣ.

— Ну такъ идемъ!

И мы пошли дальше.

Между тѣмъ характеръ мѣстности сталъ мѣняться. Верстъ черезъ пять лѣсной дороги мы выбрались на узкій каменный перешеекъ, который, словно плотина, тянется на сѣверо-востокъ, раздѣляя два большихъ длинныхъ озера: Кончезеро лежало направо, Укшезеро—налѣво и тянулось на югъ. Казалось, мы попали въ Финляндію. Темный матерой камень громоздился утесами, обнажая трещины, въ которыя, какъ змѣи, вились корни деревьевъ и кустовъ. Громадныя глыбы, сглаженныя, одѣтыя мохомъ, лежали среди веселой поросли березы и ольхи, и стройныя ели и красныя сосны отчетливо рисовались на алѣвшемъ вечерней зарею небѣ. Дорога вилась по берегу озера, подымалась въ гору, переваливала черезъ каменный кряжъ и выходила къ другому озеру, гладкая поверхность котораго, обрамленная темными берегами, отражала вечернее небо. Мы шли, любуясь этой чудной картиной. Въ одномъ мѣстѣ каменный валъ круто нависалъ надъ

дорогой и изрытые бока его были одѣты удивительно разнообразными мхами; особенно поразила насъ бѣло-желтая плѣсень, которая покрывала и съѣживалась съ утеса, словно кто-то облилъ его сметаной. Низъ утеса былъ подточенъ и темнѣлъ длинной впадиной-бороздой. Должно быть его подточила вода въ тѣ времена, когда уровень Кончезера стоялъ выше. Какіе-то шутники подперли свисшую громаду жердочками и палками.

- Смотрите-ка Николай Ильичъ, какъ ловко устроено, теперь насъ тутъ не завалитъ; вполнѣ, можно сказать, безопасно пройдемъ,—замѣчаетъ Иванъ Григорьичъ.

Мы смѣемся и отдаемъ дань удивленія сообразительности олончанъ. Я хочу снять эти удивительные утесы, но уже темно, ко-

**Иванъ Григорьевичъ на каменномъ утесѣ у берега Укшезера.**

жалуй, не выйдетъ, а вмѣсто нихъ снимаю Ивана Григорьича, поставивъ его на камнѣ такъ, чтобы фигура его вырѣзалась на небѣ и свѣтлой поверхности Кончезера. Затѣмъ онъ снимаетъ меня, но съ непривычки рука у него дрогнетъ, и мой портретъ не выходитъ.

Ужъ вечеретъ, садится роса. Мы прошли мимо поселка, усѣвшагося на низкомъ побережьи Кончезера. По картѣ значится Шуйская Чупа. Чупой здѣсь зовутъ конецъ длинныхъ озеръ, возлѣ которыхъ обыкновенно стоятъ селенія. Слѣдующее поселеніе это имѣніе Царевичи, владѣлица котораго О. Н. Бутенева, про-

живающая въ Петербургѣ, дала мнѣ письмо на случай, если бы мы захотѣли остановиться въ ея помѣстьи. Мы уже не идемъ, но плетемся, и къ мукамъ усталости присоединяется новое истязаніе: комары, которыхъ я отгоняю дымомъ трубки и вѣткой, а Иванъ Григорьичъ только вѣткой, но настолько неуспѣшно, что въ безсильной злобѣ извергаетъ по ихъ адресу нѣдкіе потоки самыхъ скверныхъ пожеланій. Это не вертлявые и прыткіе петербургскіе комары, которые осторожны, коварны и себѣ на умѣ, это наивные жители олонецкихъ болотъ и озеръ, которые въ сознаніи своей невинной природы съ откровенной медленностью садятся на все и сейчасъ-же приступаютъ къ сосанію. Оттого единымъ взмахомъ руки мы валимъ десятки труповъ ихъ съ рукъ, шеи и шеи. И все же эти части, а особенно плечи, прикрытыя тонкой рубахой, уже зудятъ, и кое гдѣ запеклись пятнышки крови. Но о комарахъ дальше.

Наконецъ-то вотъ и Царевичи, вотъ и дача съ готической башней, стоящая высоко надъ озеромъ на голомъ сглаженномъ черепѣ скалы. Но она пуста, и въ окнѣ кухни видна только жена сторожа съ кучей ребятъ. Снявъ фотографію съ дачи и передавъ изумленной сторожихѣ поклонъ отъ «барыни», мы поплелись дальше и черезъ часъ добрались до Косалмы, нашей ночевки. Косалма удивительное мѣсто: здѣсь каменный перешеекъ, по которому мы шли нѣсколько часовъ, понижается и съуживается до 100 шаговъ въ ширину, и вода изъ Кончезера течетъ журчащимъ каскадомъ въ Укшезеро, которое лежитъ ниже на нѣсколько футовъ. Влѣво отъ дороги по сю и ту сторону каскада чернѣли въ свѣтломъ сумракѣ бѣлой сѣверной ночи зданія двухъ крестьянскихъ дворовъ, изъ которыхъ одинъ представлялъ почтовую станцію. Сюда мы и направили свои стопы, съ изумленіемъ поглядывая на груды бревенъ, безпорядочно навваленныхъ по берегу каскада; въ самомъ каскадѣ были уложены широкіе досчатые желоба, а въ нихъ поверхъ и между стиснутыхъ и сжатыхъ бревенъ кипѣла и шумѣла вода. Насъ приняла довольно ветхая старушка, видно было, что она привыкла къ прохожимъ и проѣзжимъ и знала, чего имъ требуется, а потому въ большой, еще не вполнѣ отдѣланной горницѣ вскорѣ уже кипѣлъ самоваръ и шипѣла яичница, и запахъ ея, смѣшиваясь съ ароматомъ свѣжаго смолистаго дерева, манилъ къ ѣдѣ и покою. Но сперва мы вымылись въ каскадѣ. Какое наслажденіе погружать искусанныя комарами руки въ холодную воду и лить ее пригоршнями на голову, шею

и пильнее лико! Пока мы закусывали, старушка протащила мимо насъ въ смежную комнату перины, матрацы, крытыя ситцевыми лоскутами одѣяла и подушки и устроила намъ на полу подъ разбитымъ окномъ, въ которое вѣтеръ съ озера вдувалъ прохладу, шумъ воды и комаровъ, дьявольски заманчивыхъ постели.

Поужинавъ и попивъ чайку, мы вышли на воздухъ. Тихая бѣлая ночь была такъ хороша, что несмотря на усталость, не хотѣлось уходить въ душную избу. На каскадѣ возлѣ полуразрушенной мельницы какой-то мужикъ длиннымъ коломъ вывораживалъ застрявшія бревна. Бревна медленно ползались по желобу, стискивали другъ друга на поворотахъ и затирались такъ основательно, что казалось, никакія человѣческія силы не пропихнутъ ихъ дальше. Мужикъ подпускалъ подъ нихъ свой колъ, вонзалъ его въ промежутки, топилъ одни бревна подъ другія и въ концѣ концовъ добивался того, что спертыя бревна, вертясь и колыхаясь, уходили дальше въ пѣну каскада, а на ихъ мѣсто появлялись новыя, и вся исторія начиналась снова. Мы подивились генію строителя желоба, который не съумѣлъ устроить такъ, чтобы бревна проходили съ Кончезера на Умъ быстро и не мѣшая одно другому, но, зараженные титаническими усиліями рабочаго, взяли тоже по колу и принялись ковырять и спускать бревна, да такъ увлеклись этой заманчивой работой, что провозились за ней часа полтора.

— Ну, Иванъ Григорьичъ, айда спать!

— Идемте.

Наступилъ вожделѣнный моментъ отхода ко сну, но не тутъ-то было: хочу содрать съ ногъ сапоги, а они не лѣзутъ.

Иванъ Григорьичъ, будьте отцомъ роднымъ, помогите!

Иванъ Григорьичъ, шутя, кобенится.

— Што, будете знать какъ по Олонецкимъ губерніямъ пѣшкомъ ходить. Вотъ не сниму и ляжете такъ, а утромъ не встанете.

Я сажусь на стулъ, а Иванъ Григорьичъ, ухватившись за правую ногу, начинаетъ отрывать ее отъ туловища.

— Ой-ой! Легче, легче!

— Ничего, держитесь за стулъ.

Но стулъ накренился и грозитъ сбавить меня на полъ. Я пересаживаюсь на лавку, а Иванъ Григорьичъ, осторожно раскачивая сапогъ, сниметъ его наконецъ съ онучки ноги. Послѣ правой ноги наступаетъ очередь лѣвой. Катерлинкъ, съ которой послѣ тяжкой невзгоды сняли тяжелыя пѣши, испытываетъ,

должно быть, такое-же чувство легкости, какое я ощущаю теперь. Начинаю изслѣдовать ноги — пятка, подошва и пальцы въ большихъ бѣлыхъ пузыряхъ, подъ которыми упруго движется жидкость, причиняя невыносимую рѣзь.

— Ну, Иванъ Григорьевичъ, крышка, какъ завтра пойдемъ?

Но у Ивана Григорьича положеніе дѣлъ еще хуже.

— Какъ пойдемъ? А вотъ застрянемъ въ этой Касалмѣ, пока мозоли не пройдутъ.

Смѣясь и подшучивая надъ своими ногами, надъ комарами, которые уже поютъ подъ потолкомъ, мы залѣзаемъ подъ одѣяло и вскорѣ засыпаемъ подъ пѣнье комаровъ и журчанье каскада.

Утромъ, натянувъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ на больныя ноги сапоги, мы вышли на озеро и первымъ дѣломъ осмотрѣли странное плавучее сооруженіе, оказавшееся машиной для черпанія со дна озера желѣзной руды. Эта «озерная руда» устилаетъ дно многихъ озеръ нашего озернаго края и Финляндіи, и много ея добываютъ крестьяне самодѣльными снарядами съ плавучихъ плотовъ для продажи на заводы. Обиліе этой озерной и еще другой «болотной» руды было причиной, почему древніе жители сѣверо-запада Россіи, «чудь», занимались добываніемъ изъ нея желѣза. Костеръ, разведенный въ ямѣ на днѣ прежняго болота или озера на слоѣ этой руды могъ быть причиной самаго открытія желѣза и искусства его обработки. Жаръ огня и куча тлѣющихъ углей выдѣлили изъ руды желѣзо, и дикіе звѣроловы могли неоднократно замѣтить, что послѣ разведеннаго въ такомъ мѣстѣ костра тамъ оставался новый камень, мягкій какъ воскъ въ огнѣ и звонко-твердый, когда остынетъ.

Что открытіе желѣза у чуди произошло подобнымъ образомъ на это указываетъ миѳъ о желѣзѣ въ народныхъ финскихъ былинахъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «Калевала». Вотъ что разсказываютъ тамъ объ открытіи желѣза и о томъ, почему оно приноситъ зло міру, облегчая людямъ жестокое дѣло войны:

## Финская руна о желѣзѣ.

«Старый мудрый пѣвецъ и волшебникъ Вейнемейненъ быстро катилъ на своихъ легкихъ саняхъ изъ холодной Поіолы, сѣвернаго царства злой вѣдьмы Лоухи. Вдругъ до слуха его долетѣли звуки чудесной пѣсни, звѣневшей гдѣ-то высоко надъ

нимъ. Взглянувъ на небо Вейнемейненъ увидѣлъ на немъ широкую блестящую радугу, а на радугѣ сидѣла прекрасная дѣвушка,

Дочь Лоухи пряла и золотая нить вилась къ ней отъ звѣзды.

дочь Лоухи; она пряла, и золотая нить пряжи вилась къ ней съ неба отъ яркой звѣзды.

— Спустись, красавица, ко мнѣ! взмолился старикъ.

— Зачѣмъ?

— Поѣдемъ со мной домой и будь моей женой.

На это дѣва смѣясь отвѣчала:

— Однажды на зарѣ солнца я собирала въ ротѣ пѣтли. На деревѣ и свѣтлъ дроздъ. Щебетать онъ о томъ, кому живется лучше, дѣвушкѣ или женѣ. «Жизнь дѣвушки въ домѣ родителей ясна и безмятежна весенняго дня, а невѣстѣ въ домѣ мужа холоднѣе желѣза въ морозной день». Такъ щебеталъ дроздъ. Вотъ если ты, старикъ, расщепишь конскій волосъ тупымъ концомъ ножа, свяжешь яйцо узломъ, сдерешь съ гранитной скалы бересту и наколешь кольевъ изо льда, тогда, пожалуй, я выйду за тебя.

Мудрый Вейнемейненъ принялся за работу. Разщепилъ волосъ, связалъ яйцо узломъ, надралъ со скалы бересты и нарубилъ нѣлую груду кольевъ изо льда.

Увидавъ это дѣвушка засмѣялась и сказала: «сдѣлай еще лодку изъ моего веретена и спусти ее въ воду, не касаясь ея руками».

Принялся за работу Вейнемейненъ. Два дня работа шла успѣшно, но на третій день злой завистливый духъ Хиизи прикоснулся къ топору старика, и желѣзо глубоко вонзилось въ колѣно Вейнемейнена. Кровь полилась ручьями изъ глубокой раны. Чтобы остановить ее Вейнемейненъ началъ заклинанія, но онъ никакъ не могъ припомнить нѣсколько словъ о происхожденіи желѣза, и оттого кровь не останавливалась ни на ручьемъ, и силы его слабѣли. Приложивъ къ ранѣ плюсникъ и мохъ, онъ съ трудомъ добрался до ближней деревни. Но и тамъ никто изъ стариковъ не могъ напомнить ему забытыхъ словъ, пока онъ самъ отъ боли и страданія не вспомнилъ ихъ. И тогда онъ запѣлъ могучую руну о происхожденіи желѣза:

— Все въ мірѣ родилось отъ воздуха, отъ него произошла вода, потомъ огонь и наконецъ желѣзо. Укко, владыка неба, отдѣлилъ воду отъ воздуха и землю отъ воды, а потомъ приступилъ къ созданію желѣза, котораго еще не существовало на землѣ. Онъ потеръ руками лѣвое колѣно, и изъ него явились три дѣвы. Выступивъ на край неба они стали ронять землю молокомъ. Первая истощила молоко черное — изъ него произошло мягкое желѣзо; вторая молоко бѣлое — изъ него образовалась сталь; третья молоко красное — изъ него сплавилось крѣпкое желѣзо.

Вскорѣ желѣзо пожелало сойтись со своимъ старшимъ братомъ, огнемъ. Но огонь былъ свирѣпъ, пылая яростью онъ кинулся на желѣзо, въ страхѣ оно кинулось отъ него прочь и попряталось

Кузница Ильмаринена.

въ обширныхъ болотахъ, въ такихъ трещинахъ, на днѣ рудниковъ и въ трещинахъ утесовъ, гдѣ дикіе звѣри имѣютъ свои гнѣзда. Много вѣковъ пролежало желѣзо въ болотѣ, дикіе звѣ-

ри. лоси. волки и медвѣди ходили по нему, оставляя слѣды, и въ эти слѣды набиралось желѣзо. Но вотъ родился на свѣтъ съ клещами и мѣднымъ молотомъ въ рукѣ вѣчный кузнецъ Ильмаринен. Быстро росъ онъ, такъ быстро, что уже на другой день по рожденіи строитъ себѣ кузницу. На болотѣ онъ увидѣлъ слѣды волка и медвѣдя. Подошелъ онъ поближе къ этимъ слѣдамъ, и къ удивленію своему замѣтилъ въ нихъ ржавчину. Изъ любопытства онъ собралъ ее, принесъ къ своему горну и положилъ на уголья. Раздувая съ силой мѣхи, Ильмаринен вскорѣ увидѣлъ, что ржавчина превращается въ жидкую искрящуюся массу желѣза. И вдругъ желѣзо взмолилось къ нему человѣчьимъ голосомъ, прося прекратить эти мученія на яркомъ огнѣ. Взявъ съ желѣза клятву, что оно никогда не повредитъ своему повелителю, Ильмаринен вынулъ его изъ горна и принялся ковать изъ него топоры, колковы и лемехи для плуговъ. Чтобы закалить желѣзо, Ильмаринен послалъ пчелку собрать меду съ цвѣтовъ. Но злой духъ Хіизи подслушалъ его приказаніе и послалъ послушную ему осу собрать змѣинаго ялу. Ильмаринен принялъ осу за пчелку и влилъ змѣиный ядъ въ воду, въ которой должно было закалиться желѣзо. Вотъ причина коварства желѣза; вотъ почему оно забыло свою клятву и, возставъ противъ своего обладателя, проливаетъ его кровь въ жестокихъ войнахъ».

Любопытно, что эта желѣзная руда сама нарождается въ озерахъ и болотахъ, такъ что, если ее выбрать, то черезъ нѣкоторое довольно продолжительное время она снова отложится на днѣ. Вотъ какъ объясняется это странное явленіе:

Какъ извѣстно, вся поверхность Финляндіи и смежныхъ съ нею частей Олонецкой и Архангельской губерній сложена изъ древнихъ кристаллическихъ породъ, именно изъ гранита [1]) и гнейса;

---

[1]) Главныя составныя части гранита и гнейса составляютъ минералы: полевой шпатъ, кварцъ и слюда; гнейсъ отличается отъ гранита тѣмъ, что въ немъ замѣтна нѣкоторая слоистость. Діоритъ состоитъ изъ полевого шпата (но другого, чѣмъ въ гранитѣ) и роговой обманки, діабазъ—изъ такого же полевого шпата, какой въ діоритѣ и авгитъ, а мелафиръ не столько отличается отъ діабаза своими составными частями, сколько строеніемъ: въ его темной, зеленоватой или бурой массѣ наблюдается много отдѣльныхъ кусковъ въ видѣ миндалинъ, состоящихъ изъ разныхъ минераловъ. Это стого, что мелафиръ вылился нѣкогда на земную поверхность въ видѣ огненно-жидкой пузыристой лавы, и въ

мѣстами между ними попадаются и другія древнія кристаллическія породы, какъ напр. діоритъ, діабазъ и мелафиръ. Поверхъ ихъ на всемъ Финно Скандинавскомъ массивѣ залегали нѣкогда болѣе молодыя и болѣе мягкія слоистыя породы, которыя впослѣдствіи исчезли: ихъ, такъ сказать, содралъ обширный ледникъ (именно потому что они были мягкія), покрывавшій нѣкогда всю эту область мощной толщей льда и снѣга. Всѣ указанныя выше кристаллическія породы заключаютъ въ своемъ составѣ примѣсь желѣза въ видѣ различныхъ соединеній. Когда такая порода разрушается отъ дѣйствія воздуха и воды, какъ говорятъ, вывѣтривается, то дождевыя и проточныя воды, проникая въ трещины утесовъ, довольно легко растворяютъ соли закиси желѣза, тѣмъ легче, чѣмъ больше содержится въ водѣ углекислаго газа (а примѣсь его есть во всякой водѣ). Эти воды собираются въ рѣки, рѣки втекаютъ въ озера, и если стокъ изъ озеръ ничтоженъ, то вода надолго остается въ озерѣ. Но дно лѣсного озера, а тѣмъ паче болота, всегда усѣяно медленно гніющими остатками растеній и животныхъ, а эти вещества обладаютъ способностью превращать закись желѣза въ окись, которая мало растворима въ водѣ и потому садится на тѣ самыя предметы, которыя послужили причиной ея выдѣленія. Она обволакиваетъ ржавымъ слоемъ полусгнившія листочки, наростаетъ въ нихъ и на нихъ и въ концѣ концовъ образуетъ лепешки, похожія на монеты, почему ее и называютъ «денежной рудой». Если руда садится на песчинки, то образуетъ «бобовую руду». Само собой понятно, что озеро съ такой рудой представляетъ неисчерпаемый источникъ ея, и это до тѣхъ поръ, пока въ него притекаетъ вода, содержащая закись желѣза. Многія озера Олонецкаго края обладаютъ этимъ свойствомъ, обладаетъ имъ и Укшезеро.

Машина, которую мы осмотрѣли, была выписана изъ заграницы и стоила колоссальныхъ денегъ, но пользы отъ нея, кажется, мало, такъ какъ она не приспособлена къ нашимъ озерамъ и часто портится, а чинить ее здѣсь некому. Предполагалось, что она будетъ добывать руду для Кончезерскаго чугунно-плавильнаго завода. И сейчасъ она стоитъ, протянувъ надъ озеромъ свои гигантскія желѣзныя руки, словно благословляя его плодить въ

---

этихъ пузыряхъ уже потомъ просачивающаяся вода отложила разные минералы: известковый шпатъ, агатъ, халцедонъ, аметистъ, горный хрусталь и даже мѣдь и серебро.

своихъ нѣдрахъ руду. Машина стояла у пристани въ тихой заводи, отдѣленной отъ остальнаго озера грядой длинныхъ, вытянутыхъ въ линію острововъ. Еще вчера вечеромъ, вглядываясь въ ихъ очертанія, я заподозрилъ въ нихъ такъ называемые «бараньи лбы». Теперь при дневномъ свѣтѣ подозрѣніе смѣнилось увѣренностью, и хотя по маршруту намъ было пора выступать въ походъ, но я рѣшилъ лучше потерять дорогое время, но не упустить случая изучить этихъ явныхъ свидѣтелей бывшей здѣсь нѣкогда ледниковой эпохи.

Кстати на берегу валялась лодка. Мы спихнули ее въ воду, Иванъ Григорьичъ сѣлъ за весла, и спустя пять минутъ носъ нашего судна ткнулся въ каменную грудь большого острова. Издали дикій гранитный островъ, поросшій соснами и можевельникомъ, невольно вызывалъ своимъ видомъ представленіе о «чудо-юдо рыбѣ китѣ», у котораго «частоколы въ ребра вбиты», а возлѣ него точно киты дѣтки, слѣдующія за матерью, выставляли надъ водой свои гладкія спины мелкіе островки.

— Что такое бараньи лбы? спрашиваетъ меня Иванъ Григорьичъ.

Пока мы тащимъ лодку на колкій щебень и продираемся сквозь чащу кустарника по хаотически изрытому камню скалы, я читаю Ивану Григорьичу краткую лекцію о ледниковомъ періодѣ. Онъ, впрочемъ, кое что знаетъ объ этомъ, читалъ по книгамъ и схватываетъ мысли налету, съ любопытствомъ разсматривая ясныя свидѣтельства самой природы о томъ, чего не могъ видѣть и не видѣлъ человѣкъ...

— Вы читали, вся эта страна была покрыта громаднымъ ледникомъ. Ледника вы не видали, и я не видалъ, но читалъ въ геологіи, есть такая наука о земной корѣ...

— Знаю, знаю.

— Ну и прекрасно! Ледниковъ много въ горныхъ странахъ и большею частью по сосѣству морей, но такого ледника, какой залегалъ здѣсь, мы теперь на свѣтѣ не найдемъ, развѣ что у южнаго полюса. По примѣрнымъ расчетамъ онъ занималъ пространство въ 115,000 кв. миль, а это знаете сколько?

— Сколько?

— На 15 000 кв. миль больше всей Европейской Россіи.

— Ничего ледничекъ былъ.

— Да. Вродѣ него, но поменьше есть теперь ледникъ въ Гренландіи....

Сѣверо-западный копецъ бараньяго лба на Укшезерѣ у Косалмы.

— Гдѣ эти самые самоѣды..

— Не самоѣды, а эскимосы, и Нансенъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ пересѣкъ южную Гренландію поперекъ, исчисляетъ толщу льда и снѣга въ тѣхъ мѣстахъ до 1900 метровъ, такъ примѣрно немногимъ больше полуторы верстъ Вотъ посмотрите на это облачко, это низкое кучевое облако, значитъ ледникъ тотъ примѣрно до него.

Иванъ Григорьичъ смотритъ наверхъ и что-то соображаетъ.

— И этотъ ледъ не лежитъ неподвижно, а ползетъ, и не то что ползетъ, а течетъ. Дойдетъ до моря, впятится въ воду, а вода его выталкиваетъ, выпираетъ наверхъ, дескать, ты легче меня, такъ не ползи по дну, а плыви. Ледъ со страшнымъ грохотомъ обламывается, качаясь всплываетъ, кружится, кувыркается, такъ что все море кругомъ точно кипитъ, а потомъ, какъ установится, плыветъ...

— Ледяная гора...

— Вотъ, вотъ, а на ней плывутъ пассажиры ..

— Тюлени, стало быть, бѣлые медвѣди...

Да и эти, но есть и мертвые, замороженные пассажиры. Это камни и всякая мелочь: илъ, песокъ, щебень... Когда ледъ еще ползъ или текъ по Гренландіи, онъ облѣплялъ неровности почвы, напиралъ на нихъ, срывалъ, соскребалъ, а все сорванное вмерзало въ него, такъ что еслибы можно было перевернуть всю толщу этого льда низомъ наверхъ, то онъ обнаружилъ бы сходство съ напильникомъ, на которомъ набиты крупныя, мелкія и мельчайшія насѣчки. Конечно, вы понимаете, что дѣлается съ поверхностью земли, когда ее точитъ такой напилокъ и точитъ все въ одну сторону, туда, куда ползетъ ледъ.

Въ это время мы успѣли пробраться къ сѣверо-западному концу острова и очутились на округло покатомъ, какъ конецъ яйца, скалѣ, спускавшейся прямо въ озеро.

— Вотъ, смотрите, я сейчасъ, не вынимая компаса, скажу вамъ, что этотъ «лобъ» смотритъ на сѣверо-сѣверо-западъ и туда же уставились всѣ эти бороздки и штрихи, которые вы видите на этой гладкой поверхности.

Мы нагибаемся и ощупываемъ эти неровности руками, затѣмъ я вынимаю компасъ, и мы удостовѣряемся, что направленіе указано вѣрно.

— Замѣтьте, что и острова и озера и тотъ каменный перешеекъ, по которому мы вчера тащились, и, вотъ сейчасъ посмо-

тримъ на карту, рѣки и длинные холмы, озы, по здѣшнему сельги, и губы Онежскаго озера, все, все въ этомъ краю вытянуто въ томъ же направленіи. Какъ по вашему это объяснить?

— Неужто-жъ все ледникъ сдѣлалъ?

— А ужъ то какъ угодно. Если не желаете вѣрить глазамъ и разсужденію, то какъ бы мнѣ объяснить, почему этотъ сѣверо-западный конецъ острова, и не у одного него, а, изволите видѣть, у всѣхъ, сколько ихъ тутъ есть, именно эти концы гладкіе, какъ яйцо или бараній лобъ, и исчирканы параллельными штрихами, а злые концы, юговосточные, естественно неровные.

— Н-та, стало быть съ этой самой стороны ледникъ и напиралъ.

— Напиралъ, бороздилъ, чиркалъ, шлифовалъ, содралъ, что лежало поверхъ, въ ложбинахъ и долинахъ вытеръ наносы до

Маленькій бараній лобъ на Укшезерѣ у Косальмы.

каменнаго дна, такъ что потомъ въ нихъ могла скопиться вода, словомъ, куда кругомъ ни глянь, на все наложилъ онъ свою тяжелую руку. Да и эти скалы не устояли бы, еслибы онъ не стаялъ.

— Но, скажите Николай Ильичъ, по какой же причинѣ сдѣлался такой ледникъ и по истеченіи времени исчезъ?

— Это я вамъ разскажу потомъ, вотъ пойдемъ по дорогѣ, скучно станетъ, и заведемъ рѣчь объ этихъ вещахъ, а сейчасъ надо фотографіи снимать.

Мы пробираемся къ лодкѣ и объѣзжаемъ всѣ островки, дѣлая съ нихъ снимки, а затѣмъ торопливо направляемся къ берегу, потому что уже около полудня. Но выбраться такъ скоро

изъ Кося мы намъ не удалось: по случаю воскреснаго дня хозяева были дома и пригласили насъ откушать ихъ хлѣба-соли. Мы переглянулись съ Иванъ Григорьичемъ: «что-жъ, думаемъ, пошли знакомиться со страной и народомъ, надо посмотрѣть, чѣмъ питаются олонецкіе крестьяне». Въ большой избѣ за столомъ посерединѣ ея уже сидѣла семья хозяина, мужика среднихъ лѣтъ, по имени Петръ Гавриловъ Михалинъ, и два рабочихъ, карела, мы присѣли, положили на колѣни вмѣсто салфетки длинное полотенце, общее для всѣхъ обѣдающихъ, и получили отъ хозяйки по деревянной ложкѣ, которою принялись степенно и въ очередь черпать изъ большой миски жидкую грязно-сваренную уху, заѣдая ее очень грубымъ чернымъ хлѣбомъ. Хозяинъ и работники по случаю праздника роспили небольшую бутылочку водки, угостили и меня; пили благоговѣйно, крестясь передъ чашкой и крякая по осушеніи ея. Чашку съ ухой хозяйка пополняла раза два, а потомъ подала тарелку съ мелкой рыбой, которая, очевидно, послужила матеріаломъ для ухи. Небрежно вычищенная рыба съ чешуей, костями и нутромъ была прѣснаго вываренаго вкуса, такъ что ѣсть ее не доставляло особаго удовольствія, но наши сотрапезники, очевидно, были довольны ею, потому что ѣли ее и все время, не стѣсняясь, громко рыгали. Эту рыбу,—все больше окуньки и ерши,—они заѣдали «кокачами», длинными пирогами изъ чернаго тѣста, начиненными кашей. Какъ ни былъ я голоденъ послѣ жидкой ухи и рыбы, но откусивъ кусокъ этого пирога, не зналъ какъ проглотить его - до того изъ рукъ вонъ плоха эта снѣдь: прѣсное тѣсто не пропечено, каша сухая, черствая. Бесѣда за столомъ велась о ѣдѣ и охотѣ: хозяйка перечислила нѣсколько блюдъ, по ея словамъ очень вкусныхъ, которыя готовятся въ разные праздники, въ томъ числѣ какія-то «калитки», съ которыми мы познакомились впослѣдствіи, а хозяинъ разсказалъ, **какъ онъ зимой убилъ медвѣдя.**

- Выстрѣлилъ въ него, а онъ стоитъ, только когти въ снѣгъ запускаетъ, какъ стоялъ, такъ и замерзъ, потомъ ужъ пришли съ **него шкуру снимать.**

— Изъ управы 15 р. дали, замѣтилъ хозяинъ, съ одобреніемъ **и гордостью поглядывая на мужа.**

Что убитый медвѣдь остался стоять на ногахъ, да такъ и замерзъ, показалось мнѣ подозрительнымъ, но не платить же за гостепріимство недовѣріемъ, и я промолчалъ. Впослѣдствіи намъ пришлось немало слышать о медвѣдяхъ, и тогда же случайно вы-

ясно́лось, что этого медвѣдя убилъ вовсе не нашъ Михаилинъ, а другой охотникъ. Михаилинъ же только присутствовалъ на охотѣ загонщикомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Съ тѣхъ поръ мы окрестили его въ своихъ разговорахъ «знаменитымъ охотникомъ на медвѣдей». Съ охоты на медвѣдей рѣчь перешла на охоту вообще.

У насъ на озерѣ утки подъ самой деревней, даже утромъ одна плавала.

— Когда, сегодня?

— Севодни, севодни.

— Развѣ попробовать по ней изъ винтовки?

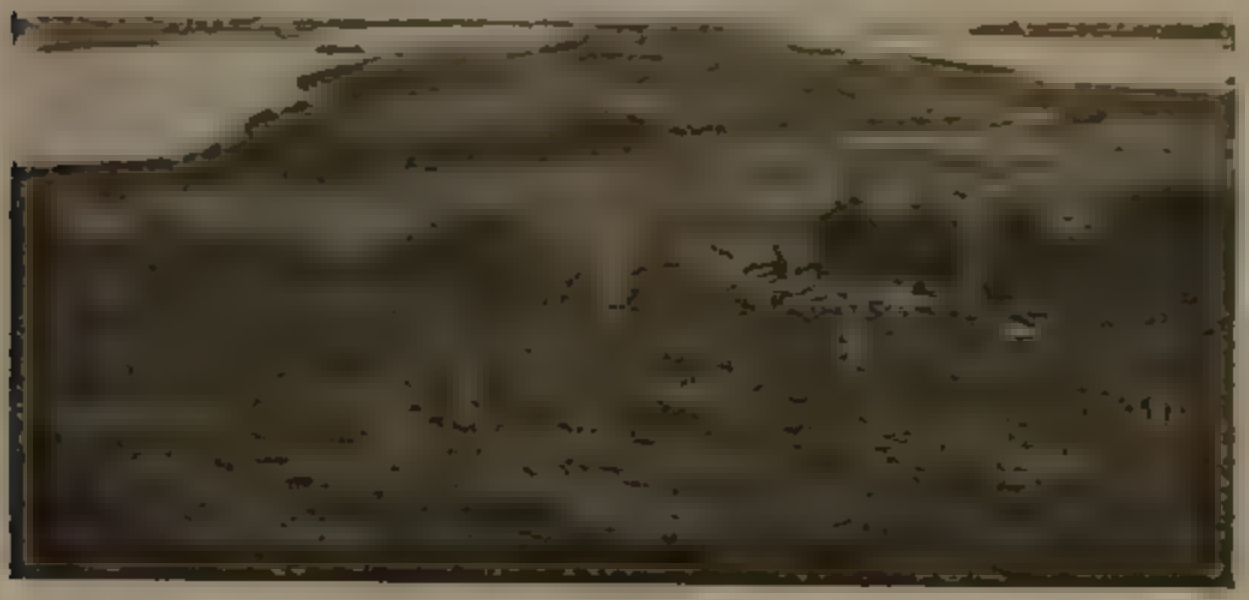
— Отчего-жъ, можно.

Я побѣжалъ за винтовкой и патронами и въ сопровожденіи «знаменитаго медвѣжьяго охотника» вышелъ на озеро. Дѣйствительно, на камнѣ шагахъ въ полутораста сидѣла утка, а вдали плавали еще двѣ. И вотъ мы принялись палить по ней. Слабые звуки выстрѣловъ не вспугивали довѣрчивой птицы, а пульки, шлепавшія въ воду возлѣ нея, утка принимала за плескъ рыбы. «Знаменитый охотникъ на медвѣдей» стрѣлялъ хуже меня, даже когда прислонялъ винтовку къ сучку дерева. Раза два утка перелетала, мы подкрадывались къ ней, палили, но все съ тѣмъ же успѣхомъ, пока я не спохватился, что пора идти.

Иванъ Григорьичъ уже сложилъ вещи по походному, и намъ оставалось только распрощаться и откланяться. Солнце палило немилосердно, ноги рѣзало при каждомъ шагѣ, и первыя версты мы испытывали невыносимыя мученія, но потомъ обошлось, и когда, спустя часа полтора поперегъ дороги, среди высокаго тѣнистаго березняка протянулся гремучій ручей, мы разложили огонекъ и залили жажду нѣсколькими кружками чая, прячась отъ комаровъ въ дыму костра. Что за прелесть эти привалы въ лѣственномъ сѣверномъ лѣсу! Кругомъ тѣнь и прохлада, между бѣлыми стволами березъ темнѣютъ кусты можжевельника, съ котораго, если нарѣзать колючихъ вѣтвей его, да положить ихъ на костеръ, идетъ сизый пахучій дымокъ, особенно нелюбимый комарами. Возлѣ мелодично и ровно журчитъ ручей, и шумъ этотъ сливается съ шелестомъ листьевъ, когда по верхушкамъ деревьевъ пробѣгаетъ вѣтерокъ. Ни души кругомъ, даже не пахнетъ человѣкомъ; прочемъ нѣтъ, — вонъ по залитой солнцемъ дорогѣ идетъ какой-то пѣшеходъ.

— Эге, говоримъ мы съ Иванъ Григорьичемъ, да это нашъ Хрисанфъ!

Фигура, качаясь въ неуклюжихъ сапожищахъ, подходитъ ближе, слышенъ сухой звукъ шаговъ, и Хрисанфъ, здороваясь, проходитъ мимо и садится за мостомъ на камешекъ. Мы убираемъ посуду и вещи и трогаемся въ путь уже втроемъ и часа черезъ два ходьбы по живописной дорогѣ, на которой я съ помощью своего аппарата увѣковѣчиваю Хрисанфа, мы выбираемся изъ лѣсу въ холмистую мѣстность, съ высоты которой открывается живописный видъ на Конче-озеро. Вдали показываются строенія и бѣлая церковь Кончезера. Тутъ Хрисанфъ разстается съ нами и



Озерный пейзажъ въ окрестностяхъ Кончезера; видно Укшезеро и вдающійся въ него полуостровъ.

сворачиваетъ влѣво. Дорога вьется по холмамъ вверхъ, внизъ, и мы, изнемогая отъ зноя, усталости и груза, медленно приближаемся къ селенію. Вотъ и оно: бѣлая церковь направо, налѣво лавка и дома. Но это только часть селенія. Кончезеро расположилось на перешейкѣ у сѣвернаго конца озера Конче, а за перешейкомъ, къ сѣверо-западу новое длинное озеро, Нертозеро, воды котораго шумной бѣлой завѣсой стекаютъ въ Конче черезъ плотину, подъ длиннымъ высокимъ мостомъ. Самый главный, т. е. домна, стоитъ по ту сторону, а здѣсь находятся лишь обширные сараи съ рѣшетчатыми стѣнами, а сквозь нихъ виднѣются груды шоколадно-рыжей руды. За домной по ту сторону озера Конче, подъ живописно разорванными утесами растянулись въ длинный рядъ обывательскіе домишки. Но что мы увидѣли потомъ, а пока

мы останавливаемся у лавки, возлѣ которой, по случаю праздничнаго дня, толпятся мужики.

Мужики загихаютъ и съ любопытствомъ поглядываютъ на насъ, а мы на нихъ. Всматриваясь въ ихъ лица, я замѣчаю два типа: русскій и финскій.

— Вы русскіе?

Мужики молчатъ, переглядываются.

— Русскіе или карелы?

— Русскіе, русскіе, православные.

— Давайте, я васъ сейчасъ сниму на карточки.

— Что-жъ, можно.

— Снимите меня, заявляетъ неожиданно и нѣсколько нахально стоящій въ сторонѣ парень; онъ одѣтъ щеголевато: въ пиджакѣ,

Крестьяне изъ окрестностей Кончезера (русскій типъ).

при своихъ собственныхъ часахъ и цѣпочкѣ, въ новенькой фуражкѣ, хорошіе сапоги и гармонь подъ мышкой.

— Нѣтъ, говорю, васъ мнѣ не надо.

Парень сконфузился, но сейчасъ же затѣмъ разозлился.

— Тутъ нешто можно снимать, нешто не видите церковь, противъ церкви нельзя снимать! кипятится онъ.

Мужики загалдѣли, принимая мою сторону.

— Какъ же это вы, вмѣшивается Иванъ Григорьичъ, говорите, что противъ церкви нельзя снимать, а сами сейчасъ хотѣли сниматься?

Хо, хо! хо! Левко! хохочетъ публика, а парень пытается вплести свое мнѣніе, но неудачно и стушевывается.

— Еврей онъ, онъ на озерѣ живетъ, самый богатый здѣсь, ну, вотъ и куражится, объясняютъ мужики, довольные тѣмъ, что сына богача осрамили.

Я выбираю трехъ мужиковъ русскаго типа и снимаю ихъ, а затѣмъ снимаю двухъ по моему карелъ. Въ лавочкѣ мы беремъ табакъ и баранки и спрашиваемъ, гдѣ аптека. Уже на первыхъ порахъ начали обнаруживаться недостатки нашего снаряженія: такъ изъ медикаментовъ имѣлся только хининъ, но не было ничего антисептическаго. А между тѣмъ пузыри на ногахъ, лопаясь, обнажали молодую кожу, зараженіе которой угрожало воспаленіемъ. Надо было во что бы то ни стало устранить эту опасность. Аптеки, какъ аптеки, въ Кончезерѣ, конечно не оказалось, но здѣсь жилъ земскій врачъ съ фельдшеромъ и заволокій фельдшеръ. Сперва мы разыскали земскаго врача, обитавшаго во второмъ этажѣ большого дома, куда надо было «пропялиться» по лѣстницѣ, какъ сказалъ мнѣ маленькій мальчикъ въ сѣняхъ. Доктора дома не оказалось. Тогда я пошелъ на ту сторону села искать его фельдшера. Но дома либо были пусты, либо въ нихъ происходили праздничныя сцены. Такъ въ окно одной избы было видно, какъ два мужика, пьянымъ до-пьяна, стоя и качаясь по обѣ стороны стола и держались другъ-друга, не переставая орать пѣсню, въ которой звуки пьяной радости и горя такъ перемѣшались, что невозможно было опредѣлить, радуются ли они или тоскуютъ.

— Фершалъ въ гости уѣхалъ, сообщила мнѣ на его квартирѣ баба.

— А гдѣ другой фельдшеръ живетъ.

— На той сторонѣ, рядомъ съ лавкой.

О, Господи, это значитъ тащиться назадъ черезъ все село.

Этотъ фельдшеръ толстобородый, сердитый мужикъ средняго лѣта, выслушалъ мою просьбу, слѣдовать по вопросу и согласился помочь и отпустилъ мнѣ изъ своихъ запасовъ немного карболки, которой у него самого было мало. Объ ихтіолѣ онъ отказался и, узнавъ, что мы изъ Кижей, сообщилъ, что онъ изъ Кижей на Сунѣ есть еще два [illegible], и дорогъ, мы не здѣсь красивѣе, какъ Кижи, но очень стоитъ, чтобы ихъ посѣтить.

Разговорившись съ [illegible] мы узнали [illegible] естественно обозрѣть и ихъ.

Я поблагодарилъ и ушелъ.

Пока мы ходили по заводу, солнце уже склонилось къ горизонту и золотило гладкое озеро, скалы и кресты на церкви. Было 9 часовъ, а до Кивача оставалось еще 20 верстъ.

На выходѣ изъ селенія, пока я снималъ фотографію съ вида съ сѣномъ на полозьяхъ, которыми по этимъ каменистому и неровному мѣсту часто замѣняютъ колеса, возлѣ насъ завертѣлся мужичекъ. Онъ еще раньше у лавки приставалъ къ намъ, предлагая доставить насъ въ лодкѣ на другой конецъ Пертозера, от-

Лошадь, запряженная въ сани.

куда до Кивача оставалось 5 верстъ. Тогда мы не согласились въ цѣнѣ, теперь же, измученные ходьбой по Кончезеру, уступили. Онъ посовѣтовалъ намъ зайти къ начальнику завода, горному инженеру Л., и взять у него билетъ на право воспользоваться павильономъ, т. е. казеннымъ домомъ, выстроеннымъ на Кивачѣ для посѣтителей, не для такихъ, какъ мы съ Иванъ Григорьичемъ, а для высокопоставленныхъ. Не совсѣмъ понятно, зачѣмъ нужна эта формальность, потому что отказа въ билетѣ не бываетъ; между тѣмъ, необходимость запастись имъ заставляетъ останавливаться въ Кончезерѣ и безпокоить начальника завода, что̀ должно стѣснять обѣ стороны. Билетъ выправили живо, а затѣмъ мы спустились съ крутого берега въ лодку, усѣлись, мужикъ, оказавшійся бывшимъ матросомъ, поплевалъ въ руки и пошелъ махать веслами. Лодка медленно шла по озеру, по-ка живописно догорало въ лучахъ солнца село, а впереди чернѣлъ

высокій лѣвый берегъ Пертозера. Берега понемногу терялись, тамъ и сямъ на вороненой поверхности озера чернѣли точки — утки и гагары, и когда мы проѣзжали достаточно близко отъ нихъ, я стрѣлялъ изъ пистолета, но безполезно: разстояніе было слишкомъ велико, даже при подлетомъ припѣвѣ.

Становилось холодно. Мы одѣли теплую одежду, а нашъ Харонъ равномѣрно махалъ веслами и разсказывалъ про здѣшнее житье-бытье. Онъ жаловался на отсутствіе заработковъ, на оскудѣніе рыбы въ озерѣ, разсказывалъ про заволь, про начальника его, котораго по его выраженію, былъ духа человѣкъ, и, тыча пальцемъ вдоль берега, называлъ деревни и сельбища.

— Кабы вы семь лѣтъ тому пріѣхали, посмотрѣли бы Кончезеро. По окна вода стояла. Плотину прорвало, вода изъ Пертозера ушла въ Кончезеро, и всю деревню, что внизу, залило. Потомъ ужъ починили, ушла вода снова, и пошла у Косалмы въ Уйпезеро.

— Какъ же видѣли, льется черезъ камень.

— Ну вотъ. Ружье, баринъ, у васъ, все одно тутъ ни утокъ, ни гагаръ нѣтъ. Самое глубокое мѣсто, тутъ имъ не вотъ, не достать дна. Онѣ, вишь ти, ныряютъ, копаются на днѣ, а тутъ глубоко, и рыбы тоже нѣтъ. А вотъ налѣво двѣ горы, первая то Соколуха, а вторая Орелъ.

Дѣйствительно, лѣвый берегъ озера круто поднимается въ гору и весь уставленъ густымъ темнымъ лѣсомъ. Неподвижныя мрачныя деревья, камни и утесы отражаются въ темномъ озерѣ. Дико и красиво.

— Что это! Что это!

Поперекъ озера волнистымъ движеніемъ плыло что-то. Мы замерли, стараясь опознать странный предметъ. Кажется, это плыла змѣя. Всматриваюсь пристально:

— Бѣлка!

Дѣйствительно, поперекъ озера, пустивъ пушистый хвостъ по волнѣ, быстро перебирая лапами, плыла бѣлка. Она плыла къ тому берегу, гдѣ сливались съ водой, съ свѣтлыми смолистыми елями. Странно, необычайно было видѣть этого маленькаго звѣрка, отважно пустившагося черезъ озеро, ширина котораго тутъ около двухъ верстъ. Изъ-за горизонта поднималась луна и ея тусклый желтый дискъ ясно вырисовывался, почуя опасность, заторопился, ясно видно, къ своимъ черными лапами. Мужикъ-харонъ ударилъ было весломъ, но вмѣсто того подвелъ ее, и стрѣлъ, поглядѣлъ весломъ какъ

точкой опоры, широкимъ, грандознымъ прыжкомъ падаетъ далеко въ воду.

Не трогай! Не трогай! Пусть плыветъ! Экая, въ самомъ дѣлѣ, смѣлая какая!

И нѣсколько минутъ мы смотримъ ей вслѣдъ. Спустя нѣсколько дней на обратномъ пути мы ѣхали вечеромъ по другому озеру и опять встрѣтили и плывшую черезъ него бѣлку.

Скоро три часа, какъ мы выбрались изъ Кончезера. Вотъ на берегу чернѣетъ деревня. Это Вилшина — цѣль нашего плаванія.

Еще четверть часа, и мы расправляемъ на берегу онѣмѣлыя долгимъ сидѣньемъ ноги. Но вотъ бѣда, нѣту мелкихъ расплатиться съ гребцомъ, и долго ходитъ онъ по спящей деревнѣ, стучитъ въ окна и пытается размѣнять золотой—пять рублей. Изъ ближней избы выходитъ огромный босой, распоясанный мужикъ съ лохматой головой. Онъ, зѣвая и почесываясь, равнодушно подаетъ совѣты, пока нашему гребцу не удается, наконецъ, произвести требуемую финансовую операцію.

Лохматый мужикъ выводитъ насъ за деревню и показываетъ дорогу къ Кивачу, и вотъ, завѣсивъ затылокъ платкомъ отъ комаровъ, которые поютъ, трубятъ и воютъ кругомъ и сѣрой массой облѣпили наши спины и фуражки, мы плетемся по мягкой песчаной дорогѣ сквозь рѣдкій неподвижный лѣсъ березы и ольхи. Бѣлая ночь смотритъ съ неба и сквозитъ въ кружева недвижной въ сонномъ воздухѣ листвы.

Но, чу! Никакъ подымается вѣтеръ.

Слышите, лѣсъ зашумѣлъ. Однако, все тѣ же стоятъ неподвижныя деревья, не колеблятся, не качаются вершины ихъ, усѣявшія полъ безсоннымъ свѣтлымъ небомъ. Но словно неосязаемое дуновеніе, сквозь чащу кустарника, промежъ темныхъ стволовъ плыветъ и льется симфонія далеко шумящаго моря.

— Да это Кивачъ слышенъ!

— Кивачъ?

— Прислушайтесь!

Мы стоимъ неподвижно и слушаемъ. Ровный мелодичный рокотъ несется по воздуху.

— А вѣдь вѣрно, Кивачъ!

— Да безъ сомнѣнія!

— Какъ далеко слышно, за четыре версты!

Чѣмъ ближе подходимъ мы, тѣмъ яснѣе и звучнѣе рокотъ.

Уже слышны въ горномъ гулѣ отдѣльныя ноты, которыя выдѣляются на фонѣ его, какъ яркія краски на картинѣ.

Вотъ и лѣсъ кончается, мостъ, и стремительно несется и пѣнится подъ нимъ Суна.

Это былъ торжественный моментъ, когда съ моста открылся видъ на Кивачъ. Мы шли, не отрывая отъ него взоровъ. Было 2 ч. ночи, но свѣтло, какъ днемъ, и пѣнистыя струи воды ясно вырѣзались между темныхъ скалъ и деревьевъ. Вотъ и павиль-

Видъ на Кивачъ съ моста черезъ Суну.

онъ направо. Мы приближаемся къ нему, переходимъ мостки надъ разорванными пропастями, гдѣ вездѣ журчитъ вода, сочась по мельчайшимъ трещинамъ, и останавливается у запертой двери. Иванъ Григорьичъ отправляется искать сторожа и долго бродитъ гдѣ-то, а я стою и любуюсь Кивачемъ. Мнѣ прежде казалось невѣроятнымъ, чтобы люди забывали объ усталости, голодѣ, и немощахъ, пораженные красотами природы, и вотъ теперь я испытывалъ нѣчто подобное. Конечно, ноги и плечи ныли, комары продолжали виться кругомъ, но эти болѣзненныя ощущенія какъ-то расплывались въ странномъ состояніи созерцательнаго опьяненія и сего придавали имъ какую-то особую остроту. И вотъ наконецъ явился сторожъ, отперъ дверь, и мы молча вышли на балконъ, висящій надъ самымъ Кивачемъ, и долго стояли, пораженные величественнымъ зрѣлищемъ. Грудь водъ падала съ оглушительнымъ громомъ въ клокочущую пѣну, и легкое пылевое облако мельчайшихъ брызгъ, оплескивая черные утесы, и пре-

рода внизу все тѣ же узоры пѣны и водоворотовъ. Изъ бѣлой воды на самомъ возвышеніи, точно гигантскіе зубы, торчали утесы-камни. Все бѣшено движется, и все-же остается на мѣстѣ. Обманъ движенія въ покоѣ или покой среди движенія виднѣется встрѣчей и столкновеніемъ двухъ силъ. Мрачный, разбитый трещинами діоритъ упрямо и молчаливо упираетъ свою каменную грудь навстрѣчу водѣ—эмблема какой-то любви къ покою и неподвижности. Вода, наоборотъ, эмблема кипучей страсти и движенія. Взлизая все новые и новые водометы, стрѣлой уносится она прочь, бѣшено бьетъ, плещетъ, кипитъ и неумолчно реветъ, рокочетъ и бурлитъ, какъ дикій звѣрь, отчаянно и злобно, стремясь разви-

Видъ на Кивачъ изъ павильона.

нуть сжавшую ее громаду, повалить эти черные зубья, упорно торчащіе поперекъ ея стремленія. Кто побѣдитъ въ этой борьбѣ, незнающей попады и примиренія? Вѣчная-ли сила, стремящая себя и все живое съ собою впередъ и впередъ, вливающая все новыя и новыя массы энергіи и вещества въ поле борьбы, или эта разъ созданная и окаменѣвшая въ неподвижныхъ формахъ масса покоя и старины. Діоритъ Кивача, какъ и вся окрестная природа, какъ и люди этой страны дремучихъ лѣсовъ и стоячихъ болотъ, производятъ впечатлѣніе, что пока перевѣсъ на сторонѣ косной силы покоя. Напрасно шумятъ рѣки и ключи на порогахъ, вода ихъ, можетъ быть, единственное что живетъ и движется впередъ въ этомъ краѣ.

Было уже около 8 ч. утра, когда мы удалились изъ домишка вдали отъ водопада, гдѣ спрятали [illegible] ночь

постели. Это было полное повтореніе ночлега въ Косалмѣ: такіе же тюфяки, красныя полушки и бѣлыя ситцевыя одѣяла, и также мы съ трудомъ сняли сапоги и долго возились съ ногами, при-

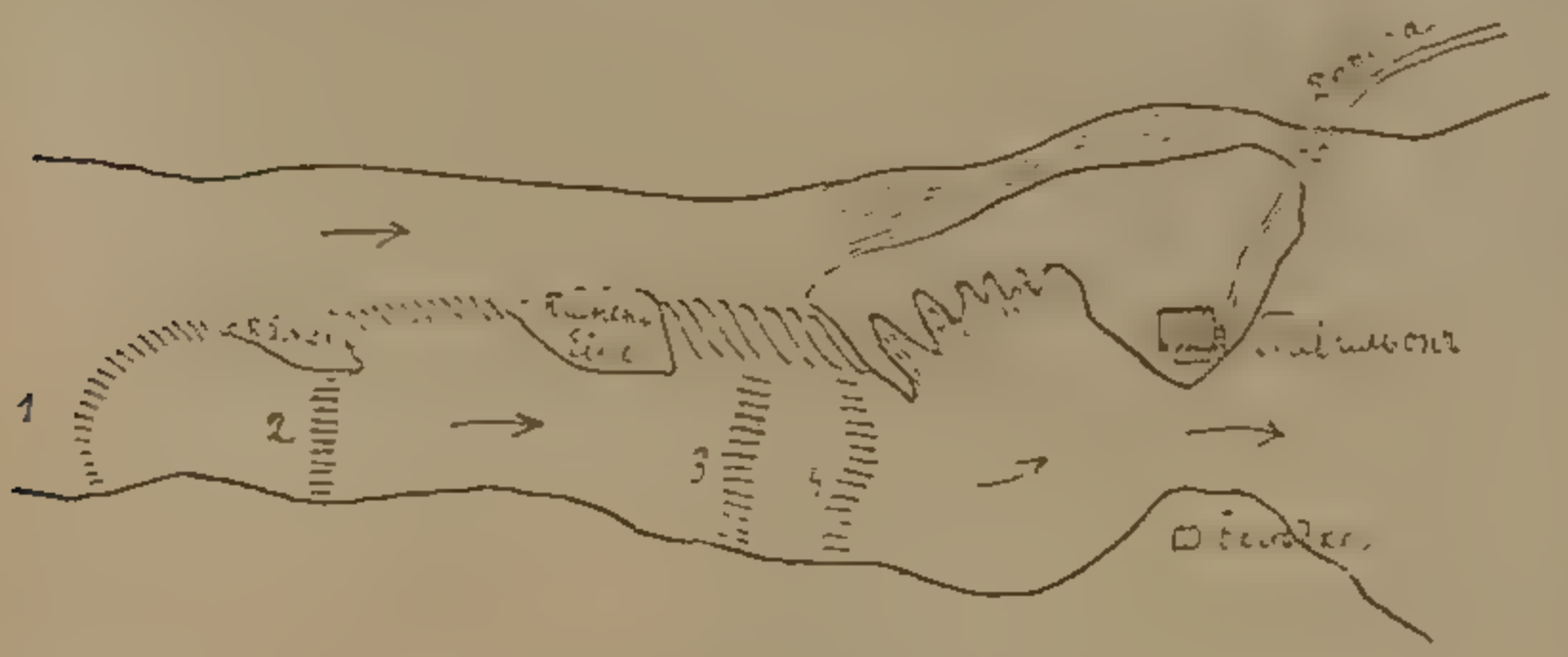
Видъ на Кивачъ изъ павильона въ 10 ч. утра. На томъ берегу видна бесѣдка, направо на утесахъ надписи гг. туристовъ.

мачивая натертыя раны слабымъ растворомъ карболки. Разница была только въ томъ, что мы заснули здѣсь подъ громовой грохотъ водопада, а не журчащаго каскада Косалмы.

Видъ на Кивачъ съ лѣваго берега Суны.

Поднялись мы [illegible] часу, умылись въ струѣ водопада и пили чай въ [illegible], пока хозяйка приносила самовары, молоко и сливки. Кивачъ былъ уже

но красивъ въ привѣтливомъ блескѣ солнечнаго утра: вишу поперекъ плавнаго паденія въ облакѣ нѣжной легкой прозрачной аркой висѣла радуга, и яркіе блики на струяхъ воды, на пѣнѣ, среди отдѣльно торчащихъ острыхъ темныхъ утесовъ. Я занялся фотографической съемкой, когда въ павильонѣ появился новое лицо. Это былъ черный холодомъ человѣкъ въ велосипедномъ костюмѣ, обличавшемъ долгія дорожныя мытарства. Мы познакомились. Г. Н. чиновникъ министерства юстиціи, воспользовавшись отпускомъ, прикатилъ сюда на велосипедѣ прямо изъ Петербурга. Онъ только заѣхалъ на Кивачъ, а собственно путь его лежалъ на Соловецкій монастырь. Вмѣстѣ съ нимъ мы занялись осмотромъ и съемкой Кивача. Сперва я осмотрѣлъ и снялъ водопадъ нѣсколько разъ съ нѣкотораго берега, а потомъ мы перепра-




Примѣрный планъ Кивача.

вились по двумъ мостамъ на ту сторону, дѣлая все время новые снимки. Первый мостъ, тотъ, по которому мы пришли, прочный и основательный, имѣлъ по срединѣ павильонъ самобытно-индусскаго стиля, представлявшій такой видъ, точно его возвели для примирительнаго банкета тѣхъ усть-сысольскихъ и соловецкихъ купцовъ изъ «Мертвыхъ душъ», которые ѣхали другъ другу поѣсть пирогами и въ другія мѣста. Другой мостъ былъ длинный пѣшеходный и велъ къ бесѣдкѣ, возвышавшейся на вершинѣ утеса. Бесѣдка была построена, повидимому, въ томъ расчетѣ, чтобы въ ней нельзя было сидѣть — ее всю обрызгивала пыль Кивача, такъ что перила, скамьи и полъ бесѣдки были покрыты лужами воды. Внизу подъ мостомъ въ ту сторону, и кусты, деревья и трава были сочно обрызганы ею, а вокругъ почвы на добрый представлялся видъ болотистый и топкій.

боко и сколько вѣзми ноги. Вопъ съ этой стороны порогового уступа угрожаетъ гибель. Корни деревьевъ и другихъ растеній, внѣдряясь въ него, кислымъ сокомъ своимъ медленно травятъ и расщепляютъ камень въ союзѣ съ воздухомъ, морозомъ и водой. Тропинка отъ моста, взбираясь на утесъ, уходитъ по правому берегу Кивача по опушкѣ веселаго лѣса далеко вдоль Суны, и, пробираясь по ней, можно удобно осмотрѣть все падение водъ. Кивачъ отнюдь не состоитъ изъ одного уступа, какъ

Первое паденіе.

Ніагара; я насчиталъ на немъ 4 уступа поперекъ рѣки и три боковыхъ, расположенныхъ вдоль лѣваго берега. Если идти внизъ по правому берегу Суны, то видишь сперва быструю, но довольно спокойную рѣку шириной съ Мойку, текущую среди невысокихъ пологихъ береговъ. Затѣмъ видишь первое невысокое паденіе въ видѣ вогнутой полковы, захватывающее только половину рѣки; вторая половина Суны продолжаетъ течь вдоль лѣваго берега, спускаясь по продольнымъ уступамъ между утесами, которые стоятъ все чаще и въ концѣ сглаживаютъ вдали вродѣ зубцевъ гребенки, сквозь которые стремится и падаетъ вода нѣсколькими широкими и узкими струями. За первымъ поперечнымъ паденіемъ черезъ нѣсколько саженъ лежитъ второй уступъ, онъ такой же, но уже перваго, и только захватываетъ лишь полъ-рѣки до громаднаго утеса, ра битаго на отдѣльности. Затѣмъ значительно ниже по теченію лежатъ почти рядомъ два послѣднихъ уступа, примыкающихъ къ описанному выше высокому утесовъ.

Но черезъ нихъ со дна рѣки поднимается конусообразный утесъ, на которомъ красуется поэтическая надпись «Elise». Второй изъ этихъ уступовъ есть главное паденіе воды, которая низвергается съ него въ сужденіе, образованное двумя утесами, причемъ утесъ праваго берега выше и дальше выступаетъ въ рѣчку, заставляя

Видъ на Кивачъ внизъ отъ перваго паденія.

ее дѣлать изгибъ. На утесѣ лѣваго берега стоитъ павильонъ съ видомъ на весь водопадъ.

Утесы Кивача, снятые съ праваго берега.

Не знаю, сколько времени мы провели тамъ, сидя на скалѣ и любуясь его видомъ. Первымъ спохватился нашъ почтенный спутникъ г. Н. Оно и понятно. — онъ видѣлъ Кивачъ не въ первый разъ. Но и намъ было пора двигаться. Мы вернулись въ [illegible] онъ, проводили велосипедиста, и смотря и, какъ онъ [illegible]

черезъ мостъ и быстро скрылся въ лѣсу, закусили и двинулись-бы немедленно въ путь, еслибы въ павильонъ не появились новые гости. Это были карелы—мальчики и дѣвушки, которыхъ я немедленно снялъ. При нашемъ отбытіи жена сторожа принесла

Иванъ Григорьевичъ и я на берегу Кивача, вправо виденъ павильонъ.

книгу, въ которую заносятъ свои имена посѣтители Кивача. Мы долго перелистывали ее читая фамиліи нашихъ предшественниковъ, нашли нѣсколько знакомыхъ, нѣсколько извѣстныхъ именъ и, конечно, стихи

**Въ дорогѣ много неудачъ**
**Я перенесъ. Не каюсь въ этомъ,**
**Увидя пѣнистый Кивачъ,**
**Самимъ Державинымъ воспѣтый**

написалъ одинъ посѣтитель съ фамиліей извѣстнаго поэта Плещеева, но не онъ, потомучто здѣсь стояло имя Александръ, а поэтъ — Алексѣй. Мы начертали и наши имена въ эту книгу. Можетъ быть когда-нибудь вновь придется увидѣть ее. Однако многіе посѣтители прибѣгаютъ къ записямъ иного рода, не столь безобиднымъ. Именно, не мало найдется, которымъ великія природы кажется ниже ихъ собственнаго достоинства, любятъ прибѣгать къ надписямъ на самой картинѣ, уродуя ее и оправляя этимъ производимое ею впечатлѣніе. Фараоны, создавшіе пирамиды, не посадили на нихъ свои имена саженными буквами; не сдѣлалъ этого и Наполеонъ, когда смотрѣлъ на сорокъ вѣковъ, глядѣвшихъ на него съ высоты этихъ колоссовъ, и лишь

рѣ Синаѣ нѣтъ автографа Моисея, и если вы въ подземельи Шильонскаго замка читаете на столбѣ выцарапанное тамъ слово «Byron», то вамъ понятно, что великій поэтъ, авторъ Шильонскаго узника», имѣлъ право на то. Но зачѣмъ разные Нал. Борисы и Теодоры мажутъ свои невѣдомые міру имена и вензеля бѣлыми буквами на великолѣпныхъ черныхъ утесахъ Кивача, этого совершенно нельзя понять. И добро-бы какой-нибудь Теодоръ, желая увѣковѣчить свое имя или имя своей возлюбленной,

Карелы мальчики изъ окрестности Кивача (средній Степанъ).

пробрался на эти утесы самъ съ опасностью жизни. Но нѣтъ— деньги, деньги! Бородатый мужикъ съ лохматой прической, перекинувъ досточки съ камня на камень, пробирается надъ кипящей бездной съ ведеркомъ краски въ рукѣ на указанное мѣсто и, балансируя тамъ на скользкомъ камнѣ, чалитъ всѣ пальцами и ни два. Нались Elise красуется на главномъ утесѣ среди ревущей пѣны Кивача. Я не могъ понять, какимъ образомъ пробрался туда малярь, пока сторожъ не разъяснилъ мнѣ, что эту надпись сдѣлалъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ сухой

годъ, когда воды въ Кивачѣ было меньше, такъ что надъ нѣкоторыми выступали камни, сейчасъ теперь подъ водой.

Было около 3-хъ часовъ дня, когда мы тронулись въ путь. Прощай, Кивачъ! Будемъ долго помнить твою величественную красоту! И мы шли, оборачиваясь, останавливаясь, пока чаща лѣса не скрыла отъ взоровъ рѣки, но еще долго провожалъ насъ привѣтливый шумъ водопада. Съ нами увязался одинъ изъ карельскихъ мальчиковъ, по имени Степанъ. Мамкинъ платокъ, повязанный на шею и распростертый по спинѣ, спасалъ его прикрытыя старой розовой ситца рубахой плечи отъ комаровъ, и мы шли, коротая дорогу болтовней съ нимъ. Между прочимъ онъ сообщилъ намъ, что «кивви», отъ котораго происходитъ названіе Кивача, по карельски значитъ «камень».

---

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

# На Поръ-порогъ и Гирвасъ.

Еще въ Кончезерѣ, услыхавъ про другіе водопады на Суннерестахъ въ 40 верстахъ отъ Кивача, я рѣшилъ измѣнить планъ своего путешествія. Вмѣсто того, чтобы возвращаться теперь назадъ и идти потомъ на Олонецъ по большой дорогѣ, я предложилъ Ивану Григорьевичу пройти на эти водопады: Поръ-порогъ и Гирвасъ. Справившись по картѣ, мы замѣтили путь туда, который начинался отъ Викшицъ, показавшихся вскорѣ, какъ только лѣсъ поредѣлъ. Распростившись съ Степаномъ, мы свернули вправо и пошли черезъ мелкій лѣсъ по топкому побережью Поръ-озера. Несмотря на жару, на соль въ потахъ и груди, рѣзавшія плечи, мы довольно бодро подвигались впередъ, не предчувствуя того, что насъ ожидало на этомъ переходѣ. Уфф, не такими вышли мы изъ этого проклятаго лѣса, какими вошли! И какъ ни стоило при входѣ въ него напоминать, какія, по словамъ сказокъ, красовались когда-то на перекресткахъ дорогъ! Если бы мои слова, и написать бы на столбѣ при этой дорогѣ: кто пойдетъ въ тотъ лѣсъ, будетъ съѣденъ комарами! Увѣряю васъ, что было что-то ужасное, какой-то кошмаръ, да безъ горячихъ отвратительныхъ [illegible] бѣсовъ, отъ которыхъ [illegible]

человѣчій запахъ, вылетали изъ придорожной болотистой чащи, и чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ многочисленнѣй становилась наша свита. Не помогало ничто: ни безпрерывное куреніе трубки, ни густые аршинные вѣтки ивняка, которые мы срывали и бѣшено обмахивались, словно бичующіеся монахи, съ тѣмъ, чтобы спустя четверть часа бросить ихъ обтрепанными, поломанными, безъ листьевъ. Не знаю, сколько сотенъ нашихъ мучителей нашло себѣ смерть на полѣ брани, но полчища ихъ не убывало. Чуя близкій и вкусный запахъ тѣла, раздражаемые махалкой, они теряли всякую осторожность и съ какимъ-то каннибальскимъ воемъ садились на всѣ обнаженныя мѣста, забивались въ уши, ноздри, подставляя свои тощія, изголодавшіяся тѣла подъ роковые удары. Я не говорю про зудъ, производимый ядовитыми укусами,—гораздо хуже было моральное дѣйствіе этой волчьей стаи. Нѣкіе ихъ, переселившіе вскорѣ въ какой-то подавленный вой или стонъ, такъ раздражало насъ, что мы пришли въ странное, болѣзненно-нервное состояніе. Единственное спасеніе заключалось въ быстромъ движеніи, въ бѣгствѣ, потому что тогда жадная стая, отставая, вилась сзади, насѣдая больше на спину и шею, которыя мы прикрыли платками. Всякая остановка, напр. для смѣны ноши, доводила насъ до бѣшенства: попробуйте снимать мѣшокъ или ружье, затягивать ремень или что другое, когда десятки жалъ вонзаются въ кожу, на которой вы ощущаете сотни комариныхъ ногъ. Мы топотали ногами, бѣшено махали руками, мотали головой и, наблюдая насъ, посторонній зритель могъ бы подумать, что видитъ двухъ одержимыхъ падучей больныхъ. Не чувствуя усталости и боли въ ногахъ, мы почти бѣжали эти проклятыхъ 13 верстъ, съ жадной тоской поглядывая на медленно убавлявшіяся цифры верстовыхъ столбовъ. Но почему же, спроситъ читатель, не воспользовались мы нашей марлей? Въ томъ-то и дѣло, что мысль объ остановкѣ и вознѣ съ ней (надо же было разрѣзать ее и прилалить къ фуражкѣ) приводила насъ въ ужасъ, и мы бѣжали какъ угорѣлые, пока не выбѣжали къ мосту на рѣкѣ. Это была та-же быстрая, говорливая Суна.

— Какъ хотите, Иванъ Григорьичъ, а я сейчасъ брошусь въ воду!

Лучше бы намъ ѣхати до Шушковъ, всего верста осталась.

Нѣтъ, нѣтъ! Я не вынесу этой муки, хоть бы только на версту. Идемте!

Мы спустились къ нижнему, усѣянному остроконечной галькой

берегу, быстро развели дымные костры и сразу почувствовали облегченіе. Повѣсить на отпускъ чайникъ, разѣться и кинуть то самое тѣло въ воду было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Какое наслажденіе чувствовать кожею на струѣ потока омывающую погибшее, грязное, искусанное комарами тѣло! Одна бѣда — двѣ рѣки усѣяно острыми камнями, и наши изрѣзанныя ноги, попадая на острыя грани и ребра ихъ, отказывались поддерживать тѣло. Въ то же время надо быть и осторожнымъ: Сума несется здѣсь стремительно по камнямъ и пѣнится на множествѣ пороговъ; вся поверхность рѣки въ ямахъ и буграхъ, только гляди въ зѣвы, и помни какъ звали. Тамъ уже не выплывешь, тамъ можетъ быть одинъ, пока не изуродуетъ, и покинетъ мертвое тѣло къ Кивачу, который растерзаетъ его на своихъ зубчатыхъ утесахъ. Долго стоимъ мы по плечи въ водѣ, обливая вспухшую шею и лицо холодной водой, мажа и держа въ ней покрытыя волдырями руки.

Пока мы купались, чайникъ вскипѣлъ. Только-что мы принялись за чай, какъ съ берега спустился высокій молодой карелъ. Это былъ красивый брюнетъ съ карими глазами, выраженіе которыхъ заставляло думать, что онъ размышляетъ, какую пользу можно извлечь изъ насъ. На немъ былъ домотканый холщевый пиджакъ и такія же штаны. Не говоря ни слова онъ присѣлъ къ огню и, поглядѣвъ на насъ, спросилъ.

— Куда идете?

— На Поръ-порогъ и Гирвасъ.

— Лошадей не возьмете-ли, недорого возьму.

Мы не обладали средствами для найма лошадей и лодокъ и вообще даже не желали путешествовать такимъ способомъ, но, чтобы отвязаться отъ него, спросили, что онъ возьметъ.

Оказалось дорого..

— Нѣтъ, не возьмемъ!

Карелъ поспѣшилъ уменьшить, и затѣмъ съ сосредоточеннымъ финнскимъ упорствомъ начались торги лошадей.

— Нѣтъ, не возьмемъ!

Онъ дрогнулъ, сбавилъ рубль, и мы опять отказали. Наконецъ, не желая перекармливать насъ комарами и задерживаться, онъ уступилъ, и мы условились ѣхать до Шуи.

Мы перешли на тотъ берегъ Сумы, и карелъ повелъ насъ изъ Сумы вверхъ, придерживаясь ручья, который растекается тамъ, и черезъ 2 версты мы были въ Шуи.

гдѣ завернули въ избу карела, новую желтую избу. Тамъ въ тускло освѣщенной заре комнатѣ, за столомъ посрединѣ, сидѣло за ужиномъ все семейство: старикъ карелъ, нѣсколько старыхъ и молодыхъ бабъ, возлѣ въ люлькѣ пищалъ грунной ребенокъ. Въ душномъ жаркомъ воздухѣ пахло рыбой и крестьянской одеждой. Грязными засученными руками карелки брали изъ общей тарелки мелкую вареную рыбу и заѣдали ее чернымъ хлѣбомъ. Конечно пригласили и насъ, но эта снѣдь не нравилась намъ, и мы спросили молока. Здѣсь, въ душномъ жарѣ, въ тускломъ свѣтѣ мерцавшей въ грязныя окошка зари, мнѣ ярко представилось, до чего жалка жизнь этихъ несчастныхъ людей. Мы, пришельцы изъ другого міра, въ головахъ которыхъ совмѣщаются разнообразныя знанія обо всемъ на свѣтѣ, волнуются идеи, и мысль широко охватываетъ и проникаетъ во все доступное воспріятію, мы пришли, скользнемъ сквозь ихъ убогую жизнь и снова увидемъ въ другую, въ яркую и богатую событіями, а они, полудикари, съ тѣснымъ кругомъ представленій, навсегда останутся здѣсь на берегу пустыннаго озера и до смерти будутъ созерцать сквозь пыльныя окошка лѣсную глушь, синѣющій за озеромъ берегъ, будутъ ѣсть все ту же мелкую рыбу и работать до изнуренія только затѣмъ, чтобъ имѣть это сосновое жилье, черный хлѣбъ, спать въ головахъ на полу на овчинахъ и щеголять въ сарафанѣ изъ дешеваго краснаго кумача. И мнѣ казалось, что скудная ужинь ихъ не есть отдыхъ послѣ дневныхъ трудовъ, когда истомленное тѣло съ довольствомъ и радостью набирается новыхъ силъ, и уже тянетъ къ покою и веселой болтовнѣ, а продолженіе, нудное продолженіе все той же безконечной работы.

Ребенокъ, сунувшій въ люльку загрязненныя сверху ножками, запищалъ, должно быть отъ комаровъ, и молодая мать, присѣвъ къ нему, спустила ему въ ротъ налитую молокомъ грудь, которую онъ принялся сосать, скосивъ глаза на насъ.

Ночь уже наступила, бѣлая сѣверная ночь, карелки ожили, поднялись изъ-за стола и готовились ѣсть спать. Мы, осушивъ двѣ крынки молока, принялись за дѣло, а именно: я удилъ, а Шурка, нитью и иголку и присѣвъ у окошка, принялся мастерить бумажки отъ комаровъ, болтая съ хозяевами о томъ о семъ. Бумажки надѣвались на фуражки и охватывали ихъ по головѣ, по спускались по плечамъ по поясъ такъ что изъ-подъ нихъ можно было глядѣть и рукамъ. Когда мы отдали роль фуражки и платки, подвязали коротенькія куртки и готовились на покосъ выѣхать, я прервалъ

въ довольно курьезныя фигуры. Въ такомъ, нѣсколько маскарадномъ костюмѣ поплелись мы въ путь дорогу по пустынной деревнѣ мимо громадныхъ, поразительныхъ по своей высотѣ ригъ и избъ. Нѣкоторые изъ нихъ были въ три этажа и еще несли вышку. Видно, что другого, а лѣсу тутъ много, и его не жалѣютъ. Эти ночныя выходки въ неизвѣстную даль, несмѣтная ходьба съ перевалкой мимо засыпающихъ росистыхъ полей, сквозь безмолвныя лѣсныя дебри составляли новый поэтическій моментъ въ нашемъ странствіи. Скоро вокругъ насъ собираются гуще, гопюще и глаголемое воздушныя стаи комаровъ. Но теперь.

На походѣ въ Олонецкой тайгѣ.

шалишь, братъ! Вои сколько угодно, садись, конзай жало куда хочешь—мы приняты непроницаемой броней. И все-таки время отъ времени какіе-нибудь пролазы изъ комариная рода невѣдомыми путями пробирались подъ сѣтку; смущенные черной стѣной, отдѣлявшей ихъ отъ воздушнаго простора, они начинали метаться съ жалобнымъ писком и падали легкой жертвой на ихъ незнавшихъ пощады рукъ. Но несмотря на почти полную безопасность отъ нихъ, этотъ неумолчный сдавленный монотонный вой разстраивалъ наши нервы, кромѣ того подъ сѣткой было душно, а толстыя куртки и шапки на головахъ вызывали обильный потъ.

Путь нашъ велитъ по берегу озера къ притоку его конецъ, гдѣ стоитъ карельская деревня Усть-Суна. Дорога шла по лѣсу, и по сторонамъ ея попадались жерди раскинутыя по жнив. На

одних изъ нихъ на черно: отъ мелкаго угля земля лежатъ рядами тѣла срубленныхъ лѣсныхъ великановъ, безъ сучьевъ и корней. На другихъ такими же рядами повалень молодой березнякъ, подсѣченный подъ самый корень, и бѣлые стволы березокъ мерцаютъ сквозь желтобурую массу высохшей листвы. Это крестьянскія подсѣки, т. е. пашни, удобряемыя не навозомъ, а золой сожженныхъ деревьевъ. Нѣсколько такихъ полянъ встрѣтилось на нашемъ пути, указывая на близость деревни. Мы стви-

**Подсѣка, приготовленная подъ рѣпу.**

тельно, вскорѣ показались огороженныя каменными завалами поля и какія-то постройки, но на дѣлѣ до деревни было еще далеко. Съ нетерпѣніемъ шагали мы вдоль нескончаемыхъ длинныхъ городей, слѣдуя всѣмъ изгибамъ дороги и ожидая увидѣть деревню за каждымъ изъ нихъ, но надежда много разъ обманывала насъ, и прошло болѣе часа прежде, чѣмъ мы увидѣли вдали въ утреннемъ туманѣ церковь и высокія избы Усть-Суны. Мы пришли туда на зарѣ и остановились въ большой и чистой карельской избѣ. Дома была одна старуха, которая немедленно взяла самоваръ, а послѣ чаю отвела насъ въ обширный сарай позади дома, гдѣ приготовила на полу постели.

Какъ описать уютный видъ этого сарая? Въ мыслительныя

шли въ стѣнахъ и крышѣ въ него сочился свѣтъ солнечнаго утра. Въ этомъ свѣтѣ полумракѣ отчетливо рисовались разнообразные предметы: снопы соломы, сани съ поднятыми оглоблями, какія-то кадки, рухлядь, конская сбруя по стѣнамъ. Было свѣтло, но и темно, тепло, но и прохладно, и вмѣстѣ со свѣтомъ и воздухомъ проносились и замирали въ немъ звуки просыпающейся жизни: внизу подъ нами жевали лошади, и ходить по шелестѣвшей соломѣ телятъ. издали съ улицы доносилось мычаніе коровъ, кудахтанье куръ и человѣчьи голоса. Едва мы успѣлись, какъ по лѣстницѣ, звучно стуча лапами, поднялась курица, которая, посмотрѣвъ на насъ, подумала нѣсколько минутъ и принялась недовольно кудахтать во всю глотку. Я уже подумывалъ встать и попросить ее объ выходѣ, какъ дверь тихо отворилась, и показался наша старуха Тихо переступая босыми ногами, она вошла въ тынъ клѣтъ и осторожно затѣснила ее въ дверь, стараясь не разбудить насъ Удивительная деликатность! Сколько такого простого естественнаго вниманія встрѣтили мы въ народной средѣ этого глухого края!

Мы проснулись около полудня и застали въ избѣ многочисленное общество: тутъ были хозяинъ — пожилой карелъ въ бѣлой рубахѣ и штанахъ о босу-ногу, маленькій мальчикъ его сынъ, одѣтый въ ситцевую плать и башмакахъ, за столомъ сидѣло и обѣдало четверо дюжихъ карела, это были рабочіе, отправлявшіеся на Порь-порогъ и Гирвасъ искать работы. Снова появился самоваръ и неизбѣжная яишница, которую на сей разъ стряпалъ самъ хозяинъ на лучинахъ.

Я занялся фотографированіемъ внутренности избы и, замѣтивъ, что мальчикъ робко жмется отъ насъ въ сторону, сталъ подзывать его, объявляя показать аппаратъ. Прошло одиннадцать мальченка заробѣлъ еще сильнѣе.

— Поль къ барину, онъ тебя не укуситъ, — обернулся его отецъ.

— Нѣтъ, посмотри какая штука, только стеклышко, которымъ снимаютъ на картинку.

Мальчикъ замялся, потомъ, какъ онъ потомъ мнѣ сказалъ, мои усы, а затѣмъ и мои руки! Онъ это сказалъ и самъ не ожидалъ.

Очевидно, онъ принялъ его за нѣчто и нѣчто другое страшное, потому что, забывъ свой страхъ, [illegible]

Черезъ часъ, отдохнувъ у хозяевъ, тяжело больной, мы тронул-

лись налегкѣ въ пятидневный путь на Нюк-горы. Дорога шла по высокому песчаному берегу, кругомъ высокостволыми сплошь порубленный сосновый лѣсъ.

Внутренность избы зажиточнаго карела въ Усть-Сунѣ.

Сунга въ глубокомъ руслѣ, съ крутыми песчаными берегами сверкала на солнцѣ спокойная Сунга. Нюк-пороги лежали верстахъ

Семья нашего хозяина, карела изъ Усть-Сунги.

въ шести выше. Вскорѣ мы стали оживленно разговаривать съ ними, болтая о разныхъ разностяхъ: чьи гонки, много ли рабо

чихъ, какая работа, сколько платятъ за работу и т. п. Они разсказали намъ, какимъ опасностямъ подвергаются часто рабочіе при спускѣ бревенъ по порогу.

— Намедни потонулъ питерскій приказчикъ.

— Какъ потонулъ?

— Такъ, пріѣхалъ съ деревню погостить. Сталъ на порогѣ спускаться въ лодкѣ съ женой, да съ рабочими, а плавать умѣть не горазъ. Лодку закрутило, вывалились они, бабу вытащили, а онъ потонулъ. Что плакъ то былъ! Пріѣхать погостить, а вона какая штука вышла. Много тутъ нашего брату гинетъ. Каждымъ годъ.

— Прежде то потонетъ, съ тѣхъ и ладно, а конѣ штраховку выдаютъ.

— Кто же страхуетъ? Сами себя или хозяинъ?

— Хозяевъ обязали.

По дорогѣ стали попадаться группы рабочихъ съ пѣснями, шедшіе съ гонокъ.

— Много ли нарогу?—спрашиваютъ наши карелы.

— Много, хучъ отбавляй!—кричатъ тѣ.

— Плохо ваше дѣло, не гожимъ васъ,—говоримъ мы карелам.

— Точно, что плохо; которымъ дѣлъ хочимъ, никтѣ не требуется. Въ подбѣгалы, и то не берутъ.

— Въ какіе подбѣгалы?

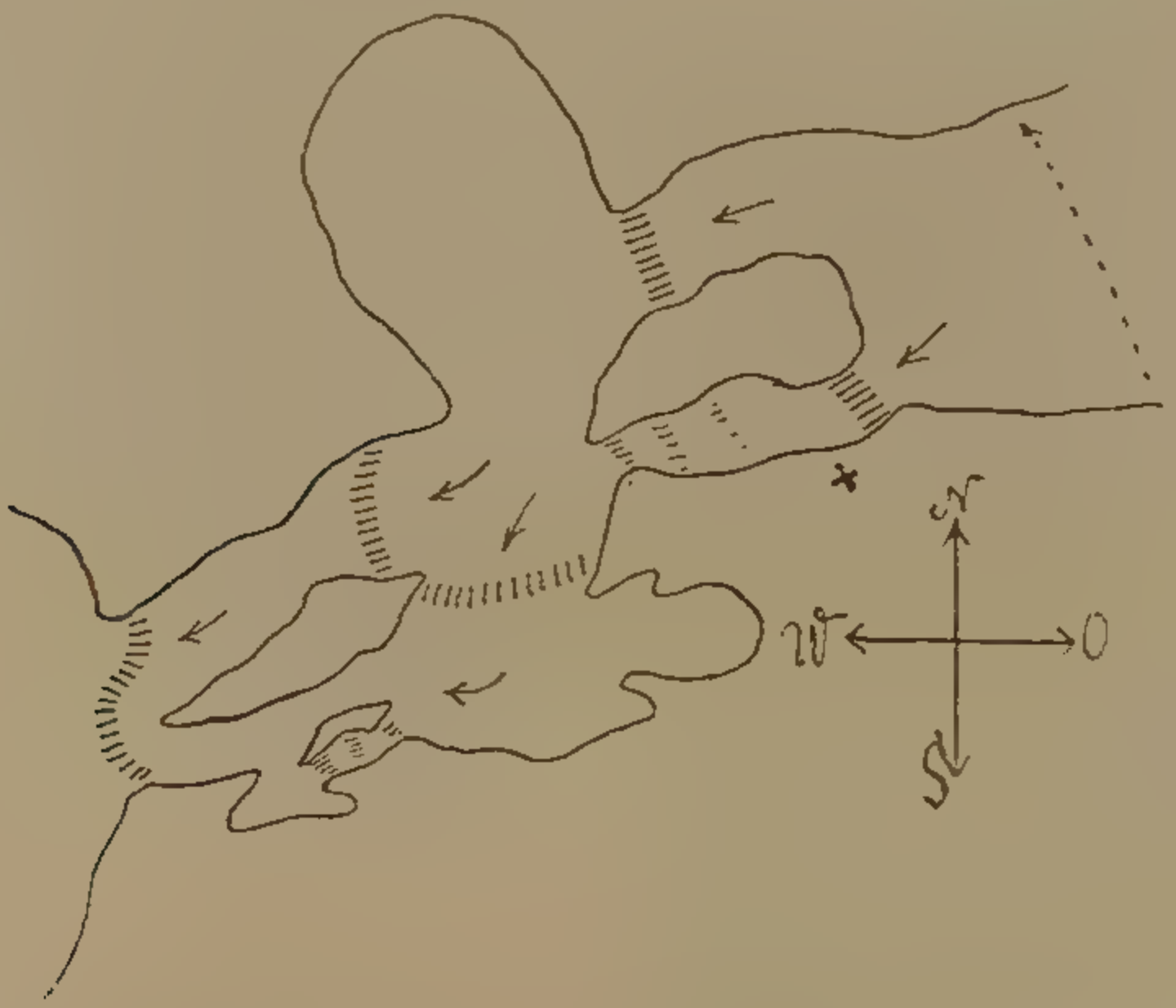
Подбѣгалами, оказывается, называютъ здѣсь на лѣсныхъ гонкахъ рабочихъ, которые занимаются отпихиваньемъ прибрасмихъ къ берегу бревенъ, а также трактирныхъ лакеевъ, половыхъ. Работа подбѣгалы самая тяжелая, зато и дешевая. За нее платятъ 40—50 к. въ день, тогда какъ умѣлые рабочіе получаютъ 1 р. и 1 р. 20 к.

Вотъ наконецъ дорога поворачиваетъ влѣво и спускается внизъ. Издали слышенъ ревъ воды на порогахъ. Мы спускаемся внизъ и вскорѣ уже стоимъ на каменномъ мысѣ того пня, сквозь которую съ грохотомъ и пѣной валится вода.

Поръ-порогъ совсѣмъ не то, что Кивачъ.

Широкая, спокойная Суна у порога суживается въ мѣстѣ, гдѣ теченіе ея перегорожено грядой каменныхъ уступовъ, между которыми вода скачетъ, образуя яростно кипящіе валы. Вотъ она и порогъ разлилась по всей ширинѣ рѣки на четверть версты, и я насчиталъ около 6 большихъ уступовъ. Прорывшись через гр-

вую преграду двумя мощными каскадами, вода какъ бы отдыхаетъ въ двухъ большихъ заводяхъ, сплошь устѣянныхъ сплавленными бревнами,—ходь ходи по нимъ.




Примѣрный планъ Поръ-порога. Вправо пунктиромъ обозначена наша переправа, крестикомъ обозначенъ пунктъ, съ котораго сдѣланы были слѣдующіе ниже снимки.

Съ того берега широкой Суны отвалила лодка. Она забрала насъ вмѣстѣ съ рабочими и доставила на ту сторону, осторожно двигаясь саженихъ въ 50 отъ ревущихъ водопадовъ. Широкая просѣка, проложенная черезъ низкій ольшанникъ, вела вдоль берега къ мѣсту, гдѣ кончались пороги. Поперекъ ея были уложены короткія тонкія бревнышки, по которымъ переволакиваютъ въ обходъ пороговъ лодки — это былъ «волокъ», вѣроятно ни на волосъ не отличавшійся отъ тѣхъ, по какимъ волочили свои ладьи изъ рѣки въ рѣки древніе варяги и новгородцы. Свернувъ съ него влѣво, мы взобрались, прыгая по гладкимъ скаламъ, на утесъ, торчавшій почти среди главнаго водопада, и остановились на немъ, любуясь кипящей стихіей.

Кругомъ, по утесамъ горами навороченныя въ хаотическомъ безпорядкѣ груды бревенъ, и черезъ нихъ, какъ сквозь рѣшето,

журча, лилась вода, примѣшивая свою воркотню къ грохоту каскада. Столбы водной пыли неслись въ воздухъ и мочили черныя скалы и желтыя обнаженія бревна. Ничего похожаго, а все-

Поръ-порогъ. Видъ вверхъ по Сунѣ.

таки казалось, что каскадъ могучій сѣдой богатырь-старикъ съ дыбомъ поднятыми волосами, въ порывахъ нечеловѣческой злобы, яростно рветъ и мечетъ, гудитъ и бурлитъ, брызгая слюной и пѣной. Очарованіе этой бѣшено-дикой картины было таково, что

Діоритовые утесы Поръ-порога. Видна отдѣльность.

и мы и карелы долго стояли молча, пожирая зрѣлище глазами и думая каждый свою думу.

Вернувшись тѣмъ же путемъ назадъ, мы простились съ каре-

ами и пошли на Гирвасъ, до котораго оставалось 3 версты. Дорога шла лѣсомъ по высокому песчаному плоскогорью, въ которомъ Суна промыла себѣ глубокую долину. Гирвасъ мы увидѣли съ этого обрыва. Внизу **подъ ногами лежала волнистая,** сглаженная волой скалистая площадь, по впадинахъ которой прихотливо сверкали лужи воды. Вьюнея, прижимаясь къ правому берегу, вьется по порогамъ Суны, падая по нимъ двумя водопадами со скалистымъ островомъ между.

На Гирвасѣ [1]) открыто необыкновенное оживленіе: большая артель карелъ съ разными десятскими и прикащиками во главѣ

Поръ-порогъ. Видъ внизъ по Сунѣ.

спускала бревна, разбирая длинные плоты, причаленные къ низкому берегу. На измятой травѣ его срели оборванныхъ кустовъ горѣли костры, и громадные закопченные котлы надъ ними испускали клубы дыма. Возлѣ хлопотливо суетились доморощенные повара, перекидываясь съ толпившимися и шнырявшими мимо карелами шутками-прибаутками. Подъ парусинными навѣсами и возлѣ лежали сваленные въ груды какіе то ящики, тюки, бочки, оленьи мѣха и рога, разная рухлядь и домашній скарбъ и въ томъ числѣ зрѣлая винтовка съ самодѣльнымъ ложемъ, вокругъ которой поочс-

[1]) Названіе Гирвасъ происходитъ отъ карельскаго слова Hirwe, что значитъ „лось". По преданію возлѣ водопада былъ убитъ лось, а можетъ быть, при какихъ нибудь особыхъ обстоятельствахъ. Слово Поръ (Por) значитъ по карельски „шелокъ", но не знаю, что имѣютъ этимъ подразумѣвали сообщившіе намъ это карелы—шель или шелокъ.

редко вертя ее въ рукахъ, вывѣливая, пришѣпливаясь, стояли любители охотничьяго спорта. Какія-то бабы въ платкахъ и тулупахъ сидѣли на кладяхъ въ позѣ безнадежнаго ожиданія, равнодушно поглядывая на сумятицу, а солидный бородатый мужчина въ шляпѣ съ полями, парусиновомъ пиджакѣ и сапогахъ бутылками распоряжался переноской вещей. Говоръ, крики и ругань, стукъ топора и багровъ о дерево мѣшались съ ревомъ каскада: люди копошились, ходили, вереницами тянули бревна, а рядомъ

Рабочіе на Гирвасѣ.

зеркальная Суна, и темный лѣсъ за ней стоялъ неподвижно, подернутый прохладой и легкимъ сумракомъ наступавшаго вечера.

Наше появленіе произвело настоящую сенсацію. Съ баграми и шестами столпились кругомъ насъ дюжіе карелы, вытягивали шеи, глазѣли и, притихнувъ, закидывали вопросами.

— Чаво? Откудова? Питерскіе?

— Слышь, Серега, снимать будутъ!

Съ плотовъ, властно покрикивая, съ болтающейся пѣшкой на шведской куртки шелъ высокій приказчикъ каретъ съ шестомъ въ рукѣ. Но, приблизившись, и онъ, вмѣсто того, чтобы разгонять «лодырей», протеръ глаза, и, услышавъ, что предстоитъ фотографическая съемка, мигомъ сталъ распоряжаться въ этомъ смыслѣ.

— Становись, ребята, на рядъ! Не на берегъ! Сгрудься!

И самъ сталъ впереди, по солдатски приставивъ шесть къ ногѣ, точно ружье, а двоимъ командовалъ сто сотъ разнообразныя позы, какія соотвѣтственно своему характеру — кто съ ви-

домъ важности, кто молодцовато, а иной смѣшливый съ трудомъ сжимать губы, чтобы не прыснуть со смѣху.

— Смир—на! крикнулъ командиръ.

— Готово! кивнулъ я ему.

Большинство кинулось ко мнѣ, воображая, очевидно, что я сейчасъ же выну изъ чернаго ящичка и покажу имъ ихъ физіономіи, но узнавъ, что дѣло не такъ просто, карелы разочарованно отходили прочь.

Карелы рабочіе. Налѣво приказчикъ, направо веселый карелъ.

Скоро приказчикъ разогналъ публику, а мы, не спѣша, раздѣлись и полѣзли съ бревенъ купаться. Саженяхъ въ 50-ти отъ насъ ниже по теченію тихая вода Суны уиралась въ низкіе утесы; сморщивъ свою гладкую поверхность въ правильные ряды морщинъ, словно раздумывая о чемъ то передъ рѣшительнымъ шагомъ, рѣка сразу срывалась двумя каскадами внизъ и изъ тѣнистой влаги превращалась въ бушующую стремнину. Но здѣсь теченіе ея было тихо. Я осторожно поплылъ поперекъ, ежеминутно ожидая натолкнуться на струю теченія.

Но ея не было, и я смѣло пустился къ тому берегу. Суна здѣсь раза въ три шире Фонтанки. Оглянулся и вижу: Иванъ Григорьичъ плыветъ слѣдомъ. Я не зналъ, какъ онъ плаваетъ и, признаться, съ тревогой поглядывалъ, не слабѣетъ ли онъ въ борьбѣ съ теченіемъ. Но нѣтъ: плыветъ исправно. Поднявъ на камешекъ и отдохнувъ слегка, мы пустились обратно и благополучно выбрались на скользкія и вертлявыя ноги руками

бревна разобраннаго плота. Работавшіе на нихъ карелы, увидя, что мы переплываемъ сей ихъ Геллеспонтъ, бросили работу и

Типы карелъ, снятые на Гирвасѣ.

безмолвно слѣдили за нашими эволюціями, не выражая ни одобренія, ни порицанія.

Переселенцы изъ Архангельской губер[illegible]

— „Или ты мнѣ сгласъ [illegible]!“ — сказалъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ.

— Отчего?

Мужикъ молчалъ.

— Не поплывешь, коли плавать не умѣешь, замѣтилъ Иванъ Григорьичъ.

— Чево плавать? Плавать умѣть, не горазъ, а умѣю.

— Умѣешь! — вставляетъ другой. — У насъ, баринъ, звона сколько рабочихъ, а, почитай, и половина плавать не можетъ Кажинный годъ на Гирясѣ народъ тонетъ. Намедни интересный приказчикъ потопъ.

— Какже, слышали. А что за изба на плоту стоитъ? — спрашиваю я, замѣтивъ на дальнемъ плоту бревенчатое сооруженіе.

— Архангелогоры на низъ ѣдутъ, переселяются. Со всѣмъ, значитъ, имуществомъ, и товаръ весь. Плоть ихній рѣдься раз-

Пляска.

берутъ, сплавятъ, а прочее што кругомъ берега обсѣдутъ. Тамо опять сберутъ. Такъ и ѣдутъ.

Но, вы, сешись! кричитъ приказчикъ, и карета, взявшись за шесты, вяло начали перебирать и выталкивать бревна, спуская ихъ въ порогъ. Тутъ вода подхватывала ихъ и либо уносила дальше, либо швыряла на скалы въ кучи уже раньше нагроможденныхъ бревенъ.

Волгъ островъ тянетъ весенне. Тянетъ и мужика тянетъ, очевидно, тутъ парохинъ зрѣетъ мысль и пріохотиться отпуская домороссійскія остроты. Острота была тяжелая, и парня такъ и прозвали весенней. А тяжелая ли острота живѣе и прочіе.

Хо. хо. хо! весёлость то изъ одной, то изъ другой кучки, и похоже было, что здѣсь не столько работаютъ, сколько веселятся, и ничего не могъ подѣлать съ этимъ важничавшій приказчикъ, тщетно кричавшій на расходившуюся публику.

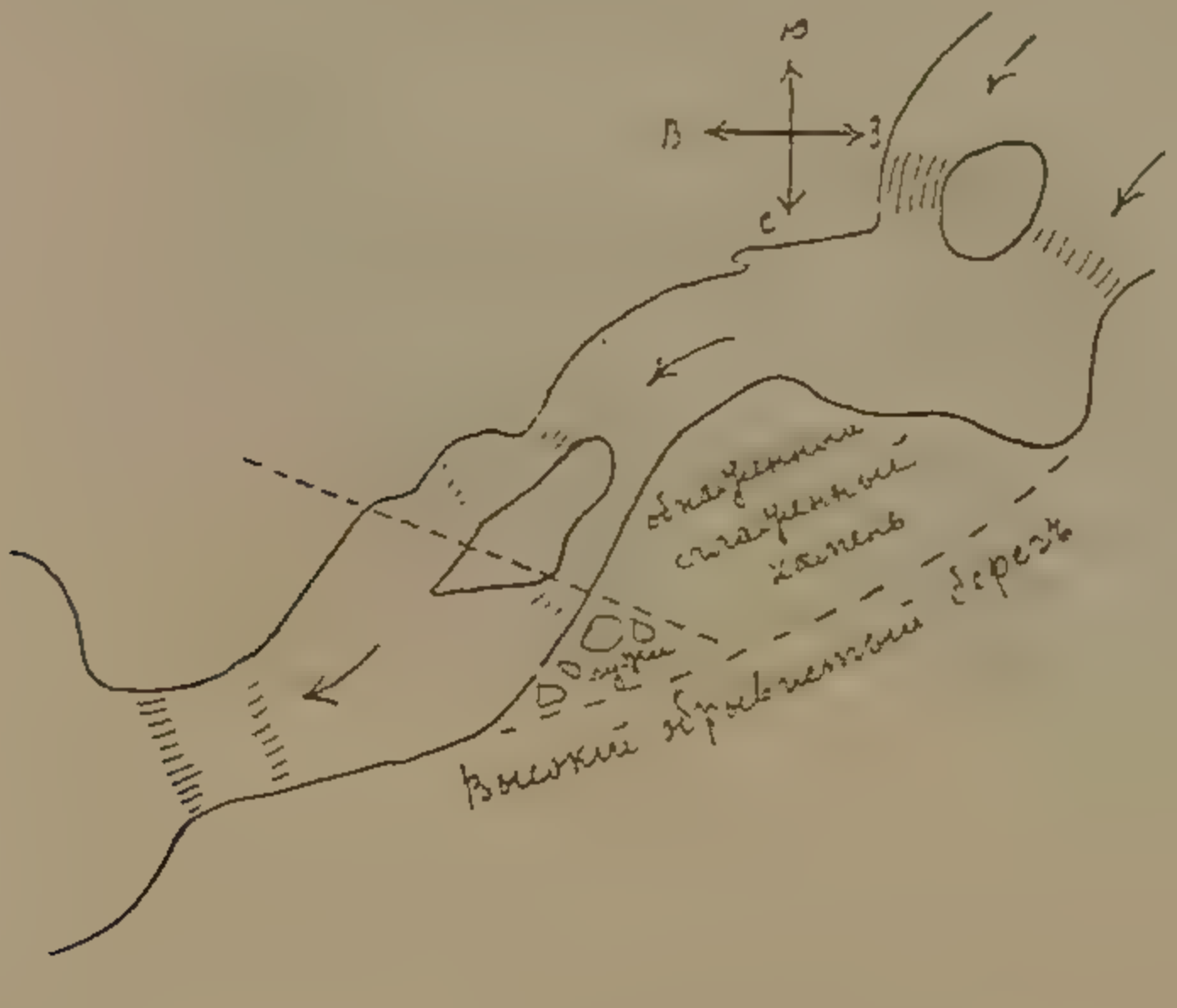
Въ заключеніе веселый парень пустился плясать «по-французски», какъ онъ назвалъ зрителямъ, да въ такомъ видѣ и попалъ въ мой аппаратъ.

Карелы приглашали насъ остаться до завтра, обѣщая интересное зрѣлище: они готовились перекинуть черезъ водопадъ люльку.

**Группа пожилыхъ карелъ, снятая на Гирвасѣ.**

нѣчто вродѣ висячаго балкона, съ какого петербургскіе маляры красятъ дома. Цѣль въ томъ, что бревна, которыя водопадъ наворочалъ грудой на скалистый островокъ посреди его, невозможно снихнуть оттуда иначе, какъ съ такой люльки, которая низко виситъ надъ самымъ каскадомъ на протянутомъ съ берега до берега канатѣ. Рабочіе, сидѣвшіе въ ней, качаясь надъ ревущимъ водопадомъ, стаскиваютъ баграми застрявшія бревна и пускаютъ ихъ дальше. Рабочимъ налаживаніе люльки представляется дѣломъ настолько сложнымъ и умственнымъ, что они изградили для него свое сооруженіе съ нѣкоторымъ поэтомъ. Есть ли нѣтъ время его изобрѣтеніе было сдѣлано неизвѣстно. Рабочіе просто забрались на островокъ и работали тамъ, стоя на скользкомъ камнѣ, обдаваемые облаками водной пыли, среди оглушительнаго грохота валившихся мимо грудъ бревенъ и воды. Говорятъ, что они срывалось тогда и тонуло въ водопадѣ.

Бревна, которыя они сплавляли, принадлежали извѣстнымъ петербургскимъ лѣсопромышленникамъ Громовымъ. За этой партіей слѣдовали плоты другого лѣсопромышленника, ожидавшіе очереди выше по Суни. Пройдя всѣ пороги по Суни, бревна приплы-




Примѣрный планъ порога Гирвасъ.

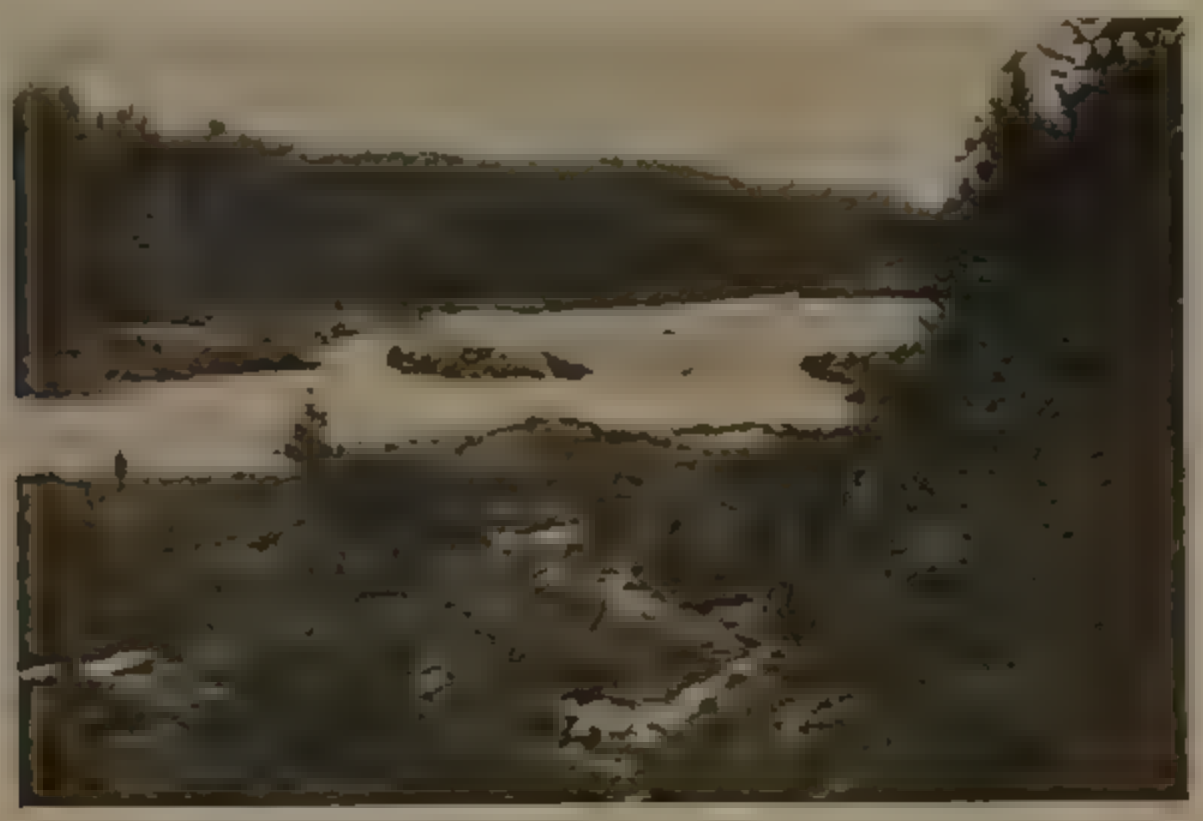
ваютъ въ Петрозаводскъ, гдѣ ихъ распиливаютъ на брусья и доски, грузятъ на баржи и отправляютъ въ Петербургъ.

Какъ ни интересно было взглянуть на любопытное зрѣлище, однако, мы не могли терять изъ-за него лишній день и потому, снявъ еще нѣсколькихъ типичныхъ карелокъ и даже нѣлые группы ихъ, мы распростились съ ними и съ наступленіемъ ночи пошлелись назадъ.

Чуденъ и дикъ былъ видъ Гирваса, когда мы взглянули на него въ послѣдній разъ съ высокаго обрыва: широкая, серебристая полоса нѣши мерцала среди подступившаго къ ней влотную темнаго лѣса, и все покрывалъ собой куполъ неба, озаренный послѣднимъ краснымъ свѣтомъ зари.

Въ Усть-Суну мы пришли въ часъ ночи. Въ темной избѣ не спалъ одинъ хозяинъ. Онъ сидѣлъ у окна и при слабомъ свѣтѣ бѣлой ночи привычной рукою плелъ почти рыболовную сѣть. Мы забрали свои пожитки, завѣсились отъ комаровъ и, распро-

свившись съ гостепріимнымъ карломъ, пошли своимъ путемъ-дорогой. И вотъ опять въ тишинѣ ночи раздается одинокій стукъ нашихъ ногъ, тонкимъ голосомъ поютъ комары, и дикій лѣсъ безмолвно стоитъ по сторонамъ дороги.



Порогъ Гирвасъ.

На зарѣ мы были въ Шунгозерѣ. Деревня уже просыпалась: изъ низкихъ трубъ тамъ и сямъ вился дымокъ, по улицѣ съ громкимъ мычаньемъ шли коровы, и кое-гдѣ въ темномъ отверстіи раскрытой двери виднѣлся красный сарафанъ хозяйки. А изъ-за озера сквозь мягкій туманъ мелодично неслась свирѣль пастуха. Гдѣ-нибудь тамъ въ росистомъ лѣсу, приложивъ къ губамъ нехитрую бивень о берестяную трубу, опытный въ серьезныхъ похожденіяхъ мальчикъ-пастухъ встрѣчалъ этими звуками утро, а сѣрый волкъ, косясь на стадо и высунувъ длинный красный языкъ, уходилъ сквозь тонкій кустарникъ подальше, поджимая подъ косматое брюхо пушистый хвостъ.

Мы завернули въ бѣдную карельскую избу. Молодая хозяйка съ непомѣрнымъ ртомъ карела мѣсила у стѣны тѣсто, приготовляясь печь хлѣбы. Вилло сидѣлъ въ привычномъ для гостей, и онъ съ какимъ-то дѣловымъ и рабочимъ пріемомъ сталъ набивать трубку, изрѣдка задавая рядъ вопросовъ прежде того, какъ самъ набьетъ, женщинѣ, откуда родомъ. Отвѣтивъ на вопросъ и самъ набивая трубку, она задавала новый назрѣвшій вопросъ.

— Вы что, сами [illegible]

— Нѣту, мы чаю не пьемъ.

— Поищи на деревнѣ.

— Не знаю, есть-ли.

Она ушла и вернулась черезъ четверть часа съ небольшимъ кускомъ сахару, который трудно было принять за это вещество— сѣрый, съ плавными волнистыми краями, отполированными безчисленнымъ числомъ верхнихъ его грязныхъ рукъ, онъ положилъ на кусокъ грязнаго сала. Видно въ Шуйкахъ карелы не

Внутренность бѣдной карельской избы.

балуютъ себя чаемъ, и этотъ сахаръ хранится для какой-нибудь зажиточной семьи. Мы попробовали его и разгрызли на куски.

Поетъ чаю Иванъ Григорьичъ началъ сли..., а я сталъ сидѣть,—любопытно было взглянуть, какъ и что стряпаютъ карелки. Засучивъ рукава, молодая стряпка начала ловко раскатывать тѣсто, и вѣрно давно у ней

Женатъ?

Нѣтъ, — отнѣкиваюсь я, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ на эту тему.

— Не женатъ?

— Нѣтъ.

— Стало быть хозяйки нѣтъ?

— Нѣтъ.

Баба не могла постигнуть, какъ можетъ быть неженатъ человѣкъ среднихъ лѣтъ.

— Что дѣлаешь?

— Служу.

— Въ казнѣ?

— Въ казнѣ.

Опять долгое размышленіе, только слышно чмоканіе полужидкаго тѣста. Возлѣ на столѣ лежало рѣшето, сквозь которое каргалка просѣивала муку, прежде чѣмъ валить ее въ кадушку, а на низкой скамеечкѣ стояло деревянное корытце съ пшеномъ уже успѣвшей высохнуть кашки, и другое съ мелкой, кое-какъ вычищенной рыбой.

Приготовивъ квашню, баба начала лѣпить «кокачи». Скругливъ комокъ тѣста, она разбивала его въ лепешку, насыпала въ середку сухой каши или клала нѣсколько рыбокъ и затѣмъ защипывала въ длинный пирожокъ. Изъ оставшагося тѣста она накатала нѣсколько хлѣбовъ, присыпая мукой и стараясь придать имъ красивый круглый видъ.

Въ углу избы въ русской печи трещалъ огонь. Она кидала горѣть хворосту, тщательно сгребла угольи, смела крылом золу, помазавъ «кокачи» какимъ-то суслом, посадила всю стряпню въ печь, прикрывъ отверстіе ея заслонкой. Грязно и противно было тѣсто, каша и рыба, но готовила каргалка удивительно чисто: она то и дѣло подходила къ рукомойнику въ углу и мыла руки надъ большимъ ушатомъ.

Черезъ четверть часа кокачи были готовы. Баба вынимала ихъ и, выбравъ какой получше, подала мнѣ.

— На, покушай горяченькаго пирожка.

Какъ описать ея изумленіе, когда я отказался.

— Спасибо, тетка, сытъ!

— Покушай, это кокачъ!

— Спасибо, сытъ!

— Покушай!

Мнѣ было крайне [illegible] [illegible] мнѣ [illegible] [illegible] меня. Можетъ быть, черезъ нѣсколько [illegible] [illegible] силы

сь своею ничтожностью отъ обычая въ хочь знаменитаго охотника на медвѣдей».

Чтобъ утѣшить хозяйку, я предложилъ ей сняться на фотографію. Карелка сперва испугалась.

— Ой, худо буде!

— Ничего не будетъ, становись у печки.

— А пришлешь карточку?

— Пришлю.

— Аль обманешь, не пришлешь?

— Пришлю, пришлю.

— Не обманешь?

— Нѣтъ, зачѣмъ обманывать, пришлю.

— Пришли.

Совершенный ребенокъ была эта карелка съ робкимъ и хорошимъ изнуреннымъ отъ работы и плохой пищи лицомъ, говорившая звучно-мягкой олонецкой рѣчью, пѣвучимъ реминативомъ.

Мы проснулись въ полдень и закусили чѣмъ Богъ послалъ, потомъ искупались въ озерѣ, послѣ чего, захвативъ винтовки, я поѣхалъ къ устью Сыпи поискать утокъ. Утки были, но близко не подпускали, пока я не наткнулся на утку съ утятами. Стрѣляя это была охота, но разскажу о ней въ почтение другимъ.

Маленькія пушистыя птички, попискивая, весело плыли за маткой. Послѣ перваго выстрѣла утка оглѣла подальше и стала позывать дѣтокъ, которыя, распустивъ крылышки, побѣжали по ней по водѣ. Я взялся за весла и сталъ нагонять ихъ. Снова выстрѣлъ, и снова утка перестрѣла погоню.

Это повторялось нѣсколько разъ. Волны стремительно рѣзали лодку и не давали рѣзвиться. Наша была уважала самоотверженье матери, умерщвленной своихъ дѣтей и видя явной опасности, но охотничій инстинктъ сильнѣе разгорѣлся во мнѣ. Если бъ я стрѣлялъ не пулями, а дробью, утка не ушла бы цѣлой изъ этой борьбы, но будучи счастливо расположена, главное, волнистые волны не давали мнѣ возможности цѣлить мѣтко. Такимъ образомъ, уводя отъ меня, утица семья добралась въ озеро. Здѣсь не было камышей и спрятаться, въ которыхъ можно было-бы укрыться, и сообразительная утка прибѣгла къ новому способу защиты: она почтительно встала, на мгновенье садилась въ воду, сейчасъ же снова вспархивала, низко летая надъ водой и уводя утятъ далѣе въ озеро, гдѣ рѣзвились

вода смыла ихъ въ пестрой сѣти черныхъ пятенъ и яркихъ бликовъ. И съ своей стороны стрѣлялъ все хуже и хуже: руки дрожали отъ волненія. Наконецъ мнѣ стало стыдно за эту травлю бѣдной птицы и, бросивъ ружье, я поплылъ во-свояси, благодаря судьбу за свою неудачу и радуясь за утку.

Въ избѣ пили чай. Верхомъ хозяинъ — маленькій карелъ съ корявымъ лицомъ, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ бородатый лысый карелъ съ веселыми лучистыми глазами.

Эко дѣло,—горевалъ хозяинъ,—подохнетъ теперь, ничего не подѣлашь!

— Може поправится!—утѣшалъ его другой.

— Что это?—спрашиваю.

— Жеребенка волкъ порѣзалъ, эвося какъ укусилъ, палецъ въ рану вѣзетъ!—сказалъ хозяинъ, показывая на грубомъ указательномъ пальцѣ своемъ глубину раны.

— Чуть ногу вовсе не оторвалъ!

— Да, теперь по жаркому времени подлетъ гнить, не залѣчишь! — замѣтилъ лысый карелъ. — Этотъ звѣрь свое дѣлаетъ... дерется въ стадо коли кони не затѣятъ, ломаютъ какъ сами жеребенка. Зубья у его здоровые, какъ хватитъ, сразу заднюю ногу вырветъ. Хорошо, коли кони близко были. Они его передней ногой по лбу торовятъ, такъ у него пасть къ жеребцу близко не подходитъ. А то умѣетъ, окаянный, что лягаетъ задними ногами, — собаки не приближаются, стадо бѣжитъ, такъ вѣрите слову, баринъ, сколько хочетъ, столько и рѣжетъ. Тфу, пакостникъ!

У насъ имѣлась карболка. Отлили мы немного, разбавили водой и объяснили хозяину, какъ прижигать рану, а сами стали собираться въ путь. И пришлось бы намъ отдать себя вновь на съѣденіе комарамъ, если-бы не подвернулся обратный извозъ, который за полтину и за горячій чай согласился довезти насъ до Вилькиль. Мы были и здорово искусаны комарами, которые здѣсь были злѣе нашихъ, и долго еще за нами, за нашимъ рыдваномъ носилась туча озлобленныхъ, такъ что отъ нея бѣжалъ, бѣжалъ на весь опоръ Бѣлый конь, весело страдая отъ гнусныхъ насѣкомыхъ, которыя впились въ его нѣжную жилистую кожу. Всю дорогу мы усердно крыли ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ и радовались жертвѣ, что не мы, а кто-то другой, а если ихъ не убавилось.

Съ Вилькиль мы плыли всю ночь и къ полудню были

среди дороги сдѣлали привалъ, развели дымный огонекъ и поили чаю. Вотъ къ намъ приблизилась маленькая кирпичная лошадка, волочившая оборочённую зубьями вверхъ борону, а съ нею бѣдная старуха и мальчикъ, одѣтые въ жалкія отрепья, закутанные въ старые платки для защиты отъ комаровъ. Войдя въ струю дыма, лошадь стала: видно и ее жестоко донимали эти мучители, и она была рада отстояться въ дыму. Стала и баба съ мальчикомъ. Завязался разговоръ, и въ безхитростныхъ рѣчахъ бабы обнажилась такая ужасающая, безысходная бѣдность, что внутрѣ было жалко. Мальчикъ, лѣтъ восьми, единственный «му-

Дѣвушки карелки изъ Викшицъ.

жикъ» въ семьѣ и будущій работникъ, стоялъ и скучалъ, обмахиваясь концами вѣтокъ. Бѣдняга, онъ уже убивался на работѣ, какъ взрослый, но знать никакихъ радостей не успѣлъ еще. Нужда, одна безъисходная нужда!

Передъ разсвѣтомъ мы подходили къ Кончезеру, переправляя усталыя ноги.

— Волкъ!—крикнулъ Иванъ Григорьичъ.

Черезъ дорогу, оглядываясь на насъ, бѣжалъ сѣрый звѣрь, мягко перебирая длинными ногами.

Увы! Ружье висѣло въ чехлѣ за плечомъ, а то съ какимъ удовольствіемъ пустили бы мы въ погоню этому бичу крестьянскихъ стадъ маленькій кусочекъ свинцу. Но мгновеніе и волкъ

исчезъ въ мелкомъ ельникѣ. Мы легли подъ кустикомъ, авось. дескать, онъ вернется назадъ. Да куда!

— Какъ же, такъ и дождетесь его! — грубилъ Иванъ Григорьичъ.—Онъ теперь ужъ за версту, а завтрашній день будетъ

Пожилая женщина карелка съ дѣвочками изъ Викшицъ.

гдѣ нибудь верстъ за 15—20 отсюда. Онъ тоже хитеръ, въ одномъ мѣстѣ долго не околачивается, напакостилъ—и въ сторону, подальше.

Кончезеро спало мирнымъ сномъ въ ранних сумеркахъ за-

Кончезерская домна.

имальшагося утра. Даже пѣтухи не пѣли, и только въ черномъ отверстіи двери завода сверкалъ огонь, и были видны какія-то бѣлыя фигуры. Мы пошли туда черезъ площадь мимо разбросанныхъ всюду большихъ каменныхъ глыбъ, заготовленныхъ точно для постройки.

Дѣйствительно, на заводѣ копошились люди.

Это была чугуно-плавильная домна, устроенная по старому образцу. Взобравшись на край долины, мы пошли по широкому деревянному помосту въ верхнія ворота. Домна представляетъ громадный каменный колодезь, внутри кирпичнаго зданія, съужи-вающійся книзу. Въ верхнее отверстіе ея безпрерывно валятъ попеременные пласты угля и руды въ смѣси съ нѣкоторыми породами, облегчающими выплавку чугуна, а внизу въ съуженный конецъ ея вставлены трубы, черезъ которыя громадные мѣхи вду-ваютъ непрерывную струю воздуха въ такомъ количествѣ, чтобы уголь горѣлъ, отнимая у руды кислородъ и обращая ее въ жид-кій расплавленный чугунъ. Чугунъ стекаетъ въ самый низъ домны, а надъ нимъ собирается слой шлака, расплавленной жидкой породы, представляющій остатокъ отъ производства. У дна домны, сдѣланы двѣ дверцы съ подъемными затворами. Черезъ одну спускаютъ ненужный шлакъ, который застываетъ въ полупрозрач-ное зеленовато-бурое стекло, а черезъ другую выпускаютъ жид-кій чугунъ, который течетъ по устроенной для него песчаной дорожкѣ въ выдавленныя въ пескѣ формы, гдѣ и застываетъ въ видѣ полукруглыхъ въ обхватѣ болванокъ, длиною въ аршинъ съ лишнимъ.

Наверху въ башнѣ при тускломъ свѣтѣ, пробиравшемся вмѣстѣ съ утреннимъ вѣтеркомъ въ отверстія узкихъ оконъ вродѣ бойницъ, копошились рабочіе. Они отвѣшивали на большихъ вѣсахъ порціи руды, примѣшиваемой породы или шлака и угля и валили ихъ въ круглое отверстіе домны, открывавшееся между четырьмя толстыми колоннами. Домна была доверху наполнена смѣсью, и сквозь черно-сѣрую груду угля и бурой руды безчи-сленными струйками выползалъ и вился вверхъ сизый дымокъ. Гдѣ то внизу гудѣлъ вдуваемый въ домну воздухъ, и было чадно, и пахло дымомъ.

Отсюда мы спустились внизъ по темной лѣстницѣ и попали въ нижній коридоръ, обвивавшій домну вокругъ. Тутъ вдоль стѣны тянулась громадная труба, уходившая заостреннымъ кон-цомъ въ отверстіе стѣны домны. Черезъ нее съ шумомъ струится воздухъ.

— И куда это дуетъ, не могу понять!— говорилъ какой-то человѣкъ въ форменной фуражкѣ неизвѣстнаго, вѣрнѣе неумѣст-наго вѣдомства, совершенно несоотвѣтствовавшемъ его мужико-му платью и прическѣ.

— Должно быть въ Ажерику! — добавилъ онъ намѣренно

громко, повидимому желая показать намъ своей «Америкой», что и онъ не чуждъ нѣкотораго просвѣщенія.

— Эй, Вшивиковъ, куда это дуетъ? Не въ Америку ли? Я говорю въ Америку!

Очевидно не весь вдуваемый трубой воздухъ попадалъ въ домну, а уходилъ еще куда то въ сторону, въ «Америку», какъ думалъ человѣкъ въ форменной фуражкѣ неизвѣстнаго вѣдомства.

Изъ этого коридора мы попали въ отдѣленіе, гдѣ двигались колеса, раздувавшія мѣхи. Ихъ приводила въ движеніе вода, лившаяся изъ Пертозера въ Кончe-озеро, ворочая колеса на подобіе тѣхъ, какія бываютъ у водяной мельницы. Отсюда мы выбрались на вольный воздухъ и, обогнувъ домну, направились къ большимъ воротамъ, открывавшимся въ темную закопченную залу

Рабочій кончезерскаго завода Павелъ Вшивиковъ.

или сарай. Этотъ каменный сарай былъ пристроенъ къ домнѣ, на полу его была насыпана [illegible] формы для литья чугуна. Здѣсь за высокимъ худымъ рабочимъ занимались своимъ дѣломъ: готовили формы и отгребали [illegible] и шлакъ. Одни давали мѣсить, когда надо [illegible] и отгребали шлакъ. Они были одѣты въ сѣрыя [illegible] короткіе штаны, на головахъ [illegible] были [illegible] обычные [illegible] и [illegible] обувь [illegible] [illegible] [illegible]

Домна пыхтѣла и гудѣла, наполняя жаромъ черныя, закопченныя стѣны, а въ раскрытыя широкія ворота его лились утренній свѣтъ и прохлада. Рабочіе, похожіе въ своихъ костюмахъ на какихъ-то средневѣковыхъ мастеровыхъ, медленно двигались въ полумракѣ, изрѣдка выходя за ворота, гдѣ присаживались на скамеечку. Очевидно, имъ нечего было торопиться. Мы разговорились. Вскорѣ къ намъ присоединился просвѣщенный въ отношеніи Америки человѣкъ въ чиновничьей фуражкѣ, который съ самаго начала далъ намъ понять, что онъ не просто мужикъ, а «отчасти привилигированнаго сословія», изъ духовныхъ, но дескать, превратности злой судьбы и несправедливость людей за-

Рабочіе Кончезерской дом. Въ середин[illegible]

гнали его въ это глухое и необразованное мѣсто. Хозяинъ высокій рабочій на длинныхъ ногахъ, на которыхъ онъ ходилъ, слегка согнувъ ихъ въ колѣняхъ, съ бородкой и нѣкоторымъ, придающимъ его художническому типу сходство со [illegible] Донъ-Кихота, и другой, высокій, но моложе, [illegible] себѣ корнжъ[illegible] бритую [illegible] по самыя брови, оказались [illegible] и преобразованными старожилами [illegible] рабочими на [illegible] трубочки, они, [illegible] [illegible] о заработкѣ, о рабочихъ, о [illegible] [illegible] [illegible] привилигированнаго [illegible] [illegible] [illegible]

пол, привыкли колотиться болѣзненно громадно съ удовольствіемъ забѣгались въ промежутки отдыха на своемъ живописномъ Кончезеро, въ скромной хибарѣ котораго, гдѣ нибудь на краю села, протекала ихъ мирная исполненная труда жизнь. Казалось, полнѣйшая гармонія мирила ихъ съ бѣдностью и убожествомъ жизни, и никакія страсти и желанія нарушить ее возмутили ихъ души чистыя и несбыточныхъ желаній. Нѣтъ ни-

Русскіе изъ окрестностей Кончезера (финскій типъ).

то они свою сторону съ добродушной улыбкой, въ которой сквозила скорѣе привязанность къ ней.

— Богъ создалъ небо и землю, а чортъ Олонецкую губернію,— торжественно изрекъ «Іонъ Кихотъ», выколачивая трубку о край скамьи.

— Наше мѣсто такое,— добавилъ другой,— что сиди, или хошь, никуда не прискачешь!

— Сѣрость, необразованность, вслѣдствіе чего отчасти привилегированныя. Вѣрите ли, сколько я бился съ здѣшнимъ народомъ, то есть—никакого толку!

Мы не вѣрили, но молчали, не желая спорить объ этомъ съ садачника.

— Пробовалъ я фрухты развести...

— Что же, удачно?—спрашиваемъ мы.

— Да-а, вырасто,— говоритъ онъ неуверенно, а мы переглядываемъ на рабочихъ, въ глазахъ которыхъ играетъ и бьется благодушная насмѣшка надъ этими «фрухтами».

— Не полѣзешь ничего съ эфтимъ народомъ, не вобьешь ѣ ёлашку, мракъ невѣжества, тоись ничего не понимаютъ!— жаловалась «фуралька», меланхолически глядя въ пространство.

Я остался у домны сымать заводъ и рабочихъ, а Иванъ Григорьичъ сдѣлать попытку купить въ лавочкѣ сахару и хлѣба. Скоро фигура его въ темномъ зипунѣ исчезла въ ближнемъ переулкѣ, а о дальнѣйшихъ эволюціяхъ его можно было легко догадаться по заливистому лаю, которымъ его встрѣчали и провожали гдѣ-то тамъ дворовые псы, да по гулкому стуку, покатившемуся по мирно дремавшему Кончезеру. Это Иванъ Григорьичъ колотилъ въ двери лавочки. Долго раздавался этотъ стукъ, потомъ смолкъ, и вскорѣ на площади появился мой спутникъ, съ торжествомъ отмахиваясь отъ собакъ связкой баранокъ.

Смерть не хотѣлось, а надо было идти дальше. На память о посѣщеніи домны я взялъ образчикъ руды, кусокъ стекловатаго шлака, а «Донъ Кихотъ» отбилъ мнѣ молотомъ кусочекъ кончезерскаго чугуна. О шлакъ я едва не порѣзалъ руки. Застывшія, извилистыя струи его, точно узловатыя змѣи, лежали на пескѣ сарая. Застываетъ шлакъ, конечно, съ поверхности, а потомъ внутри; при этомъ внутренняя часть, стянутая наружной коркой, получаетъ, какъ въ извѣстныхъ «батавскихъ слезкахъ», такое строеніе, что шлакъ отъ перваго прикосновенія трескается на части и мелкіе осколки, иногда разлетается чуть не въ пыль, издавая при этомъ металлическій звонъ. Я неосторожно тронулъ такой шлакъ, и онъ, точно маленькій драконъ, метнулъ мнѣ въ руку мелкіе осколочки, которые, на подобіе занозъ, застряли въ кожѣ.

«Привилигированный», не желая такъ скоро разстаться съ людьми, могущими оцѣнить его «образованность», любезно проводилъ насъ до околицы села.

Нашъ путь лежалъ по новому направленію, потому что намъ вовсе не хотѣлось возвращаться въ Петрозаводскъ по старой дорогѣ, а любопытно было свернуть въ сторону, въ олонецкую тайгу, и посѣтить глухія карельскія деревни.

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

# Въ гостяхъ у карелъ.

Мы шли по длинной сельгѣ [1]) уже два часа, но признаковъ деревни все еще не было замѣтно. Тропинка, густо усыпанная валунами, яшмевидныя поверхности которыхъ округлились всюду изъ-подъ земли, точно то была давно испорченная мостовая, вилась вверхъ, внизъ, вправо, влѣво, обходя вѣковыя деревья и огибая глыбы камня. Кудряво-зеленыя березы, съ розовыми въ лучахъ взошедшаго солнца стволами, сбѣгали по скатамъ сельги внизъ и позволяли видѣть окрестность по обѣ стороны. Тамъ, въ плоскихъ низинахъ, одиноко-красиво раскрывать свои нѣдра корявый болотный лѣсъ, съ кустами можжевельника, съ кочками, густо покрытыми вереском и черникой. Налѣво, среди такой же дичи развертывалась темная поверхность озерка, по которому молчаливо плавала одинокая утка. Хотя взошедшее солнце влило въ насъ новую бодрость, тѣмъ не менѣе мы жаждали пристанища, потому что шли всю ночь и прошли 30 верстъ. Тяжелый грузъ оттянулъ плечи, подъ суконной одежой, надѣтой сверхъ рубахъ для защиты отъ комаровъ, было жарко, и мы не смѣли снять съ затылковъ платки и сдернуть вуали, предпочитая лучше мокнуть въ собственномъ поту, чѣмъ страдать отъ тысячей укусовъ. Безсонная долгая ночь, видно, истомила и комаровъ; они вяло летѣли за нами, пѣли грустно-заунывно, и многіе, оставивъ преслѣдованіе, отлетали въ чашу, мерцая свѣтящейся точкой въ косомъ солнечномъ лучѣ. Молча брели мы, спотыкаясь о камни, и механически давили комаровъ, осторожно садившихся на потное лицо и руки. Такъ прошелъ еще часъ, въ теченіе котораго наше нетерпѣніе росло, превращаясь въ раздраженіе и злобу.

Наконецъ показались признаки жилья: огороженныя каменными завалами поля, изгороди, клади дровъ, но мы уже по опыту знали, какъ широко раскидывалась карельская деревня, и не расчитывали добраться до нея ранѣе, какъ черезъ полчаса или

[1]) Сельга—финское названіе для длинныхъ насыпей ледниковаго щебня, оставленныхъ на сѣверѣ бывшимъ здѣсь нѣкогда громаднымъ ледникомъ.

часъ. Наконецъ лѣсъ раздался, сельга стала ниже, дорога сбѣжала съ нея и свернула влѣво, а вдали у озера надъ зеленью деревьевъ и кустовъ показались крыши и дымъ изъ трубъ. Вотъ наконецъ и сельбище карельское—Хомсельга. При узкомъ заливѣ озера, куда тихо сочился ручей, стояло всего три двора. Мы прошли мимо большой заѣзжей избы съ вышкой. Изъ покосившихся воротъ ея мальчикъ выгонялъ хворостиной лѣниво переступавшихъ ногами лошадей. Громадная ветхая изба съ рамами отъ старости, частью побитыми стеклами, со ставнями носившими еще слѣды бѣлой краски и какихъ-то узоровъ вродѣ букетовъ, а теперь безпомощно повисшими на бокъ, носила столь

Изба Сафона Игнатьева въ Хомсельгѣ.

явные слѣды упадка и запустѣнія, что мы не рѣшились остановиться здѣсь и, перебравшись черезъ мостикъ, приблизились къ слѣдующей болѣе хозяйственной постройкѣ. Толкнувъ дверь крыльца, мы поднялись по слабо освѣщенной верхнимъ окномъ лѣстницѣ, отворили дверь въ горницу и вошли въ нее, точно пришли къ себѣ домой. Мы уже привыкли къ патріархальному гостепріимству крестьянъ, но въ горницѣ Сафона никогда не видали ничего подобнаго. Столъ былъ накрытъ скатертью, а самое большое впечатлѣніе производилъ интересъ, настолько сильный, что хозяинъ сидѣлъ, совершенно обратившись къ свѣту лицомъ. Такъ было и здѣсь. Весь черный, какъ жукъ, сидѣлъ онъ на какую-то сѣть, быстро мелькая иглой. Въ углу стояла большая карельская рама, другая рама съ сѣтью висѣла на стѣнѣ, а на столѣ, оправленная въ деревянную

чисто выскобленныя доски скамей и стола, играли на красныхъ рубахахъ и яркихъ платкахъ.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Откудова?

— Съ Кончезера. самоварчикъ намъ. за поѣсть чего нѣтъ-ли.

— Пожалуите сюда, въ чистую горницу,—засуетилась какая-то старушка съ обвѣшаннымъ рядномъ, на которомъ длинный носъ составлялъ смѣшной контрастъ съ полуоткрытымъ ртомъ.

Мы шагнули въ комнату рядомъ, оклеенную обоями и перегороженную темнокрасной ситцевой занавѣской. Межъ двухъ окошекъ стоялъ столъ, который старушка принялась спѣшно прибирать; надъ нимъ, по растрескавшимся обоямъ лѣпились цвѣтныя картинки какихъ-то обителей въ перемежку съ разноцвѣтными обертками съ чайныхъ фунтиковъ, среди которыхъ рѣшительно преобладалъ Цзинь-Цунь. Въ углу раскольничья икона, вѣрнѣе, что-то темное, обтушеванное, въ золотой аляповатой рѣзьбѣ кіота, густо усѣяннаго точками отъ мухъ; напротивъ стеклянный шкапъ съ посудой и старинные ящики съ навѣшеннымъ на нихъ платьемъ. Острый, спертый запахъ, напоминавшій какія-то снасти химической лаборатории, казалось, пропитывалъ всю горницу и дѣлалъ пребываніе въ ней почти невыносимымъ.

Медленно поснимали мы съ себя одежду и поклажу,—мѣшокъ, ружье, фотографическій аппаратъ, и присѣли на стулья, пропуская мимо ухъ рѣчи суетившейся старушки. Вскорѣ на помогу ей появилось новое лицо—женщина лѣтъ 40, въ шерстяномъ городскомъ платьѣ, съ лицомъ, часто усыпаннымъ веснушками, рыжей шевелюрой, гармонируя съ цвѣтомъ волосъ и красной шеи, придавала ея лицу какое-то раздраженное, вспыльчивое выраженіе.

— Чай нашъ будете пить, али свой есть?

— Чай есть, и сахаръ есть.

— Да чего спрашиваешь, завари нашего, покупайте нашего, изъ Пинтембурха привезен, хорошій, рупь шестгривень фунтъ.

— Ну вашего, такъ вашего, намъ все единственно.

Раскрывъ мѣшокъ, мои спутникъ вынулъ мыло и полотенце. Съ трудомъ переступая сбитыми ногами, мы спустились на улицу и долго мылись у рукомойника, прохлаждая горѣвшую кожу и искусанныя комарами руки студеной водой, а когда вернулись наверхъ и сняли содрали со сбитыхъ ногъ сапоги, на покрытомъ грубой скатертью столѣ бурлилъ кипѣлъ самоваръ, обдавая клубами пара

...ыточно-уборныя комнаты. И стояли тарелки со снѣдью: только-что сваренная рыба и каша—ржаныя ватрушки съ капустой.

Начался пиршество. Въ ожиданіе его, когда мы уже успѣли удовлетворить сверлящее любопытство женщинъ относительно насъ, въ горницѣ появился и самъ хозяинъ—невысокій пожилой карель на жидкихъ ногахъ, оказавшійся хозяиномъ и супругомъ женщинъ въ веснушкахъ. Онъ поднялся такъ поздно, потому что провелъ ночь на рыбной ловлѣ, и теперь пилъ чай, перекидываясь съ домочадцами короткими фразами на карельскомъ нарѣчіи. Тощая фигура его съ жидкой бородкой, съ прямыми падавшими вокругъ лба волосами и маленькими, сверкавшими по звѣриному глазками, проявляла въ себѣ что то придавленное—не то онъ былъ боленъ, и его лихорадило, не то надъ нимъ висѣло какое-то горе или сосала тоска нерѣшимости. Замѣтно было, что бабы ухаживали за нимъ, точно это былъ безнадежно больной, требовавшій особаго вниманія.

Утомленье, слишкомъ яркій свѣтъ солнца, бившій въ безсонные глаза, тухлый вкусъ рыбы, странно сочетавшійся съ несмываемымъ специфическимъ запахомъ этой рабочей пищи, болтливая старуха, раздраженная баба въ веснушкахъ и этотъ привѣтливый мохнатый карель — все сливалось въ одно тяжелое настроеніе. Разговоръ былъ вялъ: хозяинъ молчалъ, старая баба привычно болтала про какія-то домашнія дѣла, а женщина въ веснушкахъ, сидя поодаль, нетерпеливо раскачивала ногами, отдуваясь, видно съ отвращеніемъ глотала чай и ея раздраженіе лишь усиливало раздраженіе, которымъ, казалось, полно было все ея существо.

— Такое дѣло, такое дѣло, что никому не сказано, и умолчать бога боялась, сколько ночей не спала, и теперь мучаюсь... бормотала старуха.

Прыщавая женщина, до которой, видимо, не дошли эти разсужденія. Вдругъ послѣдняя вдохновенно прервала старуху ловко подхватывала женщина въ веснушкахъ.

Хозяинъ вздыхалъ, потупивъ очи.

— Корову отдали, адвоката нанимали...

— Продали корову?— [illegible]

— Кабы [illegible] Максимовъ не [illegible] этого дѣла былъ—не [illegible] старуха. [illegible] ...

ныя смч брать родной былъ, какъ изъ Питембурха пріѣзжалъ такъ завсегда...

Нѣтъ правды на свѣтѣ, правыхъ-то порѣшили, а которые виноваты... люди видѣли, всего въ крови вымашили, какъ барана рѣзанаго...

— А Миколаевъ пишетъ отъ багра, когда ташили... шепчетъ старуха.

— Дѣвошкинъ безъ памяти бѣгалъ, ключи съ пояса сняль, люди видѣли. Зачѣмъ ключи занадобились? урожающе задаетъ мнѣ вопросъ женщина въ веснушкахъ.

Дѣйствительно, что когда тащили,—немощно поясняетъ хозяинъ,—то багромъ не могли зацѣпить, потому на немъ кровь была, отъ багра на мертвомъ крови не буде. А что дѣйствительно дохтуръ Миколаевъ показалъ неправильно, и свидѣтели, которые показывали на слѣдствіи, то ихъ на судѣ другорядъ не спрашивали.

— На два мѣсяца въ тюрьму! Правыхъ-то порѣшили...—гудитъ опять женщина въ веснушкахъ.

Эти-то страстныя, но убито-придавленныя рѣчи о какомъ-то убійствѣ, о слѣдствіи, о тюрьмѣ ясно показывали, что въ этомъ домѣ неблагополучно.

— Кого это въ тюрьму?—спрашиваю я.

— Вотъ!—мотнула хозяйка головой на мужа.

А тотъ сидѣлъ словно тяжкій больной, увѣренный въ приближеніи смерти, которую онъ самъ уже не можетъ отстранить собственной силой, и съ безучастнымъ видомъ, но жадно вбиралъ въ себя этотъ ропотъ негодованія, эти рѣчи сочувствія домочадцевъ, такъ искренне и горячо принимавшихъ къ сердцу его бѣду.

— А нуте-ка разскажите, что у васъ тутъ вышло!

И Сафонъ Игнатьевъ, какъ звали нашего хозяина, принялся разсказывать скорбную повѣсть о происшествіи, которое упало на него всею тяжестью своего послѣдствія, пришибло и придавило такъ, что жизнь стала тяжка ему на свѣтѣ. Онъ разсказывалъ, какъ обыкновенно разсказываютъ крестьяне, т. е. какъ-бы предполагая, что детали и дѣйствующія лица также хорошо извѣстны слушателямъ, какъ ему и сосѣдямъ, почему намъ приходилось ежеминутно останавливать его и требовать разъясненій. Иванъ Григорьичъ, самъ крестьянинъ, лучше схватывалъ суть дѣла и служилъ мнѣ толмачемъ. Экспансивная старуха ежеминутно перебивала печально-эпическій разсказъ Сафона разно-

образными вставками, украшая ихъ необыкновенно энергичными жестами, точно она билась на кулачкахъ съ невидимыми духами, носившимися вокругъ нея въ воздухѣ. Хозяйка, наоборотъ, замолкла, и ея искрящіяся зеленые глаза впились въ насъ, жадно изслѣживая на нашихъ лицахъ признаки сочувствія.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Три года тому назадъ зимою въ проруби на озерѣ нашли трупъ стараго крестьянина деревни Хомсельги, Максимова. Мужики, нашедшіе и вытащившіе его баграми, въ одинъ голосъ утверждали, что Максимовъ былъ убитъ, такъ какъ на головѣ и шеѣ его зіяли раны нанесенныя, очевидно, топоромъ. Максимовъ принадлежалъ къ числу богатыхъ крестьянъ, такъ какъ ему помогалъ родной братъ, жившій въ Петербургѣ, гдѣ у него было обширное кожевенное дѣло. Этотъ братъ изрѣдка наѣзжалъ въ родную деревню, привозилъ подарки родинѣ, т. е. чуть ли не всей деревнѣ, и тогда въ Хомсельгѣ шелъ пиръ горой. Нашъ Сафонъ также приходился ему родни, добродушная старуха была сестра Максимова, а ея дочь,—женщина въ веснушкахъ, жена Сафона. Убитый или утонувшій жилъ не одинъ — онъ принялъ въ домъ зятя, по имени Дѣвошкина, съ которымъ жилъ, однако плохо. Между старикомъ отцомъ, съ одной стороны, и Дѣвошкинымъ и его женой, съ другой, начались нелады, доходившіе до ожесточенныхъ дракъ, причиной чего было то, что старикъ не выпускалъ изъ рукъ денегъ, а съ ними и власти въ домѣ. Когда его нашли въ проруби со знаками насильственной смерти, то подозрѣніе въ убійствѣ естественно пало на Дѣвошкина, поведеніе котораго при трупѣ, казалось, подтверждало его. Между прочимъ Дѣвошкинъ самовольно снятъ съ трупа ключъ отъ ящика, который Максимовъ носилъ всегда при себѣ на тесемкѣ. По разсказамъ крестьянъ, трупъ Максимова стоялъ въ проруби, припертый теченіемъ къ колу, къ которому привязывались сѣти, такъ что можно было думать, не спустилъ-ли убійца трупъ своей жертвы въ прорубь въ надеждѣ, что теченіе унесетъ и затянетъ его подъ ледъ; но незамѣченный имъ колъ разрушилъ этотъ расчетъ. Началось, разумѣется, слѣдствіе. Первымъ дѣломъ, на мѣсто происшествія прибыли власти, врачъ Миколаевъ, еще другой врачъ, фельдшеръ и другія лица. По разсказу Сафона и другихъ крестьянъ, Дѣвошкинъ передъ пріѣздомъ власти выставилъ на мосту при въѣздѣ въ деревню караульнаго, своего человѣка, который направилъ пріѣхавшихъ прямо къ Дѣвошкину, гдѣ имъ былъ

приготовлен обильный обѣдъ съ виномъ и разными закусками, послѣ котораго врачъ Миколаевъ произвелъ осмотръ трупа и составилъ протоколъ въ томъ смыслѣ, что замѣченныя на трупѣ синяки насилія посмертнаго происхожденія и нанесены, очевидно, баграми при неосторожномъ вытаскиваніи трупа изъ воды. Второе присутствованіе здѣсь врачъ подписалъ протоколъ, но почему-то оговорилъ, что подписываетъ его не въ качествѣ врача, участвовавшаго въ осмотрѣ, а въ роли постороннягo свидѣтеля. При отъѣздѣ Двошкинъ, по разсказу крестьянъ, вынесъ врачу Миколаеву шубу покойнаго Максимова, въ которой тотъ и укатилъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ деревнѣ укрѣпилось мнѣніе, что кромѣ шубы Миколаевъ будто-бы получилъ сто рублей денегъ. Этимъ дѣло и закончилось: трупъ похоронили, денегъ послѣ Максимова не оказалось, а прочее его имущество перешло къ Двошкинымъ. Извѣстіе объ участи брата такъ подѣйствовало на петербургскаго Максимова, что тотъ болѣе не пріѣзжалъ въ деревню, опасаясь **что и его тамъ убьютъ.**

Однако обстоятельства, сопровождавшія это происшествіе, все сильнѣе и сильнѣе укоренялись въ крестьянахъ Хомсельги мысль, что смерть Максимова не несчастный случай, а преступленіе. У Максимова, помимо Двошкиныхъ, остались родственники, чуть не вся деревня; къ нимъ-то денно и нощно вопіяла объ отмщеніи кровь погибшаго родича; да и вообще крестьянамъ, вѣрно, жутко было жить въ одномъ селеніи съ предполагаемымъ убійцей. Эти ли обстоятельства или какіе-либо личные счеты между крестьянами только прошло немного времени, какъ на Миколаева былъ поданъ доносъ, въ которомъ онъ обвинялся въ составленіи завѣдомо ложнаго протокола вскрытія и въ принятіи подарковъ деньгами и вещами отъ Двошкина. Разумѣется, неопытный искатель правды выполнилъ свое намѣреніе такъ наивно, что ничего не стоило сыскать по почерку крестьянина, писавшаго доносъ. Любопытно, однако, что самый доносъ пролежалъ у начальства подъ сукномъ около двухъ лѣтъ, не вызывая никакого разслѣдованія, и крестьяне объясняли такую медлительность въ преслѣдованіи клеветниковъ докторомъ Миколаевымъ тѣмъ, что былъ живъ богатый петербургскій братъ Максимова, который не остановился бы передъ расходами по приглашенію опытнаго адвоката, если не для защиты своихъ попавшихъ въ бѣду родичей, то просто чтобы вывести на свѣтъ Божій загадочную смерть своего брата. Подобное объясненіе крестьяне подкрѣпляли ссылкой на тотъ фактъ, что

дѣлу о доносѣ и клеветѣ на доктора Миколаева былъ данъ немедленный ходъ, какъ только распространилось извѣстіе о смерти петербургскаго Максимова. Вотъ тутъ то и начались злоключенія Сафона Игнатьева. Авторъ доноса сознался въ написаніи его, но при этомъ указалъ на Сафона, какъ на вдохновителя: доносъ будто бы былъ написанъ подъ диктовку Сафона. Среди мужиковъ немедленно сложилась легенда, будто-бы доносчика склонили затѣять такимъ оговоромъ Сафона Игнатьева съ тою цѣлью, чтобы нанести ударъ главному родичу погибшаго Максимова и тѣмъ заблаговременно затушить возможность поднятія дѣла въ самомъ корнѣ, потому что толки объ убійствѣ Максимова и о недобросовѣстномъ поведеніи во всемъ этомъ дѣлѣ доктора Миколаева не прекращались. Дѣло объ оклеветаніи доктора Миколаева двумя крестьянами деревни Хомсельги, слушалось въ П—скомъ окружномъ судѣ.

Въ добавленіе къ своему разсказу Сафонъ извлекъ откуда-то большую захватанную тетрадь — копію съ приговора. Познакомившись съ содержаніемъ ея, мы живо представили себѣ всю картину этой судебной борьбы. Передъ судомъ два жалкихъ карела раскольника. Безтрепетно выходятъ эти корявые мужички одинъ на одинъ на медвѣдя въ темномъ олонецкомъ лѣсѣ, но съ какимъ трудомъ различаютъ и понимаютъ они что нибудь въ томъ еще болѣе темномъ и мрачномъ лѣсу, которымъ насадили кругомъ нихъ «культурные» люди. Страшно зайти въ этотъ лѣсъ бѣдному, непросвѣщенному человѣку: тамъ ждетъ его коварный, изощренный въ непонятныхъ имъ хитростяхъ врагъ и равнодушные люди, очи которыхъ давно присмотрѣлись къ картинамъ всякихъ мерзостей, а сердца окоченѣли и стали недоступны живымъ ощущеніямъ правды. Но за деньги находятся руководители и здѣсь. Продалъ Сафонъ Игнатьевъ корову и заплатилъ 15 рублей адвокату. Но чему же противупоставлены эти жалкія деньги, начало крестьянскаго разоренія? Доктору Миколаеву, лицу, замѣтному въ губерніи, родственнику прежде-дателя суда и доброму пріятелю всего губернскаго Олимпа. Но на губернскомъ Олимпѣ, какъ извѣстно, царятъ такія-же фамильярные нравы, какіе описываетъ миѳологія, когда касается обители безсмертныхъ боговъ—Зевса съ его Ганимедомъ, Афродиты, Ареса, ревнивой Геры... Каждый нуждается въ другихъ, а тѣ нуждаются въ немъ, и эта взаимная надобность ихъ скрѣпляется

живинами, крестиками, картами и пивниками и прочимъ разнообразіемъ скучныхъ захолустныхъ досуговъ.

Наль Ваичь, зайдите посмотрѣть, у меня Маничка что-то того, кашляетъ, кстати въ картишки перекинемся, будетъ Лука Лукичъ, Антонъ Антонычъ.

— Лука Лукичъ? Очень кстати, мнѣ его повидать надо, онъ, кажется, взялся защищать этихъ мерзавцевъ...

— Ну вотъ и отлично, за картами переговорите.

— Знаете, непріятно всетаки съ этимъ дѣломъ... шумъ, толки...

— Ну, конечно, не мѣшаетъ проучить, а то житья не станетъ отъ жалобъ и доносовъ.

— Вотъ я имъ покажу, гдѣ раки зимуютъ!

— Слѣдуетъ, слѣдуетъ. Такъ я жду. До пріятнаго свиданья!

А Лукѣ Лукичу какой-же резонъ ссориться съ Павломъ Ивановичемъ изъ-за какихъ то карелъ? И вотъ преходящій эпизодъ, какими напихана дѣятельность провинціальныхъ людей 20-го числа, мелькаетъ въ числѣ прочихъ въ вилѣ нѣсколькихъ часовъ судебнаго разбирательства и исчезаетъ безслѣдно для всѣхъ участниковъ, кромѣ злополучнаго карела, который присужденъ къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы, потому что, хотя изъ свидѣтельскихъ показаній и выяснилось, что Сафонъ Игнатьевъ не подучалъ Минина и не диктовалъ ему доноса, но «по мнѣнію суда» (выраженіе обвинительнаго акта), всетаки онъ сдѣлалъ это.

Такъ ты диктовалъ Минину?—спрашиваю я Сафона.

— Не, я не диктовалъ и этому дѣлу вовсе не касался, меня о ту пору въ деревнѣ не было.

Отчего-жъ тебя обвиняютъ въ соучастіи?

— Мининъ по злобѣ на меня оговоръ сдѣлалъ, а я къ нему не касался, мы тоже знаемъ, за такое дѣло не похвалятъ. Ежели бы я хотѣлъ, то написать-бы самъ и руку далъ, и другіе сродственники руки дали-бы, да вишь ты, тебѣ же тягается докторъ Миколаевъ сродственникъ предсѣдателю.

— Ну, Мининъ-то чего вмѣшался? Вѣдь онъ не родственникъ Максимову?

Родственникъ тоже. У него дѣло было съ Миколаевымъ, вотъ онъ Минину-то и хотѣлъ ему напакостить.

— Ничего не понимаю! Но по всякомъ случаѣ, то что написано въ доносѣ—правда по твоему?

— Такъ точно, истинная правда. Я говорю на судѣ — господинъ судія, обратился вниманіе на тое обстоятельство, допросите

сивѣтскій, тебѣ извѣстно, первое дѣло голова разрублена—чиновъ бездна, на конецъ былъ, мертвыхъ, раненыхъ сколько видѣли. Второе тѣло господина Миколаева у Дьюпикина стоитъ, вино пилъ и подарокъ принялъ. А онъ мнѣ, предсѣдатель, рукой этакъ махнулъ, значитъ, замолчи, а дѣвкамъ тоже слабо говорилъ, объ этомъ ничему не касался.

Правыхъ-то засѣкли, а которые виноватые...—гудитъ хозяинъ.

— Ты два дѣла путаешь. Одно дѣло о ложномъ доносѣ, а другое дѣло о неправильномъ производствѣ слѣдствія и недобросовѣстности доктора Миколаева. Тебя за донось судили, а того не касались, то особое дѣло.

Сафонъ начиналъ понимать.

— Тебѣ бы, или лучше Минину, надо было признать на судѣ, что де онъ за донось свой стоитъ, и что вы желаете показать правду его, а вмѣсто того Мининъ повинился и прощенія просилъ. Вотъ васъ и заклали. Посидишь теперь. Ну да ничего, два мѣсяца немного времени, не горюй. А позору на тебѣ не будетъ, всѣ вѣдь знаютъ обстоятельства.

Но Сафонъ думалъ, а главное чувствовалъ иначе. Какъ, онъ, честный крестьянинъ, безпорочно отбывшій военную службу, подъ турецкими ядрами и пулями переправлявшій въ качествѣ матроса наши войска черезъ Дунай, и вдругъ въ тюрьму по ложному оговору!

— Сидѣть ничего, не трудно. А какъ я теперь людямъ въ глаза смотрѣть стану. Тѣ, скажутъ, въ тюрьмѣ сидѣлъ!

И Сафонъ глянулъ на меня такимъ взоромъ, что мнѣ стало стыдно за мое легкомысленное отношеніе къ вопросу о тюрьмѣ. При видѣ грубой жизни крестьянъ, мы, чистые господа, склонны порою думать, что и въ душѣ у нихъ такъ же все грубо, что честь и доброе имя не такъ дороги, оскорбленія и позорныя наказанія не столь тяжестными, какъ нашему джентльмену въ крахмальной рубашкѣ. Можетъ быть тамъ, гдѣ зауныя, розги и хлопчатыя талашки стали самымъ обыкновеннымъ явленіемъ деревенской жизни, лучшія человѣческія чувства спятиомилліоннаго крестьянина (хотя факты заставляютъ сомнѣваться въ этомъ), но здѣсь, въ лѣсной глуши, не знали помѣщиковъ, власти всегда были далеко, не подъ окномъ, а люди знали, что недаромъ говорится въ пѣснѣ пѣсенъ добрыхъ молодцевъ: и въ пятки и въ спину порядокъ сроковъ, только бы не стукнуло тѣмъ, что сзади и

сѣянныя дуда. Изъ-за чувства собственнаго достоинства сидитъ въ задѣшнемъ мужикѣ куда крѣпче, чѣмъ въ господинѣ ольѣтомъ въ сюртукѣ съ золотыми пуговицами, господинѣ, который трясется при грозномъ окрикѣ начальства и съ непостижимой чуткостью постигаетъ малѣйшія начальническія брови.

— Апелляцію подалъ?

— Авакатъ написалъ, ждемъ, што буде.

— По нашему оправдаютъ. Нельзя засудить безъ уликъ по одному «мнѣнію суда».

— Навѣрно оправдаютъ! подтверждаетъ Иванъ Григорьичъ.

Сафонъ смотритъ на насъ съ робкой надеждой, домашніе расцвѣтаютъ, и сразу становятся ласковѣе, словоохотливѣе и суетливѣе.

— Покушайте чайку, второй самоварчикъ поставимъ!

— Нѣтъ, спасибо, сыты. Курить у васъ нельзя?

— Ничаво, курите, въ окошко курите!

Я распахиваю окно, сажусь возлѣ него, и, держа дымящуюся трубку на отлетѣ за окномъ, всякій разъ высовываюсь, чтобы затянуться и выпустить дымъ на воздухъ. Нельзя—старовѣріе! Замирающій расколъ еще крѣпко цѣпляется за кои какіе старые обычаи. Но держатся ихъ старики, а молодые ужъ отстали. Такъ въ семьѣ Сафона старшіе уклонились отъ фотографированія, а молодежь при одномъ словѣ объ этомъ всполошилась и загодя обрядилась въ обновы.

Но насъ сильно клонило ко сну. Было около 9 ч. утра, когда мы съ Иванъ Григорьичемъ затѣяли на широкую деревянную постель съ холщевымъ пологомъ, стоявшую въ прохладныхъ сѣняхъ. Въ ней передъ тѣмъ спалъ Сафонъ. Приходя въ крестьянскія селенія на зарѣ, мы уже привыкли забираться въ мужицкія постели, которыя какъ разъ опрастывались къ этому времени. Характерно, что карелы спятъ на особыхъ деревянныхъ кроватяхъ, снабженныхъ тюфяками и полушками, тогда какъ здѣшніе русскіе располагаются просто на полу, раскинувъ на немъ овчину либо тюфякъ. На обиліе разнообразныхъ насѣкомыхъ, водящихся въ большомъ числѣ даже въ самыхъ чистыхъ карельскихъ избахъ, мы уже перестали обращать вниманіе. Впрочемъ, чистоту здѣсь очень наблюдаютъ, но прежнему часто вредитъ бѣдность.

Когда мы проснулись, было уже далеко за полдня. Нашего пробужденія, должно быть, ожидали, потому что немедленно появился самоваръ, а къ нему калитки, весьма вкусныя ржаныя

варухи на мѣхѣ съ пыли, и хворость, бастоній желтый хворость, какой изготовляютъ въ Петербургѣ въ мѣсяцѣ бунтари. Это была старшая хозяйка, которая немало время прожила въ Петербургѣ и обучилась тамъ столичному обращенію.

Вся компанія собралась снова въ тотъ же составъ, только настроеніе перемѣнилось. Сафонъ сдѣлался добродушно-разговорчивымъ—разсказывалъ про свое житье, про хозяйство, про медвѣдей, какъ «обходятъ» ихъ, спящихъ гдѣ-нибудь въ дремучемъ лѣсѣ, и затѣмъ «продаютъ» любителямъ охоты, про расколъ и отношеніе къ нему мѣстнаго духовенства, притащилъ даже старую раскольничью книгу. Старушка и хозяйка тоже успокоились и стали сообщительнѣе. Словомъ настроеніе было такое, точно мы — дорогіе гости, давніе пріятели, приходу которыхъ только и ждали. Впослѣдствіи, явившись по своему дѣлу въ Петербургъ, Сафонъ сообщилъ мнѣ, что наши рѣчи и выраженная нами увѣренность въ томъ, что онъ невиненъ, что его непремѣнно оправдаютъ, повліяли на него такъ, точно его спрыснули живой водой. Уничтоженный мыслью объ ожидающемъ его позорномъ наказаніи, онъ совершенно палъ духомъ, опустилъ руки и жилъ въ болѣзненно приглушенномъ состояніи, не имѣя силъ заглушить въ себѣ сосущее чувство тревоги.

Настроеніе большака разнилось на всѣхъ окружающихъ. Въ домѣ преобладали бабы, изъ молодыхъ были только перемѣнныя жены, которыхъ Сафонъ взялъ къ себѣ въ домъ; а бабы, извѣстно, сердобольны и жалостливы. Жалѣя хозяина, онѣ и сами упали духомъ, да и его растравляли своимъ безпомощнымъ причитываніемъ. Наше вмѣшательство ограничилось лишь тѣмъ, что выразили непреклонную увѣренность въ отмѣнѣ приговора Окружнымъ Судомъ. Но и этого было достаточно, чтобы пришибленный былой карелъ воспрянулъ духомъ. О какихъ только мы не говорили, въ концѣ концовъ безъ конца возвращались все къ тому же злополучному дѣлу. Оно было пересмотрѣно заново по крайней мѣрѣ разъ пять, перебраны всѣ мелочныя случайности, расчитаны послѣдствія, и результатъ получался всякій разъ въ нашихъ устахъ такой, что Сафонъ и домочадцы его расцвѣтали, да расцвѣтали, пока вдругъ положительно не надоѣло повторять свои увѣренія. Мы сами ли минуты не сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ дѣла, и не опасались: стряхнетъ съ отмѣнилъ приговоръ судебной палаты, и будетъ невиннаго крестьянина отъ позорнаго наказанія, какъ обстоятельство обошлось

тому всего только въ два продажныхъ коровы, въ проѣздѣ и проживаніи въ Петербургѣ и въ должныхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя съ вами дѣлило еще нѣсколько человѣкъ. Только! Я хорошо помню, какою радостью сіяло лицо этого некасистаго, жидкаго барона, когда онъ пришелъ ко мнѣ изъ суда послѣ того, какъ дѣло его приняло благопріятный оборотъ. Карелинъ вообще не сконфузился, а все же чувствовалось, что подъ нимъ земля плясала.

— Какъ вы говорили, такъ и вышло! Въ одно слово! Скажи пожалуй!

Наканунѣ разбирательства дѣла онъ долго сидѣлъ у меня на квартирѣ, пилъ чай изъ своей чашки, которую таскалъ въ карманѣ пиджака, съ бутылочка, которое вывораживалъ откуда-то изъ за пазухи, чуть что не со дна души, и долго слушалъ наставленія, что и какъ говорить на судѣ. Я потратилъ немовѣрное количество краснорѣчія въ тщетныхъ попыткахъ разсѣять внушаемый ему судьями и судебною обстановкою страхъ.

— Ты пойми, вѣдь живота не лишатъ, головы не отсѣкутъ. Какъ выйдешь завтра на судъ, такъ не смотри, что они тамъ сидятъ за краснымъ столомъ въ мундирахъ съ золотыми воротниками, да въ золотыхъ цѣпяхъ на шеѣ. Сними съ нихъ одежу, такіе-же люди окажутся какъ ты. Только говори проще, не путай.

Странно, что аргументъ насчетъ краснаго стола и снятія одежды оказалъ наибольшее дѣйствіе.

Вышелъ я отта, —разсказывалъ Сафонъ, — я какъ увидалъ красный столъ да судей, такъ и вспомнилъ ваши слова. Дѣйствительно, што головы не отрубятъ, и такіе-же люди. И скажи пожалуй, страхъ прошелъ.

И онъ встарялъ, кланялся, благодарилъ, благодарилъ безъ конца. Тутъ-же смастерили телеграмму его хозяинъ,—она, согласно уговору съ мужемъ, должна была пріѣхать въ этотъ день въ Петрозаводскъ и ждать тамъ въ лавкѣ у знакомаго купца извѣстія объ исходѣ дѣла.

Но вернемся въ Хоусеппу. Остатокъ дня мы провели въ бесѣдахъ, преимущественно о расколѣ. Хозяинъ съ хозяйкой, какъ и прочіе дальніе старовѣры, жили конечно не въ избѣ, въ церковь не ходятъ, на исповѣди и у причастія не бываютъ, убѣдительно просятъ отмѣтить по всѣмъ пунктамъ въ соотвѣтственныхъ графахъ: что были по болѣзни, тѣмъ и дѣло кончено. Но старовѣрія здѣсь держится просто по привычкѣ—дѣлать отцы держались,

лекъ и имѣть мѣлить не хотѣлъ, не проявляя никакой ревности о вѣрѣ и нетерпимости къ иновѣріямъ. Единственное, что блюдуть, это не пьютъ вина, не курятъ, да имѣютъ свою посуду. Нынче имъ тутъ полнѣе, и расколъ замираетъ, но не отъ того, что ослабла придирка. Поромъ 1854—55 гг., сопровождавшіяся лихими сменами высочія, отобраніями старихъ иконъ, книгъ, наполнилъ стенаніями весь раскольничій міръ, и память о немъ живетъ еще въ умахъ старцевъ, но толку изъ того вышло мало. Школы, да общія условія жизни — ротъ гдѣ смерть двуперстію, трегубой аллилуѣ, да восьмиконечному кресту. Вынуждаемые необходимостью входить въ болѣе частыя и близкія сношенія съ дѣйствительностью, раскольники привыкаютъ понемногу ко всему и начинаютъ равнодушно относиться къ такимъ вещамъ, какіе нѣкогда вызывали въ нихъ ненависть и отвращеніе, какъ, напримѣръ, табакъ. Ненависть къ этимъ мелочамъ не мѣшала трезвой мысли брать у жизни все разумно-полезное. Было ли, чтобы раскольники отказывались отъ столь необходимаго имъ въ здѣшнемъ краю огнестрѣльнаго оружія? Отказывались-ли они отъ удобствъ самовара, керосина, желѣзной дороги, парохода, почты, телеграфа?

Кромѣ раскола, мы разсуждали о хозяйствѣ. Спутникъ мой, житель черноземной Рязанской губерніи, на каждомъ шагу замѣчалъ зажиточности здѣшнихъ крестьянъ по сравненію съ «центромъ» Россіи. Вмѣсто хатъ по черному, просторныя двухъэтажныя избы съ разными пристроями. На поляхъ не тощая, жилая рожь по колѣно, а густая стѣна ядреной ржи по плечи человѣка.

— Чего вы жалуетесь, говорилъ онъ Сафону,—посмотрѣли бы, какъ у насъ живутъ! Грязь, сырость, бѣдность, невѣжество! Тѣснота такая, что ползаешь некуда. Лѣсу ни зерна, соломой топимъ, заработку не хочешь ни за копѣечекъ въ день. Да кабы намъ сюда ваши лѣса, мы бы ихъ живо искоренили. Въ озерѣ—рыба, въ лѣсу—дичь, земли—наши, сколько хочешь, лѣсу—и тѣни нѣтъ. Нѣтъ, у насъ куда хуже здѣсь, что черноземъ.

Сафонъ слушалъ недовѣрчиво. Непонятно. Зимнія рестораціи ран, вино, имѣетъ свои темныя стороны. Конечно плохо, отвращенія у лѣса, потомъ потомъ мѣшать хлѣбъ, да и лишнихъ ключевъ немного. Урожаи на послѣдокъ хоть и хорошіе, а цѣна на рожь 2 ½ и въ урожайные

ми хозяйство вырастил. Да и свого зверя много скотины держит. А тут сына потерять? Ложится в этот день пораньше. Свежуешь тушу, а сам только темноты ждешь, стрельбой стрелок крестьянских поселений. Хлеба поешь, чаю попьешь, избушку с собакой закроешь, ружьё возьмешь, патронташ наденешь, ягдташ за плечи, и в путь. Ночь темная, звезды яркие, зато тихо. Ни ветерка, ни шороха. Только слышно, как где-то ручей журчит. Вот и место. Тут я и остановился. Ружьё зарядил, сел на пенек и жду. Сижу, сижу, а сон меня одолевает. Ну, думаю, не выдержу, сейчас усну. Встал, ружьё на плечо, и давай ходить. Ходил, ходил, пока не рассвело. Вернулся в избушку, поел, чаю попил, собаку покормил и спать лег. Проснулся, когда солнце уже высоко было. Вышел, осмотрелся, ничего не видно. Ну, думаю, не судьба. Собрался, пошел домой.

— А рассказал, Сафонъ, какъ ты медвѣдей билъ? Много ихъ ухлопалъ на своемъ вѣку?

— Есть такая малость. Этой малости много. Нынче только не слышно. Лѣтомъ, какъ зверь корову, лошадь ѣдомыя взялъ. Такъ, на деревѣ бесѣдка, сучьями прикрыта. Разъ эта залѣзъ онъ корову, сѣли мы съ товарищемъ въ засадѣ. Сидимъ. Товарищъ-то заснулъ, а я смотрю, не видать-ли. Онъ мигъ тоже — почуетъ, ни за что не выйдетъ. А только ходитъ онъ рыломъ въ землю, по верхамъ не смотритъ. Сижу, поджидаю. Только слышу, заревѣлъ. Гляну, а онъ изъ оврага-то и выходитъ. Вышелъ, сталъ, смотритъ, да лѣниво такъ-то пошелъ къ падали. Я ружье взвелъ, курокъ поднялъ, — а онъ и сталъ, смотритъ, услыхалъ, значитъ. Постоялъ, опять пошелъ. А я ему говорю такъ голосомъ своимъ: «Стой! куды идешь!» Поднялъ онъ эта морду, я его и хлопъ! Сразу повалился, въ другорядь не стрѣлялъ.

— А было такъ, чтобы прямо его стрѣлять, не съ лавка.

— Бывало и такъ. Въ позапрошломъ году приходитъ отецъ крестьянинъ, нашей деревни тоже. «Пойдемъ,— говоритъ Сафонъ,— я медвѣдя обошелъ. Въ половинѣ спитъ. Недалеко и тожить». «Что-жъ, говорю, пойдемъ!» На другой день вышли на лыжахъ. Товарищъ сына взялъ, а со мной собака была, Жучка. Подняли его, огромный такой. Испугались мы, да побѣжали. Мальчишка-то на лыжахъ не горазъ бѣгать, отсталъ, а товарищъ и кричитъ мнѣ. Онъ старый былъ, сильно нехорошо. «Вернись, Сафонъ, затерзаетъ звѣрь сына! Застрѣли вѣрно!» Сталъ эта я у сосны, а мѣсто-то голо онъ тутъ. Крикнулъ товарищу, а онъ испугался горазъ, не слышитъ. Вотъ, думаю, пропадать надо. Хватился за сосну лѣвой рукой, а винтовку прямо въ правую сунулъ. Ночалъ онъ меня ломить, ухалъ я на колѣно, за спасибо, за сосну держусь, какъ не держусь, повалилъ бы, самъ ему ружье въ морду ткнулъ и въ себя не попалъ. Ружье заряжено, а стрѣлять не могу. Тутъ Жучка прибѣжала. «Жучка!» кричу.

«Что-ль ни! Выручал хозяина!» Пошла она его сзади кидать, отпустилъ меня, на нее. Тутъ я его и стрѣлилъ.

— Что-жъ товарищъ? Такъ и убѣжалъ?

Убѣжалъ. Потомъ прощенія просилъ. «Прости», говоритъ, напугался горазд». Кабы не елка, дѣть-бы меня звѣрь о ту пору. Скажи, пожалуй, какъ подошло!

На другой день мы уши и въ Хомсельги. Сафонъ съ сыгрой вывелъ насъ на озеро и усадилъ въ лодки. Хозяинъ сѣлъ за весла, и наша лодья поплыла по спокойной глади глухого озера, шурша бортами о рѣдкій камышъ, задѣвая раставленныя всюду снасти. На топкомъ берегу, гдѣ начиналась едва замѣтная тропинка, вившаяся въ глубь дремучей оленецкой тайги, добродушные карелы высадили насъ и, давъ послѣднія указанія насчетъ дороги, дружно прощались, желая всякихъ благъ. Вскорѣ мы уже шли по глухой лѣсной тропѣ, едва различая ее въ полумракѣ чащи среди грудъ обросшихъ мохомъ валуновъ.

Путь нашъ представлялъ уже не дорогу, а едва замѣтную тропинку, вившуюся между камней и поросшихъ ягодами кочекъ. Лѣтомъ по ней никто не ходитъ, а ѣздятъ лишь зимой, на саняхъ. Наступили сумерки, и мы съ трудомъ различали нашъ путь въ сумракѣ лѣса. Но вотъ тропинка сбѣжала въ низину, свободную отъ лѣса и поросшую высокой травой по поясъ. Нырнувъ подъ какую-то изгородь, она уходила въ зелень и... исчезала тамъ. Посовались мы туда, сюда. Нѣтъ нашей тропы, да и только.

— Какъ быть?—спрашиваемъ мы другъ друга.

— Давайте, поступимъ, какъ Сафонъ съ медвѣдями, говорю я Иванъ Григорьичу. Начнемъ обходить поляну по опушкѣ лѣса, вы идите въ одну сторону, я въ другую, пока не пересѣчемъ тропу. Вѣдь должна-же она выходить снова въ лѣсъ.

Мы расходимся въ разныя стороны и бредемъ по кочковатому болоту, перелѣзая черезъ камни, валежникъ, продираясь черезъ кусты. Вскорѣ я нахожу что-то похожее на заросшую дорожку и кричу своему спутнику. Онъ подходитъ, и мы начинаемъ обсуждать, то ли это, что намъ надо.

— Нечего раздумывать, идемъ!

— Вы хоть по компасу справьтесь, куда!—говоритъ мой спутникъ.

Справляемся по компасу.

— Должно быть туда, видите намъ на югъ, и она на югъ. И

потомъ что мы теряемъ? Куда нибудь выйдемъ, не назадъ же ворочаться,—и мы пошли.

Никогда въ жизни не видалъ я такого дикаго лѣса. Передъ нами развертывались то холмы и долины, поросшія толстыми высокостволыми соснами, между которыхъ мы чувствовали себя словно среди колоннъ какого-то гигантскаго храма. Подлѣска не было, и внутренность лѣса, усыпанная бурымъ слоемъ опавшихъ хвои, открывалась далеко во всѣ стороны. Только густой подлѣсокъ,—кустарники и молодыя деревья, поросшія мохомъ кочки, папортники и кустики черники, заполнявшіе все кругомъ, и, точно страшныя чудовища, топорщили во всѣ стороны свои фантастически облѣпленныя мохомъ вѣтви упавшія деревья, корни которыхъ нависали надъ широко разверстыми пастями черныхъ берлогъ. Сѣдой мохъ стлался по стволамъ и свисалъ сѣдыми бородами съ вѣтвей, качаясь, точно то была гигантская, мохнатая змѣя. Неровная поверхность лѣса, вся въ буграхъ и ямахъ, представляла собою груды большихъ валуновъ; пушистый зеленый мохъ одѣлъ ихъ пышнымъ ковромъ, смягчилъ грубыя очертанія камней и обманывалъ насъ на каждомъ шагу—ступишь, думаешь мягко, а подъ каблукомъ глухо стучитъ твердый камень. Временами въ такой тайгѣ, журча и гремя, бѣжитъ по усыпанному булыжникомъ руслу широкая рѣчка, изъ которой мы жадно пьемъ непріятную, болотнаго вкуса воду.

Жутко идти по такому лѣсу: сумрачно, глухо, дико, и въ полутьмѣ ночи воображеніе рисуетъ сказочныя картины:

**Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ,**
**Русалка на вѣтвяхъ виситъ...**

и вспоминаются читанныя въ дѣтствѣ разсказы, какъ лѣшій гогочетъ и морочитъ путника, какъ защекочиваютъ его на смерть русалки, какъ вспыхиваютъ на мѣстѣ зарытыхъ кладовъ и забытыхъ могилъ зеленые огни и разная другая чертовщина. И хочется слышать звуки человѣческой рѣчи, и говоришь о пустякахъ, а самъ глядишь впередъ и стараешься понять, что тамъ такое: сгнившій ли стволъ дерева или медвѣдь стоитъ на заднихъ лапахъ. Глушь такая, что тутъ бы ему и водиться.

— Какъ бы намъ не наткнуться на Михаила Иваныча, говорю я спутнику.

— Очень просто, что наткнемся.

Такъ смотрите же, Иванъ Григорьичъ, плавъ бивалъ таковъ: я стрѣляю первый, и коли разрывная пуля не клалеть его на мѣстѣ, очередь за вами съ вашимъ револьвером, деритесь съ нимъ, какъ хотите, пока я вкладываю новый патронъ.

— Такъ онъ и будетъ дожидаться. Рявкнетъ, у васъ поджилки затрясутся, выроните ружье и съ патрономъ, да давай Богъ ноги.

— Чего вы смѣетесь, поджилки у всякаго есть, а вы, смотрите, со страху въ меня не пальните вмѣсто звѣря.

Такъ, посмѣиваясь другъ надъ другомъ, мы разгоняемъ жуткое настроеніе, навѣваемое дремучей тайгой и понемногу шагаемъ впередъ да впередъ, пока черезъ нѣсколько часовъ не выходимъ къ жалкой карельской деревушкѣ, приткнувшейся у глухого лѣсного озера. Разговоры наши про медвѣдей оказались не совсѣмъ пустыми, такъ какъ карелы сообщили намъ, что уже третій день не пускаютъ скотъ въ лѣсъ, потому-что еще надняхъ медвѣдь задралъ у нихъ корову.

Эта деревня такъ и называлась Карельской. Большія сѣрыя избы съ покосившимися крышами жались къ озеру. Толпа карелъ въ рубахахъ и портахъ домашняго издѣлія собралась у крыльца поглазѣть на насъ. Внѣшность ихъ обличала бѣдность, а во взорахъ сквозило покорное равнодушіе къ своей участи. Затерянные среди лѣсовъ и озеръ, они жили отрѣзанными отъ міра, въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, и натуральной бѣдности. Но цивилизація въ видѣ самовара, ситцевой рубахи и окладного листа мимоходомъ заглянула и сюда, заглянула и ушла. Впрочемъ нѣтъ, она оставила здѣсь школу, въ которой мы хлебали чай изъ соборной посуды, поглядывая на груду простой школьной мебели, составленной въ уголъ. Школа помѣщалась въ бѣлой избѣ, учитель былъ въ отъѣздѣ, а отъ крестьянъ мы немного узнали о плодотворномъ вліяніи равнодушной къ нуждѣ просвѣщенію цивилизаціи. Сидя въ вечернемъ сумракѣ въ бѣдной, грязной избѣ, возлѣ покривившагося и незнакомаго съ кирпичнымъ порошкомъ самовара, я задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ нужна этимъ дѣтямъ природы школа, эта школа, съ пятнадцатирублевымъ учителемъ, завербованнымъ нуждой изъ неудачниковъ духовнаго званія, со складами, буквой ѣ, «Вотчей» и «Богородицей»? Какой дѣтской, безполезной, даже глупой должна казаться имъ эта наивная премудрость, какъ трудно придти имъ, пахотникамъ и рыболовамъ, къ сознанію отдаленной выгоды, которую можетъ доста-

ніе смѣлъ и дѣлемо тому нѣтъ имя, кого судьба забросила въ городъ, гдѣ теперь и тысячу рабочихъ частенько задаютъ вопросъ: «грамотенъ?» Школа и жизнь! Жизнь и школа! Есть ли дѣйствительно связь между тою и другою русской жизнью и еще болѣе жалкой русской школой? И невольно мысль моя неслась дальше на западъ, вдоль параллели, на которой стоитъ Карельское, и мелькали передъ глазами тучныя нивы Швеціи, лѣсопилки, рыбные заводы, мануфактуры, привольнымъ плесомъ лежащіе шумными водопадами, и въ прочныхъ уютныхъ домахъ сидѣли за кофеемъ мужики, покуривая трубки и обсуждая послѣднія газетныя извѣстія, а еще дальше, за океаномъ, Минесота, Аляска, паровые плуги на безпредѣльныхъ поляхъ, вѣялки, косилки, гремящія на всѣхъ парахъ черезъ глухую тайгу; и тонкія струны, по которымъ течетъ отъ могучаго водопада электрическая энергія. Тотъ же климатъ, та же природа! Тѣ же безпредѣльные лѣса, рыбныя озера, безчисленные киплющіе энергіей пороги, словомъ, та же возможность съ бою взять у природы лучшую долю; но что-то сдавливаетъ мысль, что-то парализуетъ волю и не даетъ простору жизненной дѣятельности. Гдѣ то сидятъ люди, которые рѣшаютъ за этихъ карелъ ихъ карельскіе жизненные вопросы: гдѣ можно и гдѣ нельзя рубить лѣсъ, воспретить или разрѣшить подсѣки, проводить или не проводить желѣзную дорогу, обучать ли по складамъ, по звуковому методу, или лучше не учить ничему, какъ и въ какой лозѣ сѣчь, какой пошлиной обложить заморскую соль, какимъ иконамъ молиться, какія книжки читать. Думаютъ вѣдь, черезъ пень колоду, съ отписками, переписками, подкопирками, подписками, съ мыслью о двухнатомъ числѣ, о командировкѣ **заграницу и еще не знаю о чемъ.**

Старый карель берется доставить насъ на другое конецъ озера, къ деревнѣ Пороилу, и вотъ, мы плывемъ по зеркальной водѣ, и робко плещетъ за нами отраженіе блѣднаго мѣсяца. Однообразный стукъ весла и тихій говоръ—единственные звуки, нарушающіе **ночную тишину.**

Отъ Пороилы наша дорога опять пошла дикимъ лѣсомъ, и много часовъ шли мы молча по тайгѣ, страшное однообразіе которой не нарушало ничто живое. Ни звѣрь, ни птица, ни человѣкъ: мохъ, мѣхъ и небо, по которому медленно стелятся серебристыя нити перистыхъ облаковъ. Иногда мы выходимъ на высокія плоскости, поросшія жидкимъ березнякомъ рискованно; лѣсъ рѣдѣетъ, и тамъ и сямъ, какъ отставные пушники,

стоять отдѣльно сосны съ черными низкими стволовъ; очевидно, тутъ торфъ на большомъ мѣстѣ, и тощая почва не успѣла взрастить лѣса. Измученные хлопотами, мы ложимся на холодную землю подъ дымъ огонька, потому что комары, какъ мученія совѣсти, ни на мгновеніе не покидаютъ насъ. Въ тѣлѣ передъ восходомъ солнца чувствуется какое-то особое, острое истощеніе, и не хочется вставать, чтобы нестись все впередъ и впередъ.

Первымъ поднимается Иванъ Григорьичъ. Онъ, степняку, очевидно, жутко въ этой сѣрой тѣснотѣ, прелести которой ощущаютъ сѣверные рыбаки-финны. Можетъ быть и по

Улица и часовня въ Хомсельгѣ.

этой дебри бредетъ до насъ странникъ въ скуфьѣ, «древлеотеческое благочестіе хранящіе, скитавшеся и живяще въ пустыни по лѣсамъ отъ огненныхъ мукъ, всякую нужду терпящіе», шелъ и пѣлъ: «нѣсть спасенья въ мірѣ, нѣсть! Лесть одна лишь правитъ, лесть! Смерть одна спасетъ насъ, смерть!»

— Пойдемте, что лежать тутъ.

Надо; надо идти. Отвѣчаю я, а самъ продолжаю лежать.

Экая дичь, экая пустыня!—шепчетъ Иванъ Григорьичъ.

— А все же чувствуется въ ней какая то дикая поэзія, что-то безыходно-безотрадное, но угрюмо сосредоточенное, отдаляющее отъ міра, сближающее мысль съ совѣстью.

Наконецъ мы выбрались въ болѣе культурную мѣстность. Ло-

рога стала плетнемъ, по сторонамъ росъ смѣшанный лѣсъ, показались луга, пашни и живыя русскія селенія. Бесѣдовали мы Бѣсовецъ, ужъ не знаю какъ его писать.

Селеніе это расположено по обоимъ берегамъ широкой и быстрой Шуи, мутящейся отъ множества плотовъ. По ней плыли бревна.

Деревня эта была. Мы прошли нѣсколько избъ и остановились у послѣдней, обнесенной кольломъ двухъ этажной постройки. Иванъ Григорьичъ принялся стучать въ дверь. Въ то время какъ я въ изнеможеніи опустился на ступеньки крыльца. Внутри послышался кашель, затѣмъ тяжкіе звуки и наконецъ босыя ноги, щеколда поднялась, и на порогѣ показалась заспанная старушка.

— Пусти, бабушка, странниковъ!

— Идите, идите!

— Самоварчикъ нельзя-ли?

— Можно, родимый, сичасъ наставлю.

Мы вошли въ чистую горницу съ русской печью, дверь изъ которой вела во вторую, глѣ на полу, на тюфякѣ, потъ одѣяломъ, изъ подъ котораго высовывались корявыя босыя ноги, лежалъ богатырскаго вида старикъ; красная рубаха была растегнута, высвѣчена и открывала волосатую грудь и здоровенныя ручища. Старикъ, онъ же хозяинъ, понемногу проснулся, прокашлялся, и не вынимая своей великольпной ноги, принялся помаленьку старухѣ и завелъ степенную рѣчь съ нами. Вскорѣ изъ подъ печи послышался шумъ, и по лѣстницѣ изъ верхняго этажа спустился босоногій бѣлокурый парень съ грузнымъ мѣшкомъ на рукахъ, большіе голубые глаза котораго наивно глядѣли на насъ.

Маменька, вотъ и Митя, тебе плакетъ, и по избѣ просится.

Давай его сюда, Митюху! пусти Васюкъ сказать старику, принимая внука отъ сына. И корявыя ручища его бережно обняли маленькое тѣло. Очутившись у него на колѣняхъ, мальчикъ принялся трогать его за усы, за бороду.

Ахъ ты, пострѣленокъ, пострѣленокъ! Вѣдь какой онъ сталъ большой! А помнишь, дѣдушка, старый! Ножки! Ножки! Вотъ такъ, вотъ такъ!

Мальчикъ [illegible] Ахъ! Митенька! [illegible] изъ сосѣдней горницы старуха, гремя самоваромъ, трубила. И когда самоваръ былъ [illegible] Митенька [illegible]

на руки бабки, которая ѣ[illegible]ла и ловила его, пока сверху не спустилась молодуха.

Вечеромъ, часовъ около 6, мы отправились въ баню. Баня, какое прокопченное строеніе съ огромнымъ наваломъ на крышѣ, стояла возлѣ самой рѣки. Мнѣ пришлось воспользоваться этимъ деревенскимъ удобствомъ только у меня въ то время, какъ я сидѣлъ у окна, куря трубку и смотрѣлъ на Шую. Внезапно мое вниманіе привлекли двѣ совершенно раздѣтыхъ дѣвицы, которыя, нимало не стѣсняясь ходившихъ по улицѣ, влѣзли въ рѣку и стали окунаться. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что онѣ исчезли въ банѣ.

Ивану Григорьевичу тоже захотѣлось бани. Спустя нѣсколько минутъ, мы уже шли туда съ вѣничкомъ подъ мышкой и очутились въ предбанникѣ, узкомъ брезентомъ пространствѣ безъ крыши. Баня была низкая, совсѣмъ черная горница, съ маленькимъ окошкомъ. Двѣ трети ея занимала печь, или не печь, а груда закопченныхъ булыжниковъ, поверхъ которыхъ нѣсколько валялось лежали черныя отъ дыму доски. Это былъ полокъ. На полу стоялъ небольшой ушатъ съ горячей водой и что-то вродѣ ложки и ковшика. У пола было или казалось холодно, тогда какъ голову надо было нагибать и ходить согнувшись, потому-что на половинѣ высоты избы кончался умѣренно теплый поясъ и начинался жарко-тропическій, выше котораго подъ самымъ потолкомъ разстилался адъ. Но Иванъ Григорьичъ, которому нравился этотъ жгучій жаръ, плеснулъ на булыжники воды, и они зашипѣли, словно куча спящихъ, но потревоженныхъ кѣмъ-нибудь змѣй. Жаръ сталъ невыносимъ, но Иванъ Григорьичъ успѣлъ влѣзть на полокъ, обѣщая попарить, если, дескать, станетъ легче. Я согласился и, благодаря тому, узналъ, какой паръ бываетъ въ банѣ «самумъ» и что дѣлается съ человѣкомъ, которымъ овладѣлъ въ этотъ жаръ. Достаточно сказать, что я готовъ былъ, забывъ, что я не мать родила, на улицу и броситься въ рѣку. Но рѣшилъ вернуться въ баню. Собравшись съ духомъ, я отворилъ дверь и холода на жаръ стремительно рухнулъ, и весь я [illegible] чему нарядился [illegible] въ снѣгъ и [illegible] сами босикомъ. И уже отлично, а Иванъ Григорьичъ [illegible] смывался этимъ сильно-русскимъ [illegible] и [illegible] спину [illegible] ихъ [illegible] Иванъ Григорьичъ [illegible] банѣ [illegible]

мали удалиться, а преспокойно войти въ баню и послѣ короткаго препирательства вытѣснили оттуда Ивана Григорьевича.

Такова простота нравовъ, простота, которую нельзя не увѣнчать послѣдней honny soit qui mal y pense.

Ночь мы провели на верху, въ тѣсной горницѣ, на тюфякахъ, и спали отлично, не смотря на то, что маленькіе, но очень прыткіе, налившіеся кровью клопы мелкимъ бисеромъ катались по полу, словно загѣявши игру въ пятнашки. Я замѣтилъ, что эти сибариты не давали себѣ труда прокусывать себѣ собственныя отверстія въ нашей кожѣ, а устраивались у ранокъ и припухлостей, оставшихся послѣ комариной трапезы. Благодаря этому обстоятельству, укусы болѣли и не заживали долѣе, а послѣ нѣкоторыхъ остались мѣтки «на всю жизнь».

Утромъ рано, въ лазурную свѣтлую погоду, мы переправились черезъ Шую и пошли по дорогѣ на Петрозаводскъ. Кудлатыя темныя облака низко бѣжали надъ тѣсомъ, было уныло и одиноко. Часа черезъ два мы выбрались на Суллакъ-гору, съ вершины которой увидѣли въ одну сторону пройденную нами дорогу, уходившую вдаль сквозь тѣсныя заросли, а въ другой вилась городъ. Два оборванныхъ пастуха, громко бесѣдуя, гнали по пересѣченной дорогѣ, стадо лѣниво плевшихся быковъ.

Черезъ полтора часа мы были въ городѣ. Это было воскресенье, и изъ калитокъ деревянныхъ домовъ то и дѣло появлялись аборигены города, одѣтые въ полный парадъ.

Какъ въ деревняхъ послѣ праздника выходятъ въ колоннахъ съ гонтикомъ, при двухъ часахъ, а иной привязитъ еще синюль въ футлярѣ, такъ и эти люди надѣли на себя столько добротнаго, новаго, сколько можно было на себѣ снести.

Костюмы были именно то, что называется пріятными: на мужчинахъ какое нибудь свѣтлое пальто, изъ коломянки или чего нибудь крахмальнаго, пока не надѣвать складокъ и морщинъ, гдѣ онѣ вовсе не надо; панталоны, совершенно обтягивающіе ногу, какъ перчатка, хорошій жилетъ, а рядомъ съ нимъ, на плечѣ, надѣтый на палку, висѣлъ фракъ; простая съ бѣлыми рукой... хорошія рубашки. Словомъ все было хорошее и дамская публика съ такимъ количествомъ бѣлья и чернаго, которое достаточно, чтобы напомнить о существованіи Невы и Невскаго, гдѣ эти самыя выторги рвутся и рвутся, и рвутся, и сѣрая кофточка съ [illegible]

сторомъ, все стало такое, что позволяло носителямъ этихъ вещей видать предметы не взглядомъ вверхъ себя, въ пространство, что, проходя, сквозь нихъ необыкновенно быстро обращаясь, собственно свѣтски считать полые котелки и плоть тыняносными шляпами. Какъ то они сталкивались на улицѣ съ такими же людьми и говорили: Здравствуйте, сего, да у тихъ бываю пусто; вороченъ, пропалъ въ черной коляскѣ, на бѣрь воронихъ коней, черныхъ архиереи, и тамъ обѣдать въ соборъ, и сѣсть ему куда же, какъ отмѣнить поклонись кто и умный и тамъ.

Вотъ и пристань. Пароходъ долженъ былъ отойти черезъ нѣсколько часовъ, которые мы провели, гуляя по палубѣ и любуясь на холодныхъ водахъ Ладожскихъ красивыми, съ тростоками, приходившихъ съ юга. Можно было видѣть, что они много уже побывали, и больше шли безъ парусовъ. Хорошее небо, хорошій воздухъ и хорошее настроеніе духа. Пароходъ, пароходъ, захватилъ съ собой часть этой хорошей и прозрачной атмосферы, потому-что былъ бодръ и скоръ. А можетъ быть, и устали...

## ГЛАВА ШЕСТАЯ.

# Физико - географическій очеркъ Олонецкаго края.

### Рельефъ, геологическое строеніе, ископаемыя. Климатъ

Сѣверо-западная часть — это прямое продолженіе Финляндіи: скалистые кряжи, пересѣкающіе почти всю страну, извѣстны подъ именемъ Олонецкихъ горъ, но это не горы, потому что высшая извѣстная точка ихъ поднимается надъ уровнемъ моря всего на 134 саж. (между озерами Ленлера и Сопенкимъ). Къ числу этихъ кряжей принадлежитъ Масельга, проходящій по Повѣнецкому уѣзду и представляющій водораздѣлъ между бассейнами Балтійскаго и Бѣлаго моря. Параллельно этому кряжу идутъ другіе, а также такъ называемыя сельги, съ общимъ направленіемъ съ с. с. з. на ю. ю. в. Вдаваясь въ Онежское озеро, концы этихъ кряжей образуютъ многочисленные полуострова, самый большой изъ которыхъ Заонежье,—усѣянный длинными озерами, залегающими въ томъ же направленіи, какъ и кряжи. Такимъ образомъ вся эта часть Олонецкой губерніи своимъ рельефомъ очень напоминаетъ только что вспаханную почву, гдѣ валы представляютъ собою кряжи и сельги, а борозды—тѣ озера, долины рѣкъ и болота, которыя залегаютъ въ продольныхъ впадинахъ между ними. Горно-каменныя обнаженія выступаютъ всюду изъ-подъ наносной почвы, это «шелья», какъ ихъ зовутъ олончане. Однако кряжи и сельги отнюдь не горныя складки; кряжи выточены, а сельги навалены обширнымъ ледникомъ, который медленно двигался со Скандинавскаго массива (съ с.-з), измѣнивъ свое направленіе въ Олонецкой губерніи на болѣе южное. Онъ проложилъ эти рытвины, плоскія корытообразныя впадины, мысы, острова и впадины, придавъ мѣстности грядовой или кряжевой характеръ. Но прежнія породы, которыя онъ обнажилъ, испытали въ давно прошедшія времена свои особыя движенія, вызванныя тѣми же силами, которыя изгибаютъ и коробятъ земную кору (геотектоническіе процессы), а также силами, дѣйствующими въ самихъ породахъ, оказывающихъ сопротивленіе этимъ нарушеніямъ (пластическіе процессы). Эти древнія складки, замѣтныя въ пластахъ кристаллическихъ сланцевъ, расположены какъ разъ поперекъ направленія нынѣшнихъ кряжей, и вотъ почему текучія воды, двигаясь по выточеннымъ ледникомъ ложбинамъ, образуютъ губы, водопады и пороги всюду, гдѣ они встрѣчаются на этихъ древнихъ складкахъ. Горныя породы, слагающія всю страну, это граниты, сіениты, гнейсы, гранулиты [1]), и кварцы, кремни, а также за-

[1]) Гранулитъ есть разность гранита и состоитъ изъ полеваго шпата (ортоклаза и олигоклаза, небольшого количества кварца и зеленыхъ

нѣкаго серпа. Описываемые серпантины и діориты. Мѣстами поверхъ нихъ лежатъ бѣлыя, сыпучія, хлоритовыя и обыкновенныя слюдяныя и доломитныя. Гнейсъ принадлежитъ къ самымъ древнимъ отложеніямъ. (Лаврентьевская система) распадается на два отдѣла: нижній—красный ортоклазовый гнейсъ, верхній сѣрый плагіоклазовый. Надлежащіе на немъ слюдяные и доломитные принадлежатъ къ слѣдующей — гуронской системѣ. Около Шунги они пронизаны шунгитомъ и прорѣзаны діоритами, изъ чего видно, что діоритъ представляетъ древнюю лаву, излившуюся по трещинамъ наверхъ и остывшую въ видѣ покрововъ на сланцахъ. Съ поверхности эти породы сплавлены и обточены ледниками, а внутри они испытали еще въ древнія времена сильныя изхѣненія подъ вліяніемъ выхѣриванія и химическихъ процессовъ.

черной слюды (біотита). Къ нему относятъ извѣстный финляндскій гранитъ рапакиви, т. е. „гнилой камень", названіе, данное ему за то, что онъ легко выхѣтривается и разсыпается въ щебень. Порфиръ можетъ быть различнаго состава (гранитовый, сіенитовый, діоритовый) и получаетъ свое названіе, въ зависимости отъ состава, главнымъ образомъ, за строеніе. Всякій порфиръ представляетъ тонко-зернистую массу (при разсматриваніи подъ микроскопомъ она оказывается состоящей либо изъ мелкихъ кристалликовъ разныхъ породъ, либо между ними наблюдается стекловатая масса, напр. въ фельзитовомъ порфирѣ), въ которой плотно сидятъ большіе кристаллическіе куски полевого шпата, кварца, слюды (въ гранитовомъ порфирѣ) или другихъ породъ. Фельзитъ есть массивная сложная порода, имѣющая именно только что описанное тонкозернистое сложеніе (микрофельзитовая структура).

Это различіе въ строеніи даетъ нѣкоторыя указанія на то, какъ образовалась данная горная порода. Наблюденія надъ остывающей лавой современныхъ вулкановъ обнаруживаютъ, что стекловатой массы бываетъ больше въ тѣхъ случаяхъ, когда излившійся изъ вулкана лавовый потокъ застываетъ быстро (напр. когда онъ тонокъ), если же лава стынетъ и твердѣетъ медленно, то разныя расплавленные, растворенные въ ней минералы имѣютъ время стягиваться въ кристаллы, и послѣдніе тѣмъ больше, чѣмъ медленнѣе шло остываніе. Филлитъ или глинистый слюдяный сланецъ представляетъ ясно сланцеватую породу (съ скрытно-кристаллическимъ сложеніемъ) темно-сѣраго, зеленоватаго или черно-голубоватаго цвѣта съ полуметаллическимъ блескомъ въ расколѣ; онъ состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ слюды, хлорита, кварца и полевого шпата съ иголочками рутила. Шунгитъ представляетъ разность каменнаго угля и извѣстенъ только для Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи; онъ чернаго цвѣта съ сильнымъ алмазно металлическимъ блескомъ и сгораетъ вполнѣ только въ струѣ кислорода. Онъ залегаетъ тонкимъ слоемъ въ породахъ сланцевъ (1 вершокъ), но за то пропитываетъ тонкія толщи этихъ сланцевъ.

выдавленныхъ сопротивленіемъ подошвы ледника, которая разворяла различныя части ихъ состава и переносила ихъ, откладывая такъ и сямъ разнообразные минералы. Отъ того эта часть Олонецкой губерніи отличается такимъ обиліемъ рудныхъ мѣсторожденій, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Что касается отложеній, оставленныхъ ледникомъ, то они залегаютъ на поверхности всей губерніи, гдѣ только не смыты водой, и выражены такъ называемымъ ледниковымъ наносомъ, главнымъ представителемъ котораго въ предѣлахъ Олонецкой губерніи является ледниковый щебень. Этотъ щебень представляетъ собою параллельно-волнистыя морены ледника и состоитъ изъ несортированной груды угловатыхъ и округленныхъ обломковъ самой разнообразной величины, — начиная съ громадныхъ валуновъ, размѣрами съ настоящую скалу, которые то безпорядочно разсѣяны въ остальной массѣ, то собраны въ волнистыя гряды, какъ бы каменные потоки, и конча мельчайшею ледниковой пылью, заполняющею пространства между частицами глины и другихъ болѣе крупныхъ отложеній. Ледниковый щебень довольно легко раздѣлить на двѣ разновидности: валунная глина (въ которой ледниковой пыли) и собственно щебень, который залегаетъ на ней. Обѣ эти разновидности отложились на мѣстѣ въ эпоху таянія ледника и испытали на себѣ сравнительно слабое дѣйствіе текучихъ водъ. Ледниковый щебень оттого именно не сортированъ, что вода въ видѣ струи и потока и рѣка различной силы и полноводности есть именно та сила, которая промываетъ и размываетъ пласты, отмучивая частицы разной величины, перемѣшивая и сглаживая—однимъ словомъ, обдѣлывая все то, что было крупно. Валуны и глыбы, принесенныя льдомъ, иногда остаются въ покоѣ, а иногда скатываются въ потокахъ, гдѣ они часто [illegible] и окатываются [illegible] сторонъ (отъ обтиранія), а [illegible] частицы [illegible] и переносятся [illegible] и [illegible] частицы, которыя массами сходили съ трущихся поверхностей. [illegible]

Скатъ Сельги, усѣянный валунами.

тѣями и даже сотнями верстъ, удерживая при этомъ одно и то же направленіе (конечно съ перерывами), и напоминая этимъ желѣзнодорожныя насыпи. Мѣстами они поднимаются высоко надъ сосѣдней мѣстностью и представляютъ на гребнѣ такую ужъ полоску, что по ней съ трудомъ движется человѣкъ; мѣстами они понижаются или разсѣкаются на отдѣльные холмы. Они состоятъ большею частью изъ ледниковаго щебня, но иногда бываютъ покрыты сверху слоистыми отложеніями или же заключаютъ внутри себя твердую горную породу. Сельгой или озомъ можно назвать и тѣ скалистые кряжи, которые представляютъ обнаженную ледникомъ полосу коренной горной породы. На своихъ крутыхъ или покатыхъ бокахъ сельги имѣютъ мѣстами ямы въ видѣ воронокъ, а по обѣ стороны ихъ залегаютъ низины, занятыя часто озерами или представляющія поросшія лѣсомъ болота на разныхъ стадіяхъ своего развитія. Я самъ проѣзжалъ по такой сельгѣ отъ Кончезерскаго завода къ деревнѣ Хомсельга на протяженіи трехъ верстъ, но не могу сказать, какъ далеко тянется она дальше. Странный видъ этой насыпи вызвалъ во мнѣ усиленныя размышленія: какъ возникла она? Но на этотъ вопросъ не въ состояніи отвѣтить и профессіональные геологи. Большинство считаетъ ихъ завалами ледниковыхъ рѣкъ, текшихъ или внутри ледника къ его краю или вдоль края глыбистаго ледника, тѣмъ болѣе, что сельги располагаются въ двухъ направленіяхъ; большая часть ихъ расположена вдоль линіи движенія ледника, немногія — вкрестъ ему. Мнѣ они представляются тѣми мѣстами подледной морены, гдѣ она могла сложиться въ такія гряды вдоль линій наименьшаго давленія или сжатія со боковъ (такъ какъ ледникъ, надо думать, не обладалъ же равномѣрной толщей повсюду). По сторонамъ ледника они убѣгали, причемъ бока ихъ обваливались, давая скатившимся съ нихъ атмосфернымъ водамъ наклонъ и матеріалъ для выполненія расположенныхъ между ними корытообразныхъ впадинъ, гдѣ залегли озера, болота и нерѣдко текутъ рѣчки.

Эта же съверо-западная часть Онежскаго края по преимуществу богата рудными мѣсторожденіями и пластами полезныхъ ископаемыхъ. Руды весьма разнообразны. Мы уже говорили, что озерная желѣзная руда встрѣчается здѣсь, но кромѣ нея и мѣстныя мѣсторожденія магнитнаго желѣзняка, жилы и штоки слюдяного Кашпира. Залежи озернаго желѣзняка съ содержаніемъ желѣза 32 „разрабатываются на Вытегорскомъ чугунномъ заводѣ близъ Андомскаго погоста, гдѣ онѣ попадаются въ двухъ мѣстныхъ жилахъ въ окрест-

...ломъ Керети. Это самое желѣзный рудъ вызвало спе... ...ными времена мѣстное преданіе среди карель, которые ...мѣстовали искусство обработки желѣза кротко, у сосѣ... ...ныхъ чудскихъ финновъ. Впослѣдствіи оно развилось настолько, что мѣстные карелы стали поставлять винтовки и снаряды для ...мировъ, вообще ...лезныя изд...ія Архангельской губерніи. Во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще сохранились ямы и насыпи прежнихъ рудныхъ разработокъ: такъ, въ Ребольской волости, близъ селенія Муезеро, виднѣются развалины небольшого завода, принадлежавшаго крестьянину Терееву, основанному ещо около 1750 г. Въ южномъ концѣ Семчозера еще въ 1850 г. находился плавильный и желѣзодѣлательный дворъ крестьянина Титова изъ деревни Мяксеницы. Изъ руды, которая добывалась по сосѣдству, ковали топоры, косы, горбуши, ломы. Въ настоящее время въ губерніи существуетъ 4 завода: казенные Александровскій снарядо-литейный въ Петрозаводскѣ и два чугуноплавильныхъ (Кончезерскій и Вилломинскихъ), снабжающихъ его чугуномъ, да одинъ частный въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Мѣдныя руды извѣстны 3-хъ типовъ: мѣдный колчеданъ и мѣдная зелень (въ мѣсторожденіяхъ Муезерскомъ, Пергубскомъ, на Пертозерѣ и еще кое гдѣ), вкрапленія мѣдной руды въ мѣстахъ соприкосновенія діоритовъ и діабазовъ со сланцами и доломитами (напр. въ Фоймагубѣ, Пергубѣ, Пялмѣ), и самородная мѣдь, выполняющая трещины въ діоритахъ (въ Фоймагубѣ), причемъ попадались куски мѣди вѣсомъ въ пудъ.

Мѣстное преданіе говоритъ, что еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ наѣзжалъ въ Шуйскій погостъ царскій посланецъ «отъискания рали мѣстъ рудныхъ», руду нашли, но вышелъ ли толкъ изъ этого дѣла неизвѣстно. Эти мѣдныя руды обратили на себя вниманіе Петра I, нуждавшагося въ мѣди послѣ потери всей артиллеріи подъ Нарвой, и онъ еще въ 1702 г. послалъ партію иноземцевъ подъ руководствомъ Бюера «безъ проволочки отыскать» требуемую руду, а уже черезъ годъ три заложенныхъ завода начали отправлять плавленую и самородную мѣдь въ Москву; дѣятельность ихъ продолжалась до 1708 г., хотя разсказываютъ, что царскій дозорникъ Натрусевъ съ прочими «рудознатцами» находился въ этихъ мѣстахъ еще четыре года, когда всѣхъ отправили въ Сибирь «по добычу рудную». Мѣстные жители давно знали о существованіи этихъ мѣсторожденій и издавна разрабатывали ихъ, выплавляя изъ мѣди разнообразныя вещи

часто бываетъ, что до сихъ поръ во многихъ крестьянскихъ домахъ Печенгской [illegible] встрѣтить много прекрасной посуды [illegible], которая [illegible]) изъ красной мѣди. Особенно славились [illegible] и [illegible] изъ этой и серебра расколотыя сковороды. Ланиловъ и Лекса, [illegible] о то время этими сковородами и ихъ [illegible] [illegible] изъ серебра всѣхъ семействъ въ Россіи. Говорятъ, изъ этихъ мастерскихъ [illegible] выходило до [illegible] разныхъ мѣдныхъ издѣлій. Впрочемъ [illegible] [illegible] неизвѣстно, изъ какихъ мѣсторожденій добывали они сіи мастера руду.

Изъ драгоцѣнныхъ металловъ встрѣчается серебро и золото. Жильное золото было открыто въ мѣстѣ впаденія р. Вица въ Выгозера, и тѣ [illegible] это время разрабатывалось, но вскорѣ [illegible] было оставлено. Разъѣзды, [illegible] въ семидесятыхъ годахъ Гранскимъ вверхъ по Вицу и въ другихъ мѣстахъ, указали на присутствіе [illegible], но содержаніе его оказалось слишкомъ ничтожнымъ (самое большее золота въ 100 пудахъ песку). Серебро встрѣчается въ видѣ серебро-свинцовой руды, но [illegible] мѣсторожденія, изъ которыхъ [illegible] добывалось, забросили и забыли. Причиною, что мѣсторожденія не были [illegible], потому что серебро доставлялось въ значительномъ количествѣ въ Даниловскій скитъ, гдѣ изъ него выливались разныя издѣлія: кресты, складни, пуговицы, сарафанныя и кафтанныя [illegible] и [illegible] и даже чеканились рубли, по образцу екатерининскихъ, которые ходили изъ рукъ въ руки Даниловскихъ по всему сѣверу и цѣнились даже выше казенныхъ, такъ какъ производились изъ чистѣйшаго серебра. Впослѣдствіи, когда эта тайная выдѣлка серебряныхъ рублей и всякихъ (всѣ серебряныя вещи Даниловскихъ подъ видомъ [illegible] сосѣдямъ до сихъ поръ въ народѣ называніе "темныхъ") сдѣлалась извѣстна высшему правительству, такъ какъ оно отнюдь не брезгало о данями, состоявшими хотя бы и изъ темнаго серебра, приказано было всѣхъ жителей, какъ монастыря (Даниловскаго на р. Вигѣ и Лексинскаго на р. Лексѣ), такъ и сосѣднихъ деревень [illegible] и помочанами вносить въ отдаленныя мѣста Сибири, [illegible] обязанность [illegible] разработать столь цѣннаго металла и въ мѣстахъ, гдѣ онъ въ изобиліи находится. Эта мягкая официальная [illegible] безпрекословно была тотчасъ же исполнена. Но съ этимъ вмѣстѣ, однако, прошли безслѣдно

и свѣдѣнія о той мѣстности, гдѣ добывали серебро [1])». Дальше мы увидимъ, что это было одно изъ проявленій постояннаго и въ высшей степени вреднаго вмѣшательства власти въ хозяйственную и общественную жизнь русскаго народа на сѣверѣ, начавшееся съ момента появленія здѣсь московскихъ воеводъ и бояръ и продолжающееся въ разнообразныхъ видахъ по сіе время. Эта система и всѣ ея отвѣтвленія и послѣдствія, а не суровость климата и безплодіе почвы, обездолили сѣверъ и сбросили обитателей его на жалкое существованіе тамъ, гдѣ русскій человѣкъ доказалъ, что, предоставленный собственной иниціативѣ, онъ умѣетъ жить не только зажиточно, но и развивать у себя элементы культуры. А пока рудныя мѣсторожденія, такъ какъ здѣсь и поля, представляютъ изъ себя то сѣно, которое никогда не косно, а если и приноситъ пользу, то лишь низшему обирающему его начальству, которое кормится около нелѣпыхъ формъ казенныхъ окладовъ, жалованья и другихъ доходовъ. А вотъ и мѣстная легенда о золотѣ:

Въ прежніе годы много было въ нашихъ мѣстахъ и золота и серебра, разсказываютъ въ Повѣнцѣ, да теперь-то не знаютъ, гдѣ они попрятаны. Шла разъ по губѣ, мимо наволока, лодка съ народомъ, а по берегу навстрѣчу ей старичекъ идетъ. Не вѣсть то такъ и тянетъ отъ тяготы — очень ужъ старикъ тяжелъ, да грузенъ. «Возьмите меня въ лодку, люди добрые, проситъ старикъ, а ему въ отвѣтъ изъ лодки: «намъ и такъ тяжко справляться, а тутъ тебя еще старого взять съ собою». «Не будьте жадны, возьмите меня въ лодку, большую корысть дадите!» взмолился старикъ, а рыбаки его все не берутъ. Долго просилъ старикъ взять его въ лодку, да такъ и не вымолился. «Не хотятъ батюшки мои возьмите, очень ужъ онъ тяжелъ, не поднять». «Станемъ мы изъ за блага дряннаго на берегу присѣдать», отвѣчаютъ съ лодки. Бросилъ тутъ старикъ благословеніе свое и разсмѣялся весь на дрязгливыхъ-голодныхъ, а самъ старикъ ушелъ въ землю отъ грузности и пусто на мѣстѣ томъ сдѣлалось. Ахнули тутъ лодочники да назадъ ужъ оглянулись [2])».

Изъ другихъ полезныхъ ископаемыхъ въ Олонецкомъ краѣ извѣстны еще разнообразные мраморы, особенно много его въ Бѣломорьѣ и въ Повѣнцѣ въ сосѣдствѣ Повѣнецкой горы залегаютъ

[1]) Майновъ, „Поѣздка въ Обонежье и Карелу", стр. 159
[2]) Майновъ, стр. 161.

7 сортовъ мрамора нерѣдко большими глыбами до 6 аршинъ въ длину. Мраморы эти разнообразныхъ красныхъ цвѣтовъ и превосходятъ обыкновенный камень, что тверже его и дольше противостоятъ разрушенію, принимая при томъ прекрасную полировку. Прежде его ломали много для различныхъ украшеній Зимняго дворца и Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ.

Кромѣ мрамора, встрѣчается еще превосходный песчаникъ, именно у Шокши на з. берегу Онего. Это кварцитъ, т. е. кремнистый песчаникъ, окрашенный окисью желѣза въ различные красноватые цвѣта, нерѣдко розовый, онъ очень твердъ и отлично полируется; изъ него сдѣланы часть стѣнъ Исаакіевскаго собора и памятникъ Николая I въ Петербургѣ. Близъ г. Вытегры у Анисимскаго погоста добывается огнеупорная глина, въ Шунгской волости встрѣчаются аметисты, въ другихъ мѣстахъ попадается кучистый камень, горный хрусталь, азбестъ, графитъ, марганцовистый желѣзнякъ. Всѣ указанныя ископаемыя встрѣчаются главнымъ образомъ въ сѣверо-западной части губерніи; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изверженныя породы входятъ подъ пласты осадочныхъ или соприкасаются съ ними, налегая на нихъ (какъ напр. діоритъ), сочившіяся по ихъ мельчайшимъ трещинамъ воды въ теченіе рядовъ тысячелѣтій растворяли въ себѣ разнообразныя составныя части тѣхъ и другихъ породъ и затѣмъ, смѣшиваясь, отлагали выносимые минералы въ трещинахъ, гдѣ, подъ вліяніемъ химическихъ и физическихъ силъ и геологическихъ процессовъ, они кристаллизовались и отлагались, образуя жилы, жеоды или даже пласты.

Южная и крайняя Западная части губерніи представляютъ ужковый характеръ. Гнейсы и кристаллическіе сланцы, врѣзавшись безчисленными полуостровами въ Онежское озеро, уходятъ подъ него; древнія осадочныя породы, скрываясь въ глубинѣ. Граница ихъ распространенія на поверхности тянется извилистой линіей отъ сѣвернаго берега Ладожскаго озера (у Нивы-франки и Чудьяла) къ с. коши Петрозаводской губы, пересѣкаетъ Онего и продолжается на тотъ берегъ, простираясь отъ Муромскаго монастыря на сѣверо-востокъ, потомъ на сѣверъ (между рѣками Толшмой и Волозеромъ), поворачиваетъ на западъ и слѣдуетъ этому направленію почти до верхняго Вига, отсюда идетъ почти на сѣверъ, оканчиваясь у устья Кумы. Все пространство къ югу и западу отъ нея занято отложеніями девонскими и каменноугольными системами, за исключеніемъ немногихъ небольшихъ участковъ: одинъ, между Ладогой и Онего, пред-

славлять въ с. своей части отложенія ледниковой эпохи, а въ ю.-зап. новѣйшія рѣчныя и озерно-болотныя отложенія, другой въ с.-в. концѣ губерніи между озеромъ Воло и р. Онегой тѣ же ледниковыя отложенія, наконецъ третій, въ ю.-в. части, представляетъ с. конецъ обширной площади ледниковыхъ отложеній Новгородской, Тверской, Ярославской и Вологодской губерній. Разумѣется, древніе пласты прикрыты сверху ледниковыми наносомъ съ характернымъ валунами, которые придаетъ пейзажу соотвѣтственный характеръ. Отложенія девонской системы простираются сперва широкой, а потомъ узкой полосой на с.-в. вдоль указанной выше границы гипсоваго массива и представлены въ нижнемъ отдѣлѣ сильно известковыми песками и мергелями (Шексинскій мергель), въ средненъ—известняками съ многочисленными остатками ископаемыхъ животныхъ и рыбъ, въ верхнемъ — красноокрашенными песчаниками и песками, идущими по окраинѣ восточной части площади девонскихъ отложеній и заключающими отпечатки древовидныхъ споровыхъ растеній того періода. Нижне-пермскія отложенія встрѣчаются еще въ с.-в. части губерніи, образуя здѣсь и въ З. отъ Сѣтъ-озера довольно значительный участокъ на гипсовомъ массивѣ. Всѣ эти отложенія заставляютъ думать, что въ девонскій періодъ вся часть Олонецкой губерніи была занята моремъ, омывавшимъ Скандинавскій массивъ съ ю. и в. моремъ, сперва мелкимъ, такъ какъ песокъ ложится въ береговой полосѣ или зонѣ, затѣмъ болѣе глубокимъ (известнякъ) и снова обмелѣвшимъ. Отложенія девонской системы постепенно переходятъ въ каменноугольныя, которыя, по любви девонскимъ, тянутся вдоль нихъ на с.-в. почти до с. Двины. Эти отложенія представляютъ с. часть Московскаго каменноугольнаго бассейна и состоятъ въ нижнемъ отдѣлѣ изъ рухляковыхъ сѣрыхъ известняковъ, а въ верхнемъ—бѣлымъ известнякомъ. Полоса сѣраго известняка, простираясь отъ Валдайскихъ высотъ до р. Онеги, представляетъ древній коралловый рифъ, образовавшійся въ то время, когда мелкое девонское море постепенно заливалось глубокимъ каменноугольнымъ, на днѣ котораго и отложился бѣлый мѣловидный известнякъ съ отпечатками глубоководной фауны. Дальнѣйшую геологическую исторію края невозможно пока прослѣдить даже въ общихъ чертахъ. Можно думать, что девонскіе и каменноугольные пласты простирались дальше на с. з., прикрывая архейскія и послѣдующія въ своемъ очередь позднѣйшія образованія, но о первомъ сильно сомнѣваются тѣмъ

ности островки девонскихъ отложеній, раскиданные по Скандинавскому массиву въ Финляндіи и Кольскомъ полуостровѣ), а отъ отложеній изъ кристаллическихъ породъ. Представляетъ ли уже съ того времени Скандинавскій массивъ большой островъ, или онъ хотя бы частями прикрывался юрскимъ моремъ, объ этомъ трудно судить, потому-что произошли по всѣмъ мѣстнымъ молодымъ кристаллическимъ сланцамъ сверхсильныя отложенія пермскаго пролива. Готъ же ледникъ принесъ послѣдніе отдѣлы (?) части Онежскаго края, прикрывъ его толщею своихъ отложеній и усѣявъ валунами. Мягкіе подстилающіе ихъ девонскіе и каменноугольные пласты не могли, подобно гнейсамъ и порфирамъ, оказать стирающей силѣ ледника серьезнаго сопротивленія и отсюда эта часть губерніи отличается гораздо болѣе покатымъ рельефомъ. Заполненныя впадины которыя дали ровныя пространства образованію озеръ и шумныхъ порожистыхъ рѣкъ. Зато разбитые трещинами каменноугольные пластины являются причиной возникновенія своеобразныхъ, перпендикулярныхъ исчезающихъ озеръ, расположенныхъ по Лодейнопольскому и Вытегорскому уѣздамъ (Шимозеро и Долгозеро—въ первомъ, Кушто, Уксе, Каче, Канское и Ангозеро—во второмъ).

Климатъ Олонецкой губерніи суровый и влажный, но въ сравненіи съ другими губерніями, лежащими въ благопріятномъ направленіи на климатъ Европы, онъ все-таки мягче, чѣмъ того можно было ожидать при этой широтѣ. Олонецкая губернія лежитъ какъ разъ въ той узкой сѣверной части Европы, гдѣ переходъ отъ морского климата къ материковому особенно рѣзокъ. Такъ, Ирондьемъ въ Норвегіи и Вардэ, тоже въ Норвегіи, имѣютъ среднюю температуру января 0°, а Петербургъ—12°, Вытегра—15°, Архангельскъ—16°, Мезень—20 (Петербургъ—9°, Москва—11°). Въ іюлѣ контрасты не такъ значительны. Норвежское побережье (Ирондьемъ) 14°, Финское побережье Ботническаго залива 14°, Петербургъ и Вытегра 17°, а въ тѣхъ же широтахъ на Уралѣ (отъ Петербурга 17°, Мезень 18°). Олонецкая губернія въ [illegible] Онего, отличаются [illegible] и повышенія температуры [illegible]. Особенно замѣтно [illegible] Ладожскаго озера. Зимой [illegible], климатъ которыхъ [illegible] Ладожскаго [illegible] Ладожскаго и сѣверное [illegible] горные перевалы

въ низинахъ среди болотъ; но уже небольшое повышеніе почвы выноситъ ее въ сухую атмосферу, куда не достигаетъ почное излученіе съ поверхности земли, и на «пескахъ» (скалахъ) и сельгахъ хлѣбъ не «зябнетъ». Расположенная на пути западныхъ вѣтровъ съ Атлантическаго океана, отъ котораго отдѣлена узкимъ Скандинавскимъ полуостровомъ и водами Балтійскаго моря и своихъ озеръ (испареніе съ которыхъ подираетъ вліяніе океана), Олонецкая губернія отличается большимъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ. Въ среднемъ для окрестностей Онежскаго озера оно 600—700 мм., но убываетъ отсюда во всѣ стороны и на сѣверъ скорѣе чѣмъ на югъ (въ с. ч. губерніи 400—300, въ ю.— 600—500 мм.). Наибольшее количество приходится на осень (іюль, августъ), когда дожди часты и продолжительны, между тѣмъ какъ конецъ весны и начало лѣта самое сухое время года.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

## Флора, фауна и связанныя съ ними промыслы: осушеніе болотъ, подсѣки, лѣсной промыселъ, охота, ловъ рыбы.

Низкія температуры и обиліе осадковъ съ одной стороны, водоупорная подпочва кристаллическихъ породъ и, въ общемъ, ровный, но капризно-мѣняющійся рельефъ—съ другой являются причиной возникновенія наряду съ озерами громаднаго количества болотъ, большею частью торфяниковыхъ. Болота эти встрѣчаются вездѣ и нерѣдко обширныхъ размѣровъ; такъ болото Тайбохмохъ въ Повѣнецкомъ у. имѣетъ въ окружности около 150 в. и такихъ болотъ извѣстно нѣсколько въ Петрозаводскомъ и Вытегорскомъ у.у. Образованію ихъ способствуетъ застаиваніе воды или чуть замѣтное движеніе ея. Обыкновенный процессъ возникновенія болота таковъ: бассейнъ стоячей воды начинаетъ затягиваться вдоль береговъ водорослями, распространяющимися постепенно до середины. На пленкѣ водорослей поселяется затѣмъ мохъ, слоевища котораго, отмирая нижними частями и нарастая верхними, понемногу заглушаетъ водоросли и заполняетъ бассейнъ массой медленно разлагающихся органическихъ веществъ

Моховой слой, въ свою очередь, образуетъ почву для высшихъ растеній, и на болотѣ появляются хвощи, осока, камышъ, пушица и др. Эти растенія уже настолько увеличиваютъ ея растительный слой и уплотняютъ почву, что на болотѣ появляются кустарники, а за ними и деревья. Но корни деревьевъ, пронизывающіе имъ опору почву, окунаются растущими концами въ воду и начинаютъ гнить, вслѣдствіе чего такія деревья вскорѣ засыхаютъ, легко валятся вѣтромъ и, погружаясь въ болото, увеличиваютъ разлагающуюся въ немъ растительную массу. Иногда однако деревья грузнутъ въ болото отъ собственной тяжести. Болота Олонецкой губерніи представляютъ всѣ стадіи такого образованія, и нерѣдко масса заполняющаго ихъ торфа достигаетъ мощности въ 12 саженъ. Низкая температура почвы и почвенныхъ водъ является причиной, почему разложеніе органическаго вещества торфа не идетъ до конца, останавливаясь въ конечномъ своемъ моментѣ на появленіи разныхъ органическихъ кислотъ (ульминовая, гуминовая и др.); эти то кислоты, повидимому, и суть причина, почему торфъ такъ хорошо предохраняетъ отъ разложенія различныя попавшія въ него тѣла, какъ напр. трупы животныхъ.

Нѣкоторыя изъ болотъ доступны осушкѣ, послѣ которой превращаются въ баснословно плодородные для этой мѣстности участки. Но осушеніе даже небольшого болотца есть подвигъ, который большею частью не по силамъ одному человѣку и даже отдѣльной семьѣ или малолюдному поселку, а потому нерѣдко случается, что многія селенія соединяются въ одну рабочую общину для совмѣстной осушки и пользованія болотомъ. Такъ для осушенія болота въ Туксинской дачѣ соединилось въ свое время 33 селенія съ населеніемъ въ 837 душъ. Они два года рыли канавы, потомъ два года выжигали болота и, наконецъ, засѣяли горѣлое мѣсто хлѣбомъ. Посѣвы на такихъ осушенныхъ участкахъ даютъ въ первые годы колоссальные урожаи —самъ 25, тогда какъ обычный урожай здѣсь самъ 3, рѣдко самъ 4! Въ глухихъ деревняхъ Олонецкой губерніи, среди обнищалаго населенія, нерѣдко можно встрѣтить зажиточнаго крестьянина, у котораго домъ — полная чаша. И однако, это не кулакъ, не торговецъ, онъ —разбогатѣлъ съ болота. Сначала онъ былъ такъ же бѣденъ, какъ сосѣди, потомъ, съ громаднымъ трудомъ и лишеніями, осушилъ болотце, засѣялъ его и три — четыре года сряду снималъ великолѣпный урожай, благодаря которому успѣлъ обзавестись скотомъ; послѣ этого онъ запуститъ болотце подъ сѣнокосъ, ко-

торый позволялъ ему кормить скотъ, а скотъ давалъ столько удобренія, что крестьянинъ не только возстановилъ имъ плодородіе стараго пахатнаго участка, но и завелъ новую пашню. Казалось бы вотъ одно изъ средствъ, которымъ можно было-бы поднять благосостояніе мѣстнаго обниженнаго природой крестьянства, и однако ни земство, ни правительство не ударило пальцемъ о палецъ, чтобы оказать помощь крестьянамъ въ дѣлѣ осушки болотъ. Правда, земство произвело въ 1879 г. изслѣдованіе 17 болотъ, но цѣль этихъ работъ заключалась не въ содѣйствіи населенію, которое само въ равное время принималось за осушительныя работы, причемъ неумѣлое проведеніе канавъ заливало и осушенная площадь заболачивалась вторично, а улучшеніе ремонта земскихъ дорогъ! Однако, не всѣ болота доступны осушкѣ; среди нихъ есть такъ называемыя оргіи, узкія, извилистыя полосы, поросшія лѣсомъ, съ крутыми склонами и каменистымъ дномъ, осушеніе которыхъ требуетъ непомѣрныхъ денежныхъ затратъ.

Еще большія пространства, чѣмъ болота, занимаютъ лѣса, площадь которыхъ обнимаетъ собою въ общемъ половину земель губерніи (изъ 11.424.501 дес. на лѣсъ приходится 6.251.972 дес.). Лѣсная растительность до такой степени сильна, что лѣпится везлѣ, гдѣ отыщетъ себѣ хоть вершокъ подходящей почвы; чуть только въ ямки и щели утесовъ попадетъ мелкій щебень, едва успѣетъ онъ пропитаться пылью, покрыться пометомъ птицъ и животныхъ, перегноемъ травы и мха, какъ уже на скалѣ появляется тощая сосна и растетъ, запуская корни въ щели, обнимая ими глыбы камня. Лѣсъ состоитъ преимущественно изъ сосны и ели, къ которымъ въ в. части губерніи, въ бассейнѣ р. Оцеги, примѣшивается лиственница; изъ лиственныхъ породъ встрѣчаются береза, осина, ива и черная ольха, между которыми попадается черемуха, рябина и изрѣдка липа, кленъ, вязъ, яблоня; эти впрочемъ только въ ю. половинѣ губерніи и въ заолежьѣ.

Хвойный лѣсъ убиваетъ вокругъ себя остальную растительность и обращаетъ почву въ дикое состояніе; съ хвойныхъ деревьевъ осыпаются на землю иглы, которыя загрязняютъ траву, почему хвойные лѣса поросли по низу однимъ верескомъ и мохомъ. Кромѣ того лѣсъ затѣняетъ землю отъ солнечнаго свѣта, поддерживаетъ въ почвѣ постоянную влажность и холодъ и питаетъ громадныя болота, отъ которыхъ по ночамъ поднимаются холодные туманы, часто истребляющіе ближайшіе хлѣбные посѣвы.

Кромѣ вереска, встрѣчаются другія ягоды: брусника, черника, земляника, голубика, куманика (мамура) и костяника, а на болотахъ клюква и морошка; очень обыкновенны также малина, смородина и калина, можжевельникъ и грибы разныхъ сортовъ, изъ которыхъ рыжики составляютъ немаловажную статью дохода въ Каргопольскомъ и Вытегорскомъ уѣздахъ. Въ садахъ южной части губерніи при уходѣ растутъ желтая акація, сирень, дубъ, тополь, крыжовникъ и яблоня. Лѣсъ Олонецкой губерніи представляетъ настоящую тайгу; на песчаныхъ мѣстахъ повыше—это высокія, могучія сосны, стоящія довольно рѣдко и почти безъ подлѣска, въ другихъ мѣстахъ громадныя разныхъ породъ деревья раскинули свои кроны высоко въ небо, а внизу, на волнистой почвѣ, подъ неровностями которой глазъ угадываетъ обросшіе мохомъ валуны, пни и полусгнившіе стволы павшихъ деревьевъ, густой плетень стоитъ молодникъ, темнѣютъ громадные можжевельники и тутъ же сплошь и мягко облѣпленные мхами лишь растопыренные корни вывороченныхъ вѣтромъ или подточенныхъ гнилью лѣсныхъ гигантовъ разверзаютъ подъ собой черныя пасти пещеръ—пріютъ медвѣдей или волка. Все густо одѣто мохомъ, который фантастически свѣшивается съ вѣтвей, охватываетъ пушистымъ покровомъ торчащіе во всѣ стороны сучья валежника и придаетъ всему пейзажу дикій и зловѣщій видъ, особенно когда проляжется сквозь эту чащу въ полумракѣ бѣлой ночи. Ни одинъ звукъ не нарушаетъ мрачнаго безмолвія; только иногда въ сторонѣ слышно журчаніе—это широкая рѣчка пѣнится по валунамъ, или вѣтеръ погладитъ верхушки, и они рокочутъ и шепчутся, тихо и важно шевеля вѣтвями. Мѣстами лѣсъ прерывается болотомъ или глухимъ озеромъ, или открывается прогалина, усѣянная рядами обрубленныхъ и почернѣлыхъ отъ огня стволовъ, среди которыхъ тамъ и сямъ остались увядать и сохнуть отдѣльныя деревья. Это подсѣка или палъ какого нибудь крестьянина, расчищающаго мѣсто подъ ниву. Но безмолвіе лѣса не значитъ, что онъ необитаемъ, наоборотъ олонецкіе лѣса довольно густо населены всякимъ звѣремъ и дичью. Самые обычные обитатели его волкъ, бѣлка, бурый медвѣдь да лисица, кромѣ которыхъ изъ крупныхъ звѣрей встрѣчаются барсукъ, россомаха, рысь, выдра, лось и дальше на сѣверѣ сѣверный олень, а изъ мелкихъ — заяцъ, куница, горностай, ласка и норка. Еще недавно водился бобръ, но теперь онъ вовсе истребленъ. На озерахъ живетъ разный народъ утки и гагары, свои крики которыхъ далеко разносятся по пустынной

ганы тоже, кромѣ того пишутся, лобель и чапли, а въ обширныхъ лѣсахъ и вообще встрѣчаются глухарь, черныя тетерева, рябчики, бѣлая и сѣрая куропатка, на болотахъ кулики и другія болотныя птицы, въ томъ числѣ дупелей и крупныхъ хищныхъ птицъ попадаются орелъ, соколъ и ястребъ, также филинъ и сова.

Такое распространеніе лѣса, налагая свои отпечатокъ на всю природу страны, естественно не осталось безъ вліянія на бытъ населенія и его промыслы. Дѣйствительно, подсѣка, лѣсъ доставляетъ наибольшій заработокъ мѣстному жителю. Онъ окружаетъ оголенныя со всѣхъ сторонъ, подступая къ самой оградѣ его жилища и простираясь на многія версты между рѣдкими селеніями крестьянъ. Не даромъ говорятъ про нихъ: «въ лѣсу живутъ, имя Богу молятся». И какъ не молиться имъ, когда недостатокъ пашенъ и сѣнокосовъ выгоняетъ мужика въ дремучій лѣсъ и вынуждаетъ его вступить въ борьбу съ нимъ, изъ которой человѣкъ выходитъ побѣдителемъ лишь съ напряженіемъ всѣхъ силъ, и то если ему не мѣшаютъ другіе люди, которыхъ одинъ изъ изслѣдователей края охарактеризовалъ названіемъ «охранителей казеннаго интереса». Врѣзаясь въ лѣсную чащу, человѣкъ спасъ давнія времена былъ принужденъ валить лѣсъ и превращать удобныя участки его подъ пашню. Если былъ въ силахъ, онъ непремѣнно, съ всю груду повалившагося лѣса и на удобренной такимъ образомъ землѣ сѣялъ хлѣбъ, запускалъ ее подъ сѣнокосъ. Эта первобытная система хозяйства называется «подсѣчной» или «огневой», а расчищенные участки—«подсѣками» и «палами». При недостаткѣ скота, сѣнокосовъ и пахоты, подсѣчное хозяйство даетъ земледѣльцу большія выгоды. Оно не только увеличиваетъ количество пашни, но и позволяетъ держать больше скота, получать больше навоза, который повышаетъ плодородіе главной пашни. Но въ то же время разработка подсѣкъ настолько тяжелый, чисто каторжный трудъ, что невозможна какъ постоянное хозяйство. И отсюда оголенный крестьянинъ, какъ только справится съ нуждой и немного станетъ на ноги, сейчасъ-же норовитъ осушить болотце или разработать удобный клочекъ лѣса подъ постоянную и правильную пашню и на сѣнокосъ и забрасываетъ свои подсѣки. Такимъ образомъ подсѣчное хозяйство представляетъ неизбѣжный переходъ отъ первобытной подвижной и хищнической культуры къ правильному постоянному хозяйству. Такъ это было въ разныя хозяйства всѣ и въ тѣсныхъ странахъ, и то же самое повторяется въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ, стремящемся къ устойчи-

ному равновѣсію въ тѣлѣ затраты силъ и полученія продуктовъ. Когда на сѣверѣ казенный интересъ не охранялся еще такъ ретиво, какъ впослѣдствіи, и русскій человѣкъ, работникъ и колонизаторъ, вносившій съ собою культуру въ дремучія добри, не былъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ распоряженіями, которыя не только били его по ногамъ, но жизнь, но даже вторгались въ его семейный обиходъ и въ самую душу, разработка подсѣкъ давала широкую точку опоры развитію осѣлости, хозяйства и богатства. Но впослѣдствіи все сказалось пнемъ на корню лѣсъ оказался «казеннымъ», его надо было охранять или извлекать изъ него выгоды, продавая лучшіе участки хищнику лѣсопромышленнику и отгоняя подальше мужиковъ, подсѣки которыхъ разводятъ одни пожары. Между тѣмъ не могутъ понять, что губительныя для лѣсовъ подсѣки приносятъ въ этомъ лѣсномъ краѣ гораздо меньшій убытокъ самой же казнѣ, чѣмъ постоянные недоборы податей съ населенія губерніи, которая никогда своимъ хлѣбомъ обойтись не можетъ; чѣмъ періодическія затраты на помощь крестьянамъ, голодающимъ отъ частыхъ неурожаевъ, чѣмъ наконецъ громадные убытки, которые несутъ сами крестьяне, живущіе малоземелью, въ краю, гдѣ земли и лѣсу, хоть отбавляй и гдѣ даже нѣтъ помѣщиковъ, интересы которыхъ требовалось бы охранять отъ притязаній мужицкаго сословія. Казалось бы, что истинный государственный интересъ требовалъ быстраго заселенія страны и подъема благосостоянія населенія хотя бы путемъ временнаго хищническаго хозяйства (какъ это всегда происходило во всѣхъ вновь колонизируемыхъ странахъ, что не мѣшало имъ перейти въ свое время къ правильному эксплуатированію народныхъ богатствъ; на дѣлѣ же мы видимъ какъ разъ противное: всюду регламентація, и регламентація не доморощенная, учиняютъ ее не мѣстные дѣятели, знающіе по крайней мѣрѣ жизнь края, а пріѣзжіе люди съ кокардой, заброшенные сюда судьбой и чающіе дня и часа, когда имъ можно будетъ выбраться назадъ. Регламентація эта захватываетъ подъ собой почву, пока не натыкается на такіе насущные интересы обывателей, гдѣ ей уже невозможно подчиняться просто ради сохраненія «живота». Тогда начинается глухая борьба, въ которой регламентація сохраняетъ не болѣе какъ свою «форму», а обыватель терпитъ уронъ въ самомъ существенномъ; въ результатѣ—жалкое влаченіе существованія при наличности фразы: «все обстоитъ благополучно». Однимъ изъ эпизодовъ такого убійственнаго натиска регламента-

ши, притомъ въ мѣстности, гдѣ всего лѣта и подмигать подъ себя, если не считать безвредной вѣры въ силу двуперстія и восьмиконечнаго креста, была борьба казни съ олонецкими и вообще съ сѣверными мужиками за полѣнья. Но гдѣ предъявляется требованіе принять регламентацію и голодать съ перспективой испустить духъ отъ истощенія, тамъ даже тихій олонецкій карелъ теряетъ способность подчиняться, и регламентація должна была спасовать. Эта борьба, не закончившаяся и до сего дня, хорошо описана въ книгѣ г. Приклонскаго, и не станемъ ее повторять здѣсь. Послушаемъ какъ описываетъ онъ работу на полѣнья:

«Едва весеннее солнце стопитъ снѣгъ, какъ оголтѣлый,—приземистый крѣпышъ отправляется въ лѣсъ. На деревьяхъ еще только распускается листъ, и холодъ такъ силенъ, что нѣтъ возможности снять съ себя тяжелую зимнюю одежду. На крестьянинѣ, поверхъ синей холстинной или розовой ситцевой рубахи, надѣта еще вязаная изъ толстой шерсти рубашка, длиною по колѣсъ, а на ней овчинный полушубокъ, да на полушубокъ суконный кафтанъ, подпоясанный кушакомъ; на головѣ — баранья шапка. Тяжела такая одежда для весны, когда въ другихъ, болѣе южныхъ мѣстахъ уже цвѣтетъ ландышъ и свищетъ соловей. Но что подѣлаешь, когда нѣтъ еще тепла въ сѣверной сторонѣ, а въ лѣсахъ, по низинамъ и оврагамъ, кое гдѣ лежитъ снѣгъ. Узкою, елва замѣтною, лѣсною тропинкою пробирается крестьянинъ, тяжело шлепая по лужамъ неуклюжими сапогами изъ бѣлой кожи, поль которыми для тепла обуты суконныя онучи.

Съ тропинки крестьянинъ свернулъ въ лѣсную чащу и все идетъ впередъ, осторожно пробираясь мимо камней, перелѣзая черезъ поваленныя вѣтромъ деревья, обходя болота и крутыя скалы, переправляясь черезъ ручьи.

Въ лѣсу онъ свой человѣкъ. — Каждый русскій знаетъ, всѣ шестья еще мальчишкою облазилъ, всѣ сельги во время осенняго полѣсья (охоты) обходилъ, около болота зимою на лѣсной заготовкѣ работалъ. Но лѣсъ такъ обширенъ и дикъ, что иной разъ крестьянинъ съ недоумѣніемъ останавливается и, оглядываясь по сторонамъ, соображаетъ: куда онъ зашелъ? Куда далѣе путь держать? По направленію сучьевъ сосенъ и ели онъ отыскиваетъ сѣверъ и безошибочно направляетъ свой путь далѣе.

Наконецъ предъ нимъ знакомая сельга, а вотъ и памятная кривая береза, на которой осенью въ лонскомъ году (осенью въ прошломъ году) онъ сдѣлалъ зарубку топоромъ, ког-

[illegible] (осина) [illegible] Съ глубокимъ [illegible] они [illegible] [illegible] [illegible]

хорошенько прогорѣли древесные корни и дубровая (дернъ). Некрасивѣетъ въ глазахъ сихъ, дымъ застилаетъ дыханіе, а мужикъ обязанъ себѣ въ отвѣтъ, какъ грѣшникъ въ аду на картинѣ страшнаго суда. Всѣ такой работы рѣдкій не страдаетъ воспаленіемъ глазъ, но мало кто думаетъ объ этомъ, поглощенный одною мыслью, одною заботой—добыть хлѣбушка семьѣ. Но до хлѣбушка еще далеко. Того и гляди, поднимется сильный вѣтеръ и снесетъ съ горы или палой драгоцѣнную сажу и пепелъ, попустуетъ развѣетъ ихъ по дикому лѣсу, и тогда даромъ пропадетъ мученическій трудъ мужика. Оттого крестьянинъ спѣшитъ, какъ можно скорѣе, очистить палъ отъ несгорѣвшихъ деревьевъ и взорать землю. Трудно сказать, что тяжелѣе—выжиганье ли подсѣки, или орка. Орютъ особою сохою съ болѣе прямыми сошниками и безъ полицы, поднимая землю не глубже 1/2 вершка. Соха то и дѣло задѣваетъ за корни, такъ что пахарь все время долженъ нести ее на себѣ, то опуская грядь, то поднимая вверхъ. Тутъ нужны и опытный пахарь и привычная лошадь, иначе, того и гляди, сошка задѣнетъ за пень или корень и переломится. За сохою прямо сѣютъ зерно и потомъ боронуютъ деревянными боронами, сплетенными изъ словинъ плахъ съ длинными сучьями вмѣсто зубьевъ. На подсѣкѣ дѣлаются 2—3 посѣва, рѣдко болѣе, и потомъ она запускается подъ лѣсную заросль лѣтъ на 20—25. Чѣмъ глубже на сѣверъ, тѣмъ медленнѣе растутъ деревья, и оттого подсѣки запускаютъ подъ заросль на болѣе продолжительный срокъ, даже до 60 лѣтъ.

Если сравнить мученическій трудъ крестьянина при разработкѣ подсѣкъ съ воздѣлываніемъ постоянныхъ пахотныхъ полей, то послѣднее покажется не трудомъ, а забавою. Отсюда понятно какъ велика нужда, которая гонитъ крестьянина въ лѣсъ расчищать подсѣки. Но это кровная нужда не принимается въ расчетъ, и крестьянину болѣе полутораста лѣтъ приходится обороняться отъ законодательныхъ и административныхъ запрещеній и стѣсненій свое исконное право—расчищать лишній лѣсъ, который, по народному воззрѣнію, есть Божій даръ, выросшій по Божьему произволенію на потребу всѣмъ людямъ».

Обиліе лѣса, который самъ понемногу зарастаетъ опустошенные участки, позволяетъ относиться къ нему небрежно, пользуясь отъ него, чѣмъ возможно. Особенно страдаетъ въ молодомъ возрастѣ береза, мягкая кора которой идетъ на всевозможныя подѣлки; тутъ и бураки, и короба, и крошки (сумки для переноски вещей),

а въ глуши можно встрѣтить берестяные сапоги, витья изъ бересты веревки, конскую сбрую, посуду для варки пищи, какъ напр. берестяные котлы, возвращающіе насъ въ доисторическую эпоху, къ зарѣ гончарнаго искусства, а по порогамъ, олончане, на подобіе американскихъ индѣйцевъ, плаваютъ порою въ челнахъ, прошитыхъ, за неимѣніемъ гвоздей, ивовыми прутьями. Помимо подсѣки, матеріала для построекъ и домашнихъ подѣлокъ, лѣсъ доставляетъ населенію еще другіе заработки, которые подчасъ представляютъ не болѣе какъ крохи, падающія съ чьего то роскошнаго стола; это лѣсныя работы и охота на дичь. Лѣсныя работы, заключающіяся въ рубкѣ и сплавѣ строевого лѣса, распилѣ его на доски и брусья, заготовкѣ дровъ и т. п. занимаютъ важное и именно второе мѣсто въ хозяйственной дѣятельности края, что видно уже изъ количества заготовляемаго и вывозимаго матеріала. Такъ въ 1895 г. по всей губерніи было заготовлено лѣсныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ дачъ — 555.757 бревенъ и 86.655 куб. саж. дровъ, изъ частныхъ 580.459 бревенъ и 39.763 куб. саж. дровъ, изъ крестьянскихъ—16.335 бревенъ и 19.280 куб. с. дровъ. Всего значитъ: 1.152.551 бревенъ 145.701 куб. саж. дровъ. Въ разрядѣ фабрично-заводской дѣятельности (если о такой можно говорить въ Олонецкой губ.) на долю 11 лѣсопильныхъ заводовъ приходится 59% общей суммы производства, въ 2.831.200 р., стало быть 1.676.308 р. (1895 г.). Эта масса лѣснаго матеріала могла бы возрости въ нѣсколько разъ при раціональномъ лѣсномъ хозяйствѣ и улучшеніи путей сплава, но объ этомъ мало кто думаетъ. Такъ какъ многочисленныя рѣки страны растекаются на три ската (гл. водораздѣлъ это Масельга), именно: къ Бѣлому морю, къ Финскимъ озерамъ и къ озеру Онего, то и сплавъ распредѣляется по тремъ направленіямъ. Для Бѣлаго моря главной сплавной артеріей, кромѣ нѣсколькихъ однобокихъ рѣкъ, какъ напр. Кемь, является Выгъ; начинаясь далеко на югѣ, онъ пробѣгаетъ 90 верстъ и вливается въ Выгозеро (927 кв. верстъ); въ Выгъ впадаютъ быстрыя полноводныя рѣчки Лекса и Кумбакса съ Вожмой, а тамъ гдѣ онъ снова чрезъ Надвоицкій проходъ вырывается изъ Выгозера, чтобы, пробѣжавъ 90 в., пасть въ Бѣлое море, широкая Онда вноситъ въ него обильныя воды Ондозера и цѣлой системы мелкихъ озеръ. Не одинъ Выгъ питаетъ Выгозеро, такъ какъ съ юга въ него падаетъ широкая Тежкина, а съ запада Сегежа. Сандала тожъ; она вытекаетъ изъ глухой Карелии, образуетъ на пути Машозеро и Сяргозеро, впадаетъ въ Сегозеро

(1033 шт.), уступая только Онего), принимающее въ себя Сегежу и Окерекую рѣку, и отсюда уже ноть имѣемъ Сегежи плавъ въ Выгъ. Единственно, что затрудняетъ и замедляетъ сплавъ, это мѣлочистые плесы горъ, убранные могилами тѣхъ безвѣстныхъ труженниковъ, которымъ дана и своя гонка безъисходная нужда. Главная масса строеваго лѣса идетъ по этой артеріи въ Бѣломорскіе порты, гдѣ ими грузятся иностранные суда. Финскій бассейнъ гораздо меньше Бѣломорскаго, и сплавной артеріей для него служитъ р. Ювгера съ притоками Сѣверкою и Тулосъ. Наконецъ къ Онежскому бассейну принадлежатъ всѣ сплавныя рѣки, впадающія въ Онего, какъ напр. Повѣнчанка, Кумса, Суна, Шуя, Вытегра, Мегра, Андома, Волга и другія. Сплавляемыя сюда бревна большею частью расплываются на доски и брусья на мѣстныхъ лѣсныхъ заводахъ и въ такомъ видѣ отправляются въ Петербургъ. Рубкою и сплавомъ лѣснаго матеріала занимается нѣсколько крупныхъ фирмъ, въ томъ числѣ извѣстные Петербургу Громовы, но выгонка лѣса производится ими не прямо, а часто чрезъ посредство рядчика, который изъ того малаго, что ему перепадетъ на наемъ рабочихъ, утягиваетъ нѣкоторую толику дѣтишкамъ на молочишко. Рядчикъ, обыкновенно, свой же крестьянинъ, только по сютнѣе другихъ, онъ обязуется доставить на мѣсто ко времени вскрытія рѣкъ извѣстное число рабочихъ, гонишковъ, которыхъ онъ подряжаетъ еще зимою, разсовывая имъ задатки и выправляя имъ въ волости билеты.

Многіе лѣсопромышленники производятъ лѣсныя заготовки всегда въ своемъ округѣ, которою завладѣваютъ такъ крѣпко, что ужъ никакой другой промышленникъ не сунется сюда, потому что всѣ мѣстные крестьяне, стало быть единственные рабочіе, находятся поголовно въ неоплатныхъ долгахъ своему «хозяину», и уплачиваютъ свои долги работой. Очень часто задолжавшіе крестьяне остаются вѣчными работниками своихъ кредиторовъ, навсегда утерявъ надежду выскочить изъ этой кабалы. Обыкновенно хозяева не объявляютъ впередъ заработной платы, объявляя разсчитать своихъ рабочихъ наравнѣ съ прочими—«какъ люди, такъ и мы». Пока продолжается работа хозяева стараются не выдавать рабочимъ деньги на руки, а открываютъ имъ кредитъ въ собственныхъ лавочкахъ и такимъ образомъ обиваютъ лишь записью заразъ и товаръ плохой сбываютъ, и цѣну на него ставятъ высокую. Практикуются, конечно, и другія мошенничества, особенно если рабочіе безграмотны и не въ состояніи учесть свой заборъ.

Зато мужик работает, обыкновенно, весь день, пока не кончится сумма дня, и за работою по прежнему остается старый долг, который заставляет его на новую работу. Мужик чувствует, что его обирают, но ничего поделать не в состоянии, и часто съ горя и досады бросает свое поле на произвол и тотъ отъ года все крѣпче увязаетъ въ расставленныя сѣти.

Выгонка продолжается со вскрытія до 15—20 іюня, а рабочая пора колеблется смотря по опытности плотника и времени, между 50 к. и 1 р. 20 к. 1 р. 50 к. въ день. Іюль предшествуетъ рубкѣ лѣса и его вывозкѣ къ сплавной рѣкѣ, на которую карелъ выходитъ также еще зимою. На озерахъ или вѣсколькихъ ближайшихъ, съ запасомъ пищи выѣзжаетъ онъ къ Новому году въ лѣсъ и рубитъ и возитъ до 1 Марта, когда рѣчники начинаютъ просачиваться сквозь толщу снѣга. Вывозочныя бревна на лодь, рубщики, большею частью мѣстные крестьяне, возвращаются по домамъ, закупивъ на скудный заработокъ мукицы, потому что сѣно уже пришло къ концу. Изъ мѣста занимаютъ гонщики. Бревна, клейменыя знакомъ собственника куска, по вскрытіи рѣки плывутъ на плыхъ до ближайшаго озера, гдѣ ихъ собираютъ въ кошели, пріемъ, изобрѣтенный какимъ то мѣстнымъ геніемъ и заключающійся въ томъ, что изъ 200 бревенъ, связанныхъ концами, устраиваютъ на водѣ кругъ, куда впихиваютъ остальныя бревна, которыя плаваютъ въ немъ совершенно свободно; это-то свободное плаваніе ихъ въ кошелѣ устраняетъ разбой бревенъ отъ бури. Въ серединѣ кошеля устраивается особый плотъ—головня съ досчатой хижиной—пріютомъ гоньщиковъ. Когда кошель входитъ въ рѣку, головню отвязываютъ, а развязки кошеля предоставляютъ порогамъ. Бревна тѣмъ плывутъ черезъ пороги, что, дѣло привязываясь къ берегамъ, отталкиваются отпихиваются ихъ баграми. «Но вотъ и пороги!» съ шумомъ и плескомъ перелетаютъ бревна, словно играючи, черезъ камни, но вотъ одно бревнышко зацѣпилось за камень, къ нему пристало другое, третье, сотое, двѣ даже. Заволновался народъ на берегу, готовятъ лодку—начало разломать «заторь». Лодка отчалилась, ребятишки крестятся. Бойко вскакиваютъ они на заторь и баграми начинаютъ разламывать его: бревно за бревномъ отталкиваютъ рабочіе отъ затора, постѣпенно все уменьшается—наконецъ остается съ десятокъ бревенъ всего. Тогда лодка отчаливаетъ и съ трудомъ добирается до берега—на заторѣ остается

[1] Майковъ, „Поѣздка въ Обонежье и Карелію", стр. 265

одинъ много тысячъ молотовъ. На берегу снова крестятся. Вотъ затормозилъ колчинъ на послѣдокъ бревно, на которомъ онъ стоитъ, оно отрывается и съ быстротой молніи несется внизъ. Молодчина крѣпко втыкаетъ въ него свой багоръ, устанавливается и стоя, проносится по порогу. Крикъ одобренія вырывается у зрителей, да и есть, признаться, чему! Картина дивная! Ловкость необычайная! «И все такъ счастливо проходитъ»? спрашиваете вы. «Много нашего брата тутъ по Сегежѣ разбросано», спокойно отвѣчаютъ вамъ, и то, чѣмъ вы сейчасъ любовались, опротивѣетъ вамъ, когда вы вспомните, что могли бы быть свидѣтелемъ смерти человѣческой изъ-за 1 р. 20 к. въ 7 рабочихъ дней! А приказчики часто поощряютъ, или дожидаютъ только съ берега».

Такъ описываетъ сплавъ на порогѣ Мандоми. Я самъ видѣлъ колоссальные заторы на Норъ-порогѣ и Гирвасѣ, но тамъ не можетъ быть и рѣчи о сносѣ рабочаго по порогу на бревнѣ—разобьетъ въ дребезги, какъ хочетъ въ щепы громадная бревна. Тамъ для устраненія затора поступаютъ на перекинутомъ съ берега на берегъ канатѣ люльку, изъ которой гонщики, работая баграми, разворачиваютъ заторъ. Удивительно, что большая часть ихъ, работая чуть не всю жизнь на водѣ, не умѣетъ плавать, почему, въ случаѣ несчастія, они тонутъ самымъ жалкимъ образомъ. Пройдя нѣсколько озеръ и порожистыхъ рѣкъ, бревна подходятъ къ заводу, гдѣ ихъ вытаскиваютъ на доски и складываютъ въ штабели въ ожиданіи погрузки на баржу.

Кромѣ того что крестьянинъ «хочетъ рубить, рѣжетъ» лѣсъ, онъ беретъ съ него еще другую дань—дичь. Много всякой дичи и звѣрья водится въ лѣсистыхъ мѣстахъ. Обширныя и коренныя обширныя болота заселили водяныя курочки, кроль-тарелки и пищухи, бекасы, которые питаются на нихъ всякою ягодою, болотными слизьянами, червячками и прочею тряпью. На рѣкахъ и озерахъ плаваютъ стаями утки (кряквы, чирки, нырки и другія разновидности), гуси, лебеди, гагары, держась по мелководью и близи зарослей осоки и камыша, гдѣ много всякой снѣди. Но охотничій элементъ остается втунѣ (особенно лебеди, ибо кто лебедя убьетъ, тому плохо будетъ—сгоритъ), потому что эти дичи избѣгаютъ сами, а сами не ѣдятъ—заряды больно дороги. Главное вниманіе обращено на крупную лѣсную дичь, которая остается зимовать въ отдаленныхъ лѣсахъ. Тетеревъ и рябчикъ держатся въ шестенныхъ лѣсахъ, то въ ельникѣ, то въ сосникѣ, куропатки любятъ глухія мшистыя корбы, бѣлая куропатка кормится по ивнякамъ

кликун, а сѣрая часто посѣщаетъ ржи и овсы и нерѣдко водится около самаго жилья.

Изъ звѣря главное значеніе имѣетъ бѣлка, которая, какъ и рябчикъ, бываетъ то сосновая, то еловая, и которой такъ много, что ее встрѣчаешь на каждомъ шагу; говорятъ, однако, что бѣлка рѣдѣетъ и не столько отъ истребленія человѣкомъ, сколько отъ какихъ-то бѣличьихъ падежей или моровъ. Рѣже встрѣчается горностай, который водится по боровымъ мѣстамъ, еще рѣже удается выслѣдить выдру, мѣхъ которой цѣнится высоко. Въ мелкомъ ельникѣ водится куница, она нерѣдко забирается въ бѣличье гнѣздо, вытѣсняя оттуда хозяевъ. Наконецъ всюду встрѣчается заяцъ, доставляющій легкую добычу лисицы (краснобурой, черно-бурая очень рѣдка) и волкъ, который удостаивается зимой своимъ вниманіемъ, когда ему не посчастливится взять крестьянскаго стада. Рогатый лось и сѣверный олень (отъ Сегежи на сѣверъ и по Выгу) обычные обитатели олонецкаго лѣса, настоящимъ хозяиномъ котораго является однако бурый медвѣдь, да его вассалъ и оруженосецъ волкъ. Но объ нихъ ниже. Охота на лѣсную дичь очень распространенное занятіе, особенно въ Повѣнецкомъ и Пудожскомъ уѣздахъ; здѣсь чуть не у каждаго крестьянина есть ружье винтовка. Но что это за ружья! Стволъ стариннаго этнографическаго издѣлія, инвалидъ еще дѣловыхъ временъ, насаженъ и прикрѣпленъ къ самодѣльному и неуклюжему ложу проволокой, а то такъ веревкой. Замокъ у одного вилѣшнаго мною ружья самопроизвольно вывинчивался изъ гнѣзда, а взводъ курка такъ стерся, что охотникъ во время прицѣла держалъ его пальцемъ, не прибѣгая для спуска къ собачкѣ. Попадаются и кремневки. Про свои ружья мужики сами говорятъ: «ствотъ со Щукина, ложе съ Лыкина, замокъ съ Казани, курокъ съ Рязани, а забойникъ (шомполъ) дядя изъ полѣна сдѣлалъ». И вотъ съ такимъ оружіемъ олончанинъ шляется по лѣсу, гдѣ того и гляди напнешься на медвѣдя, но привычка къ звѣрю выработала хладнокровное отношеніе къ нему, такъ что мужикъ не очень-то опасается такой встрѣчи. Стрѣляютъ тамошніе охотники мѣтко, но только изъ своихъ ружей, къ которымъ привыкли; бѣлку бьютъ маленькой пулькой непремѣнно въ ротъ, чтобы не испортить шкурки, рябчика—въ голову, медвѣдя между глазъ. Главнымъ предметомъ охоты тетеревъ и рябчикъ. Зная родной лѣсъ, какъ свои пять пальцевъ, охотникъ примѣчаетъ мѣста, которыя тетерева облюбовали подъ токъ или куда они слетаются весною и осенью клевать

пишки и, разставивъ по деревьямъ пучела, самъ салится въ шалашикъ и бьетъ прилетающихъ птицъ. Весною и осенью ихъ ловятъ также силками, а зимою ходятъ съ сакомъ, т. е. сѣтью на обручѣ діаметромъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина, а обручъ насаженъ на длинный шестъ. Высмотрѣвъ мѣсто въ снѣгу, гдѣ тетерева зарываются на ночь цѣлою компаніею, прижавшись для тепла другъ къ другу, охотникъ подбирается къ нимъ ночью съ товарищемъ, который освѣщаетъ путь лучиною въ то время, какъ тотъ ловко накрываетъ сакомъ весь тетеревиный ночлѣжный пріютъ. Однако главный доходъ доставляетъ рябчикъ и бѣлка, отъ добычи которыхъ прямо зависитъ благосостояніе многихъ крестьянскихъ семей. Весною и осенью рябцовъ бьютъ подманивая ихъ близко къ себѣ свистомъ. Охотникъ становится на лѣсной полянѣ съ двумя свистками подъ самца и подъ самку, и свиститъ сперва по очереди въ оба, а потомъ въ одинъ, смотря по тому, кто откликнется. Рябчикъ, сломя голову, летитъ на свистъ, садится — тутъ его и настигаетъ мѣткая пулька. Но очень часто первую половину зимы съ осени ихъ ловятъ силками, которые дѣлаются изъ конскаго волоса. Постановка силковъ дѣло хитрое и требующее сноровки. Охотникъ еще осенью примѣчаетъ, гдѣ птица салится и клюетъ; онъ снимаетъ на этомъ мѣстѣ дернъ до песка и дѣлаетъ вокругъ загородку съ воротами; въ загородку онъ кладетъ ягоды и ставитъ силья такъ, чтобы они концами лежали къ воротамъ. Нерѣдко рябчикъ, попавшій головой въ силокъ, выбившись изъ силъ полихаетъ отъ удушенія, а потому мясо такихъ птицъ становится синимъ и кѣнится ниже стрѣлянаго или давленаго «пастью». Пасть — другой способъ и орудіе ловли рябчиковъ и мелкаго звѣря. Это та же загородка, но вмѣсто силка въ ней устраивается ловушка изъ бревенъ, подпертыхъ палочками и прикрытыхъ хворостомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы пролѣзающій подъ эту машину рябчикъ или звѣрь задѣли за палочку и уронили на себя тяжелое бревно, которое давитъ ихъ на мѣстѣ. Бѣлую и сѣрую куропатку бьютъ зимою, потому-что имъ приходится стрѣлять въ летъ, а это трудно сдѣлать пулькой. Бѣлку бьютъ, начиная съ октября, когда она успѣетъ смѣнить свои красноватый лѣтній мѣхъ на сѣрый зимній; охота на нее продолжается до глубокаго снѣга и производится при непремѣнномъ участіи мѣстной охотничьей собаки, карельской лайки, которая выслѣживаетъ звѣрка и держитъ его на деревѣ, пока охотникъ не наладится и не хлопнетъ его пулькой въ роть или мордочку.

Осенью же бьютъ и зайцевъ, но чаще ловятъ ихъ настью или же капканами, т. е. желѣзной защелкой въ 5 фунтовъ, которую обшиваютъ бѣлымъ холстомъ и кладутъ на снѣгу, прикрывъ чѣмъ нибудь. Иногда въ капканъ попадаетъ и лисица и рысь, но эти звѣри уволакиваютъ съ собою легкіе капканы, если они не прикрѣплены ни къ чему другому. Видръ высѣживаютъ съ лайкой по глубокому снѣгу на лыжахъ и загоняютъ его на дерево въ дупло; какъ только звѣрь заѣдетъ туда, дупло затесываютъ, дерево рубятъ и убиваютъ несчастное животное. Норку промышляютъ тоже въ октябрѣ и бьютъ какъ бѣлку на деревѣ. Лисицу подкарауливаютъ ночью, когда она пробирается къ водѣ половить рыбку, а зимою ловятъ ее въ капканы и большія насти. Лось попадается охотнику рѣдко, и охота на него трудна. Такъ же трудно гнать оленя, что дѣлаютъ весною по насту на лыжахъ. Этотъ способъ охоты распространенъ по всему сѣверу Европы, Азіи и Америки и заключается въ томъ, что охотникъ на лыжахъ и съ собаками загоняетъ оленя до изнеможенія. Олень бываетъ такъ ухитритъ отъ охотника, который бѣжитъ по его слѣду, которое: наетъ держитъ его хорошо, и лыжи скользятъ легко по верхней поверхности, между тѣмъ какъ олень проваливается тонкими ногами при каждомъ шагѣ, а острый краистый край снѣга немилосердно порѣзаетъ кожу на голени до кровавыхъ ранъ. Наконецъ разстояніе между охотникомъ и оленемъ сокращается настолько, что можно остановиться и бить наповалъ въ изнеможеніи сего бродящаго тяжелымъ инвалидомъ звѣря. Сибирскіе инородцы бьютъ оленя стрѣлами, которыя, въ случаѣ промаха, охотникъ подбираетъ либо самъ, либо оставляетъ ихъ бѣгущему сзади товарищу. Охотники нерѣдко нападаютъ на стадо въ 10 головъ, и такъ какъ они не разбѣгаются, а бѣгутъ вмѣстѣ, то всѣ становятся его добычею. Однако лѣтомъ олененка ни за что не убьетъ охотникъ—грѣхъ, а грѣхъ потому, что шкура его ни на что негодна.

Много ли прибыли получаетъ охотникъ отъ своей охоты? Здѣсь опять такъ повторяется почти то же самое, что мы видѣли въ лѣсномъ краѣ. Когда промышленникъ возвращается съ промысла домой, то его уже поджидаетъ любящій человѣкъ-скупщикъ, а то и приказчикъ его и тотчасъ начинаетъ торговаться товару; тутъ паръ рябчиковъ идетъ 15 и 18 к., а паръ тетеревовъ отъ 25 до 35; покупщикъ имѣетъ право попридержать товаръ и присмотрѣться къ нему, пока онъ у него; пусть разъ случится, что къ нему

ке съ пол-ведромъ набьетъ другой скупщикъ и дастъ двумя-тремя копѣйками дороже—тогда и давешній дастъ на-бавку, и покупка съ и покупщикъ сходятся въ цѣнѣ. Случается, что скупщикъ набивается тутъ же поросенкомъ и лукашкой; карелякъ потолкотится, потолкотится, и и возьметъ у своего давешняго покупщика за фунтъ, т. е. ту цѣну, которую давалъ онъ и въ городѣ» [1]).

Промышленники охотники нерѣдко состоятъ въ долгу у своихъ скупщиковъ, чѣмъ тѣ, конечно, пользуются въ свою пользу. Зимою мороженая дичь обозами идетъ въ Петербургъ. «Великое дѣло уклейка дичи — и здѣсь нужно умѣнье и особая хватка, пріобрѣтенная горькимъ опытомъ и передающаяся отъ дѣдовъ и прадѣдовъ; дичь кладутъ въ короба, да не просто валятъ, а на каждый рядъ накладутъ соломы, а черезъ два три ряда продернутъ черезъ весь коробъ крестъ на крестъ палки, чтобы птица не мялась верхними рядами. На 100 паръ надо считать особую подводу, а это дѣло меньше 10 р. въ цѣну не положишь, такъ что на каждую пару подвода ляжетъ десятью копѣйками, да себя прокормить на пути туда и обратно станетъ 4 р., да лошаденка обойдется въ 3 цѣлковыхъ, да въ Питерѣ проживешь не меньше 4 р., такъ что 100 паръ и станутъ въ одной доставкѣ 21 р., и придется въ Питерѣ дичь-то продавать на 21 к. на пару дороже, а тутъ еще Петербургскіе купцы подтянутъ—не суйся бѣлоглазый не въ свое дѣло, да искушеній опять много въ этомъ городѣ—ну и выходитъ, что лучше продавать птицу на мѣстѣ, благо можно оставаться у себя дома, не нудить свои косточки по ухабамъ и сугробамъ и уважить доброму человѣку скупщику, который товаръ и въ Питеръ доставитъ, и самъ проведетъ питерскихъ купцовъ мошенниковъ, и на соблазны питерскіе не посмотритъ. Такимъ-то вотъ побытомъ по отсутствію иниціативы, по косности своей и по несмѣлости, и питается карелякъ крохами отъ стола скупщиковъ» [2]).

Но лѣсная дебря, дѣтей которыхъ огонщикъ немилосердно истребляетъ на свою потребу или на поруганіе, жестоко мститъ ему въ лицѣ своихъ крупныхъ обитателей, медвѣдя и волка, съ которыми тотъ ведетъ непрерывную, неустанную борьбу. Одинъ изъ красноглинихъ камней крестьянскаго хозяйства по сей

---

[1]) Майновъ, стр. 283.
[2]) Майновъ, стр. 284.

кидѣ не выше съ какимъ упорствомъ крестьянинъ стремится расширить свои сѣнокосы, чтобы давать лишнюю корову, лошадь, какому нужно поправить... ранѣе, а зимой напиваться съ лошадью въ обозѣ, на рубку дровъ и т. п. Отъ скота въ сильнѣйшей мѣрѣ зависитъ его благосостояніе, даже богатство, почему крестьянинъ и живетъ со скотиной, живетъ ею. Но въ лѣсистой мѣстности, гдѣ по дремучему бору, по сосѣдству на просторѣ рыскаетъ волкъ и бродитъ медвѣдь, крестьянскій скотъ находится въ постоянной опасности, въ постоянной осадѣ. Чуть свѣтаетъ поглухе, такъ чуть не каждый день слышишь жалобы на звѣря; сегодня волкъ утащилъ овцу, завтра жестоко покусалъ рабочую кобылу или жеребенка, чуть не вырвавъ у него задній кокъ, а на другой день разносится извѣстіе о коровѣ, которую задралъ лютый звѣрь, медвѣдь, передъ нимъ вдоволь намаявшійся и намокнувшійся крестьянскимъ овсомъ. Зимою, когда скотъ во дворѣ, растравленные голодомъ волки сломя голову ночью по сонной деревнѣ, засыпанной снѣгомъ и облитой яркимъ лунным свѣтомъ, и таскаютъ изъ сѣней, изъ дворовъ собакъ. Есть мѣста, гдѣ крестьяне вовсе не сѣютъ овса на лѣсныхъ полосѣхъ, не оставляютъ на племя, а убиваютъ молодыхъ жеребятъ, чтобы ни овесъ, ни жеребята не доставались звѣрю. Въ среднемъ волки и медвѣди истребляютъ за годъ въ Олонецкой губерніи безъ малаго до 2.000 головъ крупнаго и до 3.500 головъ мелкаго скота, что въ переводѣ убытка на деньги равняется около 50.000 р., т. е. больше 1 р. на каждый крестьянскій дворъ. Вотъ дань, которую населеніе губерніи платитъ ежегодно властителямъ Олонецкихъ лѣсовъ. Борьба со звѣремъ ведется съ перемѣннымъ счастьемъ, но перевѣсъ какъ будто на сторонѣ звѣря: онъ платится жизнью и шкурой, но взамѣнъ павшихъ, лѣсныя дебри выкидываютъ новыя нарождающіяся въ нихъ поколѣнія, въ то время какъ мужикъ часто не знаетъ отдыха и сроку, стѣсненъ звѣремъ въ своихъ хозяйственныхъ заняхъ, вѣчно трепещетъ за скотъ и ждетъ напасти, а съ тѣмъ и самъ иногда попадаетъ въ лапы съ своего врага, отъ которыхъ не всегда уходитъ живымъ.

Какъ средство борьбы земство принуждаетъ преміи за каждаго убитаго волка и медвѣдя въ размѣрѣ отъ 1 до 15 р., но мѣра эта мало помогаетъ. Время и мужику, да и есть ли тому возможность, тянуться по необозримому лѣсу въ самое горячее рабочее время за волкомъ, который сегодня напакостилъ здѣсь, а завтра накуситъ уже гдѣ нибудь за 15 — 20 верстъ, или выходитъ на

человѣкъ съ ружьемъ своимъ рушьемъ. Также трудно устраивать облавы, которыя отнимаютъ много времени, отрываютъ много людей отъ работы и только въ исключительномъ случаѣ увѣнчиваются успѣхомъ и то временнымъ. Въ такомъ счастливомъ положеніи находятся жители большого Климецкаго острова (30 в. въ длину и отъ 400 саж. до 10 в. въ ширину), расположеннаго у юг.-в. конца Злынецкаго полуострова. Зимою, когда озеро замерзаетъ, волки пробираются на островъ по льду и остаются тамъ на лѣто, лакомясь крестьянскимъ скотомъ. Они довели жителей до того, что тѣ съ 1865 г. ежегодно устраиваютъ на нихъ весеннюю облаву, для чего сосѣдніе обитатели всѣхъ селеній. Вотъ какъ описываетъ картину этой облавы одинъ бытописатель края [1]).

Обыкновенно весной крестьяне собираются на общій мірской сходъ, гдѣ выбирается болѣе удобный день для облавы, непремѣнно въ мяѣ. Здѣсь же рѣшаютъ, сколько человѣкъ должны участвовать въ облавѣ, много ли нужно волкогоновъ, которые должны шумомъ пугать и сгонять волковъ въ одно мѣсто, и много ли насѣтниковъ, на обязанности которыхъ лежитъ доставить сѣти и ловить ими волковъ. Затѣмъ производятся общественные выборы.—избираются и переписываются въ особый списокъ болѣе 100 насѣтниковъ, 9 сотенныхъ и 18 пятидесятниковъ, обязанныхъ наблюдать за волкогонами. О днѣ, назначенномъ для облавы, объявляется по деревнямъ съ тѣмъ, чтобы хозяева не смѣли выгонять скотъ изъ дворовъ, пока не окончится истребленіе волковъ, обыкновенно продолжающееся около двухъ дней.

Въ день, назначенный для облавы, раннимъ утромъ, всѣ волкогоны собираются въ деревнѣ Куршицы, самомъ сѣверномъ поселеніи острова. Сельскій староста по спискамъ провѣряетъ прибывшихъ и раздаетъ пистоны и порохъ тѣмъ, у кого есть ружья, приказывая только пугать звѣря холостыми зарядами и отнюдь не стрѣлять дробью или пулями, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Затѣмъ волкогоны раздѣляются на 9 отрядовъ, которые бросаютъ между собою жеребьи для опредѣленія, по какой мѣстности острова каждый отрядъ долженъ идти при преслѣдованіи волковъ. Жеребьи означены нумерами отъ № 1 до № 9, и всѣ отряды, во время преслѣдованія, должны образовать изъ себя непрерывную цѣпь, расположившись по порядку нумеровъ жеребьевъ отъ востока къ западу. Староста напоминаетъ каждому отряду

[1]) Приклонскій, „Народная жизнь на сѣверѣ". Стр. 299—305.

границы назначенной ему мѣстности и предостерегать, чтобы, во избѣжаніе путаницы, никто не смѣлъ выходить изъ своихъ границъ и вторгаться въ границы сосѣдняго отряда. Для наблюденія за порядкомъ назначается какимъ-нибудь отрядомъ поручается избраннымъ ранѣе на сходѣ сотеннымъ и лучшимъ пятидесятникамъ. По окончаніи всѣхъ этихъ приготовленій служится мірской напутственный молебенъ, и волкогоны идутъ на сѣверный конецъ острова, откуда должно начаться преслѣдованіе волковъ. На сѣверномъ берегу волкогоны становятся по своимъ мѣстамъ, какъ будто хорошо разученное и дисциплинированное войско. Каждый отрядъ въ своихъ границахъ растягивается цѣпью, сливаясь на границахъ съ сосѣдними отрядами, такъ что всѣ они образуютъ одну непрерывную цѣпь волкогоновъ, разставленныхъ на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Раздается сигналъ, и вся цѣпь волкогоновъ разомъ поднимаетъ ужасный шумъ,—всѣ кричатъ, какъ можно громче, колотятъ трещотками, трубятъ въ трубы, стрѣляютъ изъ ружей, шумятъ кто во что горазда. И среди этой безобразной разноголосицы, подъ оглушительный шумъ этого дьявольскаго концерта, вся цѣпь волкогоновъ въ порядкѣ выступаетъ въ путь. Порядокъ этого крестьянскаго похода примѣрный: ни одинъ волкогонъ не зайдетъ въ границы сосѣдняго отряда, не отстанетъ назади, не перестанетъ держаться приблизительно равнаго разстоянія отъ своихъ сосѣдей. Сотенный и пятидесятники зорко смотрятъ за своимъ отрядомъ и, чуть замѣтятъ малѣйшее замѣшательство, тотчасъ прекращаютъ безпорядокъ, а главное, — то и дѣло напоминаютъ волкогонамъ, чтобы **шумѣли, какъ можно громче.**

Шумъ, поднятый волкогонами, пугаетъ волковъ и гонитъ ихъ въ глубину острова. Между тѣмъ человѣческая цѣпь безостановочно и все въ одномъ и томъ же порядкѣ подвигается впередъ и снова настигаетъ звѣря, скрывшагося въ какой-нибудь глухой трущобѣ. Волкъ опять пускается бѣжать отъ человѣка, но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе онъ привыкаетъ къ крику, стуку и ружейнымъ выстрѣламъ и начинаетъ держаться невдалекѣ отъ цѣпи. То тамъ, то здѣсь волкъ показывается на глаза волкогонамъ, и по цѣпи проносятся оживленные крики: «волкъ, волкъ!» Наступаетъ моментъ, самый опасный для успѣха облавы. Бѣда, если горячіе охотники увлекутся преслѣдованіемъ и, бросившись къ волку, разстроятъ порядокъ въ цѣпи. Тогда волкъ легко можетъ прорваться сквозь разорванную цѣпь, и волкогонамъ при-

ется снова начинать преслѣдованіе. Для предупрежденія безпорядковъ начальники отряловъ суетливо бѣгаютъ вдоль цѣпи, наблюдая, чтобы никто не забѣгалъ впередъ и всѣ держались на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Волкогоны, поощряемые приказаніями сотенныхъ и пятидесятниковъ, поднимаютъ усиленный шумъ, и испуганный волкъ снова убѣгаетъ съ глазъ долои.

Когда цѣпь выходитъ на такъ называемый «зимникъ», т. е зимнюю дорогу, проложенную поперекъ острова, въ это время преслѣдованіе волковъ пріостанавливается. Шумъ смолкаетъ. Утомленные волкогоны усаживаются вдоль дороги по своимъ мѣстамъ, и каждый принимается за принесенный изъ дому обѣдъ. За обѣдомъ слѣдуетъ небольшой отдыхъ, во время котораго староста раздаетъ пистоны и порохъ тѣмъ волкогонамъ, у которыхъ осталось мало прежде выданныхъ зарядовъ. Отдохнувъ, всѣ, въ прежнемъ порядкѣ, съ шумомъ и гикомъ, отправляются въ дальнѣйшій путь. Теперь волкогонамъ осталось безостановочно пройти еще 13 в. до такъ называемои «Волчьи смерти». И что за трудный, что за утомительный трудъ предстоитъ имъ! Въ иномъ мѣстѣ нужно брести болотомъ по поясъ въ водѣ; тамъ приходится перелѣзать черезъ груды валежника, здѣсь перескакивать съ кочки на кочку, въ другомъ мѣстѣ то и дѣло спотыкаться объ усѣянные по землѣ камни, или пробираться сквозь лѣсную чащу. Въ то-же время нужно смотрѣть по сторонамъ, чтобы не нарушить порядка въ цѣпи, и безъ перерыва и умолка должно кричать во все горло, колотить по деревьямъ и камнямъ, стучать чѣмъ ни попало, стрѣлять изъ ружей. И чѣмъ ближе подвигаются волкогоны къ «Волчьей смерти», тѣмъ чаще и суетливѣе бѣгаютъ вдоль цѣпи сотенные и пятидесятники, приказывая, какъ можно больше шумѣть, тѣмъ громче и задорнѣе становятся крики, и чаще раздаются руженные выстрѣлы. Здѣсь волкогонамъ нужно особенно постараться, чтобы прогнать всѣхъ волковъ чрезъ «Волчью смерть», чтобы ни одинъ волкъ не могъ проскользнуть и вернуться назадъ.

«Волчьею смертью называется узкій перешеекъ шириною въ 400 с., раздѣляющій островъ на двѣ половины. Сюда къ полулю собирается болѣе 100 насѣтниковъ и скрываются въ засадѣ, поджидая прибытія волкогоновъ. Какъ скоро волкогоны прогонятъ всѣхъ волковъ чрезъ «Волчью смерть» и сойдутся на перешеекъ, насѣтники выходятъ изъ засады и смѣняютъ волкогоновъ въ преслѣдованіи звѣря. Теперь волкогоны уходятъ за 5 в. къ

Климецкій монастырь, гдѣ и остаются ночевать. Между тѣмъ насѣтники поспѣшно принимаются за работу, перегораживая перешеекъ въ иныхъ мѣстахъ частымъ частоколомъ, а большею частью принесенными съ собою рѣдкими и толстыми сѣтями, которыя разставляются въ два ряда. Окончивъ изгородь, они остаются около нея на всю ночь караулить, чтобы какой нибудь хитрый волкъ не могъ проскользнуть чрезъ частоколъ или сѣти.

Волкогоны, переночевавъ въ Климецкомъ монастырѣ и отслуживъ поутру напутственный молебенъ, идутъ на южный конецъ острова: здѣсь отряды разстанавливаются цѣпью въ такомъ же точно порядкѣ, какъ было наканунѣ, на сѣверномъ концѣ острова. Опять поднимаются шумъ, гамъ и стрѣльба изъ ружей, опять волкогоны въ строгомъ порядкѣ выступаютъ въ свой обычный походъ и гонятъ волковъ къ «Волчьей смерти».

Между тѣмъ насѣтники сидятъ около изгороди, спрятавшись въ засадѣ, въ наскоро устроенныхъ шалашахъ. Они съ нетерпѣніемъ поджидаютъ, скоро ли застучится шумъ и трескъ, поднятый приближающимися къ нимъ волкогонами. Издали начинаетъ доноситься глухой гулъ человѣческихъ голосовъ и звуки ружейныхъ выстрѣловъ. Шумъ становится все яснѣе и яснѣе по мѣрѣ приближенія волкогоновъ. Начинаютъ показываться и волки, но встрѣтивъ изгородь, поворачиваютъ назадъ. Насѣтники приготовляютъ дубины и топоры, чтобы бить волковъ, но все еще смирно сидятъ въ засадѣ, поджидая своей очереди. Пока работаютъ по прежнему одни волкогоны, и притомъ теперь у нихъ идетъ самая трудная работа, требующая особаго вниманія и ловкости. Волки, встрѣтивъ изгородь изъ частокола и сѣти въ «Волчьей смерти», бѣгутъ назадъ и стараются проскользнуть сквозь цѣпь волкогоновъ. Теперь нужно смотрѣть въ оба глаза и шумомъ не пропускать звѣря сквозь цѣпь, отгоняя его обратно къ изгороди.

Наконецъ, когда волкогоны, смыкаясь все тѣснѣе и тѣснѣе по мѣрѣ приближенія къ узкому перешейку, близко подойдутъ къ изгороди, тогда передъ глазами засѣвшихъ по шалашамъ насѣтниковъ открывается рѣдкая картина. Множество звѣрей собирается къ изгороди. Сотни зайцевъ проскакиваютъ сквозь рѣдкія сѣти и благополучно скрываются въ сѣверной половинѣ острова, не привлекая на себя вниманіе человѣка. Лисицы и волки то бѣгаютъ вдоль изгороди, стараясь найти въ ней лазейку, то бѣгутъ назадъ, но, отогнанные волкогонами, опять возвращаются къ ужас-

ному для нихъ мѣсту, въ «Волчьи смерти». А волкогоны сомкнутою цѣпью уже подошли къ сѣтямъ, и звѣри, испуганные и оглушенные ужаснымъ шумомъ, безнадежно бросаются къ сѣтямъ. Наконецъ, насѣтники выскакиваютъ изъ засады и начинается дикая сцена убійства волковъ и лисицъ, запутавшихся въ сѣтяхъ. Волкъ съ остервѣненіемъ защищается зубами, но сотни враговъ безъ устали осыпаютъ его ударами. Дубина и обухъ топора, словно цѣпы при молотьбѣ хлѣба, частыми ударами быстро выколачиваютъ жизнь изъ волчьяго тѣла, и скоро «Волчья смерть» покрывается трупами волковъ и лисицъ. Тысячеголовая толпа волкогоновъ и насѣтниковъ садится отдыхать на мѣстѣ побоища. Съ волчьихъ и лисьихъ труповъ тутъ же сдираются шкуры и потомъ относятся въ Климецкій монастырь въ благодарность за ночлегъ и ужинъ, безплатно предложенный волкогонамъ».

Если облава окончилась истребленіемъ всѣхъ волковъ, крестьяне радостно возвращаются по домамъ, но если какой нибудь волкъ по оплошности ушелъ отъ загонщиковъ, облава повторяется снова. Если въ облавѣ принимаютъ участіе около 1.000 ч. и она продолжается 2 дня, то на борьбу со звѣремъ тратится 2.000 рабочихъ дней, а въ переводѣ на деньги—1.000 р., что очень много для населенія острова въ 2.500 душъ. Но крестьяне предпочитаютъ лучше затратить дорогое время, чѣмъ все лѣто безпокоиться изъ-за волковъ и терпѣть отъ нихъ убытки. Но не вездѣ однако оказывается возможнымъ прибѣгнуть къ такому способу борьбы со звѣремъ, и въ большинствѣ случаевъ населеніе прибѣгаетъ къ покровительству сверхъестественныхъ силъ, къ заговорамъ и мольбищамъ, которые представляютъ остатки древняго ритуала, поверхностно перелицованнаго новымъ культомъ не безъ участія оффиціальныхъ представителей его, которые заняли мѣсто и выполняютъ роль древнихъ шамановъ и кудесниковъ. Конечно средства эти имѣютъ свою исторію и значеніе, они принадлежатъ къ числу, такъ сказать, успокаивающихъ: не устраняя бѣды, они внушаютъ вѣру въ желаемое и доставляютъ прибѣгающимъ къ нимъ извѣстное спокойствіе, столь необходимое всякому труженику для правильной работы. Вотъ причина, почему эти средства еще твердо держатся въ народѣ.

Особенно трудна борьба съ волкомъ: это звѣрь умный, проворный и рѣшительный — сегодня онъ зарѣзалъ овцу здѣсь, а завтра разбойничаетъ гдѣ нибудь за 10—15 верстъ, перемѣщаясь по лѣсу съ быстротой бурскаго генерала Девета. Облавы не всегд

возможны, да и дороги. А отдѣльный охотникъ ничего не возьметъ съ притымъ, ловкимъ звѣремъ, шкура котораго вдобавокъ не имѣетъ большой цѣны. Вотъ и терпятъ мужики, отплевываясь и ругая лѣсного хозяина на всѣ лады. И на какія хитрости пускается этотъ звѣрь! Лошади и коровы съ успѣхомъ обиваютъ его нападеніе и такимъ образомъ имѣютъ съ пастухомъ охраняютъ глупыхъ овецъ, но волкъ нерѣдко проводитъ ихъ. Повѣсивъ уши и принявъ овечью походку, онъ втискивается въ стадо и бродитъ среди него, незамѣчаемый ни пастухомъ, ни чуткими жеребцами, и на свободѣ рѣжетъ глупыхъ беззащитныхъ овецъ. Зимою, изнуряемые голодомъ, волки сбиваются въ небольшія стаи, бродятъ по ночамъ по деревнямъ и забираются даже въ городскія улицы. Здѣсь легкой добычей ихъ становятся собаки, особенно молодыя, глупыя, которыхъ волкъ выманиваетъ на чистое мѣсто игрой. Игру эту онъ заводитъ какъ настоящая собака: прыгаетъ, катается по землѣ, примѣрно нападаетъ и убѣгаетъ. Песъ смотритъ, смотритъ, да наконецъ и заинтересуется, но едва онъ увлекся и слишкомъ отдалился отъ дома, какъ волкъ отрѣзаетъ ему отступленіе и уволакиваетъ визжащаго щенка въ лѣсъ, нерѣдко на глазахъ хозяина, мечтавшаго воспитать изъ щенка лайку на медвѣдя.

Почти всѣ собаки кончаютъ свою жизнь въ зубахъ волка, и именно зимой, когда мучительный голодъ примиряетъ звѣря съ противнымъ запахомъ падшаго мяса. Въ зимнія ночи стаи ихъ нерѣдко собираются на льду противъ Петрозаводска, и тогда волчій вой несется по вѣтру въ городъ, нарушая сонное безмолвіе лунной ночи. Бываютъ годы, когда ихъ наплодится столько, что отъ нихъ буквально нѣтъ отбою. Не обращая вниманія на многочисленныхъ людей, копошащихся на поляхъ, они нахально бродятъ по задворкамъ селеній и рѣжутъ скотъ на глазахъ крестьянъ.

Но волкъ рѣдко нападаетъ на человѣка, гораздо опаснѣе въ этомъ случаѣ встрѣча съ медвѣдемъ. Этого звѣря также немало въ олонецкихъ дебряхъ, гдѣ онъ играетъ роль настоящаго властелина, споря за господство съ однимъ только человѣкомъ. Какъ извѣстно, среди населенія всей полосы сѣверныхъ лѣсовъ, въ которыхъ медвѣдь является самымъ крупнымъ изъ хищныхъ млекопитающихъ, распространенъ особый «культъ медвѣдя», остатки котораго сохранились у насъ въ Олонецкой и въ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Въ представленіи первобытнаго человѣка

звѣрь, особенно крупный и свирѣпый, не просто звѣрь, а духъ. Вначалѣ это былъ духъ предка или родича, переселившагося по смерти въ звѣря, а впослѣдствіи, когда наивный пантеонъ дикарей утерялъ родословную своихъ членовъ, въ умѣ ихъ осталось одно темное, мистическое чувство страха и почтенія къ какому-то духу, съ которымъ надо избѣгать ссоръ, а если уже нельзя обойтись безъ того, чтобы при случаѣ не убить звѣря, не полакомиться его мясомъ и мозгомъ, не одѣться въ его шкуру, то по крайней мѣрѣ надо испросить у него прощеніе за преступленіе противъ его личности, содѣянное якобы «нечаянно». Вотъ почему айносы на Хакkaидо (Iесо) и Сахалинѣ проливаютъ передъ распятленной на шестахъ шкурой убитаго медвѣдя сложную церемонію исходатайствованія прощенія и примиренія съ «покойнымъ». «Ты, дескать, не сердись и не мсти на насъ и нашихъ родичахъ, мы убили тебя нехотя, нечаянно, не имѣя злобы, вотъ тебѣ и жертвы и почтеніе наше!». Остатки такого культа сохранились почти у всѣхъ некультурныхъ народовъ, имѣющихъ дѣло съ медвѣдемъ, а у культурныхъ послѣдніе намеки на существованіе такого культа доживаютъ свой вѣкъ въ сказкахъ, напр. хоть въ той, гдѣ убитый медвѣдь является ночью къ бабѣ за своей шкурой. Въ глухихъ мѣстахъ нашего сѣвера народъ до сихъ поръ относится къ медвѣдю особымъ образомъ, точно это не звѣрь, а что-то «иное». Олончанинъ ни за что не назоветъ медвѣдя настоящимъ его именемъ, не скажетъ «медвѣдь», а говоритъ «онъ» или «хозяинъ». «Да кто онъ?» «Да хозяинъ». «Какой хозяинъ?» «Да вотъ что по лѣсу ходитъ, рявкаетъ». Такіе олончане не поминаютъ медвѣдя изъ опасенія, чтобы отъ этого не случилось худо. Дескать услышитъ онъ, что объ немъ говорятъ, и учинитъ что-нибудь. Въ мѣстахъ покультурнѣе этотъ страхъ уже вывелся. «Это нашъ помѣщикъ, острятъ тамъ про Михаила Ивановича Топтыгина, только одинъ и остался, вилно вовсе безъ этого добра не прожить!» Лѣтомъ медвѣдь робокъ. Почуя человѣка, онъ стремительно пускается на утекъ, съ трескомъ ломая хворостъ и сучья, и это особенно если не онъ, а его замѣтили первымъ и испугали крикомъ, свистомъ, гоготаньемъ. Если, наоборотъ, медвѣдь раньше увидитъ человѣка, то иной любопытный и смѣлый звѣрь проглѣдываетъ съ нимъ подчасъ такія штуки, которыя положительно заставляютъ думать, что веселый звѣрь забавляется испугомъ человѣка или тѣшитъ себя какой-то игрой. Одинъ мужикъ наткнулся на медвѣдя, возвраща-

ясь съ покоса. Звѣрь, загородивъ ему дорогу, преспокойно усѣлся на землѣ и сталъ чесаться, а самъ не упускаетъ мужика изъ виду. Итти впередъ — нельзя; и задумался мужикъ пятится, медвѣдь идетъ за нимъ, а пока мужикъ передъ нимъ стоитъ смирно и почтительно -тотъ нѣжится, обчищается, да почесывается и такъ продолжалось четыре часа, пока звѣрю не надоѣла потѣха, и онъ ушелъ въ лѣсъ. Частыя встрѣчи и житье бокъ-о-бокъ приучили олончанина къ звѣрю, такъ что онъ нерѣдко платитъ ему такимъ же панибратскимъ отношеніемъ, за что, конечно, иной разъ жестоко платится. Какая-то баба собирала въ лѣсу ягоды и наткнулась на медвѣдя, но не испугалась, а пошла прямо на него и ударила его клюшкомъ по мордѣ. Медвѣдь опрокинулъ ее на землю и отошелъ прочь, но едва баба поднялась на ноги и стала собирать высыпавшіяся изъ клюшка ягоды, какъ медвѣдь снова подобрался къ ней, обхватилъ ее и съ такой силой трескулъ о дерево, что переломилъ ногу. Послѣ этого баба, не смотря на жестокую боль, лежала смирно, пока медвѣдь не скрылся въ лѣсу. Другая баба, наткнувшись на лѣсной тропѣ на медвѣдя, ударила его удочкой, за каковую дерзость медвѣдь сильно поцарапалъ ее и оставилъ только тогда, когда она упала на землю и притворилась мертвой. Вообще, притворяться мертвымъ, затаивъ дыханіе, считается лучшимъ средствомъ избавиться отъ медвѣдя. Въ этомъ случаѣ звѣрь, обнюхавъ и пошевеливъ мнимаго мертвеца, наскребаетъ мху и прикрываетъ его, точно преступникъ, скрывающій слѣды своего злодѣянія, а самъ отходитъ да поглядываетъ. Не дай богъ пошевелиться раньше времени! Звѣрь возвращается и яростно деретъ жертву когтями, пока та не успокоится. Одинъ крестьянинъ жестоко поплатился за такое нетерпѣніе—медвѣдь жестоко изуродовалъ его и содралъ ему кожу съ черепа вмѣстѣ съ волосами. Ударъ и легкая рана приводятъ мирно настроеннаго медвѣдя въ ярость и тогда борьба съ нимъ невооруженнаго человѣка кончается трагически для послѣдняго: звѣрь или доканаетъ его, или изломаетъ и изуродуетъ его въ конецъ. Иное дѣло, если подъ руками топоръ, которымъ олончанинъ владѣетъ какъ виртуозъ.

«Иду разъ, разсказываетъ одинъ полѣсовщикъ, а въ поясу у меня кошалы (тетерева) привѣшены, только слышу я, кто это у меня толконетъ, да какъ кошалу-то потянетъ. Думалъ все, что за сучья нѣшляюсь, анъ глядь—онъ. Я ему: Эй оставь, не твое вѣдь полѣсованье! А онъ опять! Я ему: Эй брось лучше, нето

зарубило! Ишь, братець ты мой, такъ и тянетъ. Я его этто маленько винтовкой-то обожгъ; опять присталъ! Ну я его и зарубилъ».

«Пошелъ этто разъ я на рябцовъ, разсказываетъ другой крестьянинъ, и винтовочка-то приплесна у меня такая, что для нихъ способье малопульная. Однако рогатину захватилъ. Иду этто я такъ ввечеру, ломоть хлѣба заверну въ,—а онъ вотъ онъ. Что тутъ дѣлать? Взялъ этто я рогатину половчѣе, да пхнулъ ему въ подгрудье. Такъ ишь она щепьма не уголила! Прямо таки ему въ кость—ни впередъ, ни назадъ. Онъ лапами-то ухватилъ ее, нажимаетъ, а она съ кости-то никакъ не сойдетъ. Такъ полтора сутокъ мы съ нимъ сцѣпившись вокругъ березки ходили—полянку ишь какую вытоптали! Сорвалась таки съ кости!».

Этотъ разсказъ, приводимый Майновымъ, кажется невѣроятнымъ, но я самъ слышалъ нѣчто подобное отъ мѣстныхъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ такимъ же образомъ долго гулялъ съ мѣдвѣдемъ вокругъ дерева. Онъ былъ одинъ, безъ собаки, и не успѣлъ выстрѣлить, какъ медвѣдь уже подкатилъ къ нему и всталъ на заднія лапы. Дать медвѣдю подошти вплотную, это значитъ быть изломаннымъ и изодраннымъ его ужасными когтями. Мужикъ уловчился сунуть дуло винтовки въ пасть звѣрю, самъ ухватился свободной рукой за деревцо. Глупый звѣрь, вмѣсто того, чтобы отступить назадъ, продолжалъ напирать впередъ, мотая головой и махая лапами въ тщетныхъ попыткахъ освободиться отъ ружья, дуло котораго зорко слѣдившій за его движеніями мужикъ неукоснительно совалъ ему въ глотку. Такъ они и провозились нѣсколько часовъ, пока крестьянинъ не улучилъ минуты, когда могъ выстрѣлить въ звѣря.

Медвѣдь представляетъ цѣнную добычу зимой, когда мѣхъ его гуще и сидитъ въ толстой кожѣ, благодаря чему волосъ при выдѣлкѣ не выпадаетъ изъ нея, какъ то случается съ лѣтнимъ мѣхомъ. Хорошая медвѣжья шкура стоитъ до 70 рублей, да сверхъ того земство выдастъ 15 р. за всякаго убитаго звѣря, а то бываетъ выгоднѣе продать обойденнаго въ берлогѣ звѣря любителямъ охотникамъ, какихъ немало среди мѣстныхъ чиновниковъ и офицеровъ. Вотъ почему многіе крестьяне, на ряду съ охотой на птицъ, спеціально занимаются охотой на медвѣдя. Всѣ медвѣжьи привычки олончанинъ знаетъ чуть не лучше самого медвѣдя и нерѣдко съ удивительнымъ искусствомъ отыскиваетъ его логово. Отъѣвшись за лѣто, медвѣдь при наступленіи холо-

довъ становится вялымъ, сонливымъ и торопится лечь спать. Онъ по инстинкту знаетъ, что представляетъ въ такомъ видѣ легкую добычу и потому пользуется на разныя хитрости съ цѣлью скрыть отъ человѣка свою зимнюю резиденцію. До снѣга онъ еще бродитъ по лѣсу, но едва выпадетъ первый пушистый снѣгъ, какъ звѣрь начинаетъ путать по лѣсу, путая слѣды: онъ уходитъ за много верстъ въ сторону, возвращается, идетъ въ новомъ направленіи, снова возвращается и продѣлываетъ это неразъ, прежде чѣмъ заляжетъ въ яму подъ корнемъ вѣковой ели или, что чаще всего, забравшись въ молодой ельникъ, въ самую гущу, ложится тамъ, прикрывъ себя согнутыми и надломанными елочками. Первый же обильный снѣгъ прикроетъ его въ этомъ искусственномъ убѣжищѣ. Случается иногда, что иной нерѣшительный или потревоженный чѣмъ либо въ своихъ приготовленіяхъ медвѣдь не успѣетъ лечь въ такое прикрытіе и ватится гдѣ попало, да такъ и лежитъ всю зиму, прикрытый однимъ только снѣгомъ. Несообразительный звѣрь ложится всегда послѣ снѣга, на которомъ его когтистыя лапы оставляютъ глубокіе слѣды и это выдастъ его убѣжище человѣку, который въ это время зорко слѣдитъ за его простовато-хитрыми продѣлками. Съ топоромъ за поясомъ и винтовкой въ рукахъ охотникъ идетъ по слѣдамъ медвѣдя и ищетъ гдѣ они кончаются. Тутъ, стало быть, и залегъ звѣрь. Но въ этомъ слѣдуетъ убѣдиться, и для этого мужикъ описываетъ большой кругъ, внимательно посматривая, не пересѣчетъ ли онъ гдѣ либо медвѣжьяго слѣда. Если этого нѣтъ, значитъ медвѣдь находится внутри круга.

Выслѣживанье производится съ величайшею осторожностью, чтобы звѣрь, не погрузившійся еще въ глубокій, крѣпкій сонъ, не почуялъ опасности и не перемѣнилъ своего логова на новое. Если этого не произошло, охотникъ дѣлаетъ заявку, и тогда звѣрь по закону считается за нимъ. Такимъ же способомъ онъ выслѣживаетъ другихъ медвѣдей, если ихъ нѣсколько въ окрестности, торопясь опередить остальныхъ охотниковъ; иногда, впрочемъ, нѣсколько человѣкъ соединяются въ артель и выслѣживаютъ звѣря сообща, потому что дѣло это нелегкое и беретъ много времени. Въ теченіе зимы собственникъ такихъ спящихъ въ лѣсу медвѣдей нѣсколько разъ проѣзжаетъ ихъ тамъ: дескать, тутъ ли звѣрь, потому что случается, что медвѣдь по какой либо причинѣ просыпается, выходитъ изъ логова и бродитъ по лѣсу въ поискахъ за новымъ, болѣе удобнымъ пристанищемъ.

Въ концѣ зимы звѣря поднимаютъ съ логова съ помощью собакъ-ласкъ и бьютъ изъ ружья, причемъ эта баталія не всегда кончается счастливо. Одно изъ главныхъ условій успѣха —это пріученая къ медвѣжьей охотѣ собака-лайка, которая вертится кругомъ звѣря, хватая его сзади за ноги, а самонъ за половые органы, и тѣмъ отвлекая вниманіе разъяреннаго звѣря отъ охотника, который въ это время имѣетъ возможность нацѣлиться и мѣтко попасть въ медвѣдя изъ своей дрянной самодѣльной винтовки. Въ случаяхъ, когда медвѣдь подомнетъ охотника, тотъ быстро запускаетъ руку въ пасть звѣря и хватаетъ его за языкъ подъ самый корень, и маневръ этотъ во первыхъ приводитъ звѣря въ полное недоумѣніе, а во вторыхъ не даетъ ему кусать; въ это время подоспѣвшая лайка или товарищъ выручаютъ охотника изъ опаснаго положенія. Лѣтомъ медвѣдей не бьютъ, развѣ только по крайней необходимости, если звѣрь повалится въ овсы или начнетъ задирать скотъ. Въ такомъ случаѣ мужикъ устраиваетъ возлѣ трупа задранои коровы лаваскъ, представляющій замаскированное вѣтвями сидѣнье на ближней соснѣ, на высотѣ $1^1/_2$—2 саженей надъ землей. Медвѣдь по самому строенію своего скелета ходитъ, уткнувшись носомъ въ землю, и почти не смотритъ по верхамъ, откуда ему вообще не грозитъ опасность. Охотнику остается только позаботиться, чтобы звѣрь не почуялъ его своимъ тонкимъ обоняніемъ или слухомъ. Забравшись заблаговременно въ лавасъ, онъ тихо сидитъ съ ружьемъ наготовѣ, прислушиваясь къ каждому треску. Медвѣдь подходитъ не сразу, а напередъ убѣждается по своему не грозитъ ли ему какая опасность, затѣмъ приближается лѣнивымъ шагомъ, оглядывается, прислушивается, и, наконецъ, рѣшается сѣсть за ужинъ. Тутъ его и прихлопываетъ въ самый лобъ пущенная вѣрною рукою пуля.

Обиліе водъ въ видѣ болотъ, озеръ и рѣкъ (болѣе 14% всей площади губерніи) приводитъ къ тому, что кромѣ хлѣбопашества, лѣсного промысла и охоты, населеніе края почерпаетъ значительное количество своихъ жизненныхъ средствъ изъ водъ. Рыба водится почти всюду, и не ловитъ ее только лѣнивый.

Частые недороды, скудные урожаи и дороговизна хлѣба вслѣдствіе дальнихъ разстояній и бездорожья привели къ тому, что населеніе края сильно налегло именно на такой свой ресурсъ какъ рыба, хищническій ловъ которой, вызываемый нуждой, привелъ уже къ тому, что олонецкія озера и рѣки замѣтно обѣднѣли рыбой, а нѣкія такъ уже и совсѣмъ лишились ея. Самая обыкно-

ценная рыба это лосось, палья, форель, сиг, хорiусь, ряпушка, окунь, судакъ, ершъ, щука, плотва, корюшка, карась, лещъ, язь, налимъ, колюшка и другiя, а послѣ прорытiя Мариинскаго канала въ Онего, стали заходить изъ Волжскаго бассейна стерлядь и сомъ, да сине раки. Большая часть рыбы потребляется на мѣстѣ, но въ свѣжемъ и соленомъ видѣ она идетъ и въ Петербургъ, къ сожалѣнiю все въ меньшемъ количествѣ. Прежде на одномъ церковьи Свири вылавливали въ осень до 40.000 сиговъ, а теперь цифра эта спустилась до 20.000, да и сигъ измельчалъ.

Естественному приросту рыбы, помимо хищническаго лова, немало вредитъ сплавъ бревенъ по олонецкимъ рѣкамъ: отмокающая съ нихъ кора ложится на дно и губитъ этимъ и своими выдѣленiями какъ водныя растенiя, такъ и плавающiй рѣчной планктонъ, т. е. всякую водяную мелочь, которою питается вылупившiйся изъ икры молодикъ. Довольно значительное разнообразiе рыбьихъ породъ, мечущихъ икру и размножающихся въ различныя времена года, приводитъ къ тому, что крестьяне часто ѣдятъ свѣжую рыбу, которую бабы плохо чистятъ и оставляютъ въ чешуѣ: оттого солитеръ рѣшительно царитъ отъ Онего до Бѣлаго моря.

Рыбу ловятъ разными способами и разнообразными снастями, начиная отъ громаднаго озернаго невода, принадлежащаго цѣлой семьѣ, артели или даже всему селенiю, и кончая грубой плетушкой изъ ивовыхъ вѣтвей. Для ловли лосося, сига, тайменя, леща, окуня и палыи употребляютъ неводъ (рѣчной и озерный), требующiй 4—12 человѣкъ и стоющiй 30—75 р. Такими же неводами ловятъ зимой налима, пропуская снасть сквозь прорубь подъ ледъ, для чего требуется 10—14 рыбаковъ. Керегодь или кереводь-снасть меньшихъ размѣровъ, съ которой управляются 3 ловца при одной лодкѣ, она требуетъ большой ловкости, зато даетъ богатый уловъ (до 20 пудовъ въ одну тоню). Стоитъ 35—60 р. Еще меньшихъ размѣровъ снасть того же типа это мутникъ, которымъ ловятъ на озерахъ сиговъ, для чего требуется двое ловцовъ; стоитъ эта снасть всего 6—12 р. Рѣже и почти исключительно для ловли сиговъ въ «обчихахъ», т. е. глубокихъ мѣстахъ, употребляютъ чаячь, похожiй на озерный неводъ; при немъ 4 ловца, и стоитъ эта снасть 25—35 р. Къ мелкимъ снастямъ принадлежитъ калета, которымъ ловятъ по лудянистымъ и травянистымъ мѣстамъ «глупую» рыбу, т. е. окуня и плотву (стоитъ всего 2 р.) и бродникъ, которымъ ловятъ

всякую мелочь. Но главная снасть, отъ которой переводится рыба въ олонецкихъ водахъ, это сакъ, состоящій изъ 4-хъ сѣтей, прикрѣпленныхъ къ обручу въ сажень въ діаметрѣ такъ, что они заканчиваются остроконечнымъ мѣшкомъ. Снарядъ этотъ прикрѣпляется къ вбитому въ дно колу, и управляетъ имъ всего 1 ловецъ, добывающій до 2 —20 фунтовъ рыбы при стоимости сака въ 1 р. Въ мелкоячеистый сакъ забирается корюшка, ершъ, окунь, а также молодь. Мужики сами сознаютъ вредъ этой снасти и тѣмъ не менѣе продолжаютъ пользоваться ею, привлекаемые простотою и легкостью лова. Изъ другихъ дешевыхъ снастей пользуются еще мережами и мердами, которыя ставятъ близъ берега въ концѣ хода, отгороженнаго отъ рѣки плетенымъ прибрежникомъ, т. е. длинной ширмой. При бѣдности мерды плетутъ даже изъ прутьевъ или дѣлаютъ изъ бересты. Наконецъ для ловли туржи, семги и нельмы употребляютъ поѣздокъ, который представляетъ тонкую почти квадратную сѣть, растягиваемую на вертикальныхъ шестахъ между двумя лодками; лодки двигаются параллельно одна другой, пока ловцы не замѣтятъ, что поѣздокъ загрузился, т. е. что рыба есть въ немъ; тогда сводятъ концы и вытаскиваютъ добычу.

Всѣ эти снасти крестьяне изготовляютъ сами изъ мѣстной конопли, которую только и разводятъ для этой цѣли. Плетенье сѣтей также распространено среди мужчинъ, какъ тканье у бабъ, и въ рѣдкой избѣ не застанешь мужика, ладящаго на досугѣ сѣть.

Кромѣ сѣтей, рыбу добываютъ лученьемъ съ острогой, именно лѣтними ночами въ лѣсныхъ озерахъ. На большихъ озерахъ палью ловятъ вдали отъ берега съ лодокъ на крючки съ наживкой. У берега удятъ обыкновенными удочками, ловятъ щукъ на блесну, на куски краснаго сукна съ крюкомъ внутри, а на Онегѣ и большихъ озерахъ закидываютъ продольники, длиной до 40—200 сажень. Эта снасть соотвѣтствуетъ поморскому ярусу и представляетъ множество крючковъ съ наживкой, висящихъ на общей бичевѣ, привязанной концами къ кольямъ. Грузятъ ее такъ, чтобы крючья съ наживкой лежали на днѣ, а бичева висѣла въ водѣ.

Во многихъ мѣстахъ губерніи рыбу въ такомъ же распространеніи, какъ хлѣбъ и иногда даже замѣняетъ его. Гдѣ народъ позажиточнѣе, тамъ рыбу солятъ въ кровь обыкновеннымъ путемъ, т. е. въ кадкахъ, высотой въ 3 четверти, вмѣщающихъ 7—9

пуговь рыбы. Крупную рыбу пластуютъ. Засолка, конечно, плохая, потому что рыбу чистятъ и моютъ кое-какъ, и соли кладутъ мало, да и то плохой. Только у карелъ по Финляндской границѣ, получающихъ оттуда контрабандную соль, засолка лучше. Неприхотливые аборигены не стѣсняются ѣсть рыбу съ запашкомъ, «ржавую», какою она неизбѣжно становится спустя 5—6 мѣсяцевъ послѣ плохой засолки. Вкусъ ея тогда прогорклый, отвратительный; но то ли еще ѣдятъ здѣсь въ голодные года. Если нѣтъ соли, рыбу сушатъ въ вольномъ духѣ, въ русской печи въ теченіе 12 часовъ на слоѣ песку. Такая сушь называется м а л ь я или м о л ь я и не портится при храненіи въ сухомъ мѣстѣ въ теченіе цѣлаго года. Въ голодные годы ее мелютъ въ муку, которую подсыпаютъ къ ржаной и пекутъ хлѣбы. Наконецъ рыбу еще вялятъ: почистятъ слегка, помоютъ, да не посоливши и раскладываютъ въ ведреную погоду по крышамъ; дня черезъ 3—5 рыба готова, а коли погода сырая вялятъ подъ крышей, на что уходитъ 10—14 дней. Коптить, -не коптятъ вовсе, только въ Даниловѣ коптятъ сиговъ, да и то для себя.

---

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

# Населеніе и его бытъ.

**„Прислушайся къ шелесту ели,**
**у корня которой стоитъ твое жилище".**

*Финская поговорка.*

Кто были первые обитатели этого озернаго края, откуда они появились и въ какомъ положеніи обрѣтались, все это какъ говорятъ историки, «скрыто во мракѣ временъ». Во всякомъ случаѣ а priori можно сказать, что по самимъ географическимъ условіямъ страны вторженіе новыхъ элементовъ, колонизація и смѣшенія совершились здѣсь медленно и сравнительно спокойно въ условіяхъ болѣе или менѣе однородной физической и культурной среды. Разные открытые здѣсь остатки доисторической эпохи доказываютъ, что страна была заселена въ тѣ времена племенемъ,

каменныя орудія и гончарныя издѣлія котораго обнаруживаютъ большое сходство съ такими же находками, открытыми въ Скандинавіи, вслѣдствіе чего было высказано предположеніе, что обитатели олонецкихъ дебрей медленно перемѣщались далѣе на западъ, уступая мѣсто новымъ пришельцамъ, разнымъ финскимъ народностямъ, живущимъ въ странѣ и по сейчасъ *). Этими финнами являлись карелы и чудь, подъ которой понимаютъ племена емь и весь, а нѣкоторые географическія названія (Лопскіе погосты въ западной части Повѣнецкаго уѣзда и на сѣверо-востокѣ Финляндіи) указываютъ, что временно здѣсь обитала и лопь, т. е. лопари, передвинувшіеся впослѣдствіи далѣе на сѣверо-западъ. Вѣроятно, памятниками этихъ народностей являются курганы и высѣченныя на береговыхъ скалахъ Онежскаго озера у Бѣлаго Носа изображенія, какія встрѣчаются и далѣе на западѣ въ Финляндіи. Особенность края—обиліе рыбныхъ озеръ и рѣкъ, разсѣянныхъ среди дремучаго, трудно проходимаго лѣса, повела къ тому, что первобытные обитатели, явившіеся сюда, вѣроятно, бродячими охотниками, вскорѣ осѣли по берегамъ, кишѣвшихъ рыбою, озеръ, которыя обезпечивали ихъ пищею во всякое время года. Такимъ образомъ, вода, представляющаяся нашему воображенію эмблемой жизни и движенія, здѣсь, также, какъ въ знойныхъ и сухихъ низменностяхъ Месопотаміи и Египта, преобразовала подвижного лѣсного охотника въ осѣлаго рыболова и земледѣльца. Такъ какъ люди весьма устойчивы въ своихъ привычкахъ и покидаютъ разъ избранное мѣстообитаніе, представляющее обыкновенно тѣ или иныя выдающіяся выгоды и преимущества, лишь подъ давленіемъ нужды, то можно думать, что дальнѣйшія поселенія Олонецкаго края стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были заложены первыми насельниками края. Послѣ рыбы, облегчившей жителямъ переходъ къ осѣлости, второе мѣсто въ хозяйственной жизни страны должень быть занимать лѣсъ, особенно такіе участки его, въ которихъ по преимуществу и притомъ постоянно держится та или другая дичь, и которые подъ названіемъ ловищъ представляли впо-

*) Съ другой стороны географическія имена воды въ предѣлахъ Петербургской губ. и древнее названіе Перми (Биармія), примыкавшееся къ странамъ, лежавшимъ далеко къ западу отъ нынѣшней Вятской и Пермской губ., указываютъ на возможность того, что эти финскія племена жили прежде въ этихъ мѣстахъ и могли быть вытѣснены финнами, явившимися изъ болѣе южныхъ областей.

сѣдствіи цѣнную недвижимость, переходившую изъ рода въ родъ. Въ область этой низшей зв'ро-рыболовной культуры медленно вторгались элементы новой, высшей культуры, заносимой съ юга — хлѣбопашество и искусство обрабатывать металлы, нашедшее себѣ удобную почву на всемъ богатомъ желѣзными рудами сѣверѣ Европы. Многое заставляетъ думать, что первыя пашни были заведены въ Олонецкомъ краѣ славянскими колонистами изъ Новгородской области, начавшими селиться по берегамъ Свири еще въ XI в., а въ XII проникшими далѣе на берега Онежскаго озера, въ Обонежье и Заонежье (мѣстности на западъ отъ Онежскаго озера) и въ Заволочье (по р. Онегѣ). Въ тѣ времена страна, сплошь покрытая «мхами да болотами, дикими лѣсами, лѣшими рѣками, лѣшими озерами», изобиловала пушными звѣрями, мѣха которыхъ вымѣнивались у чуди и составляли замѣтную статью въ торговлѣ Новгорода съ западомъ и югомъ, и, вѣроятно, этотъ цѣнный товаръ привлекъ сюда первыхъ новгородскихъ промышленниковъ, за которыми, послѣ распространенія христіанства на Руси, здѣсь появились, охваченные рвеніемъ къ распространенію новой вѣры, пустынножители и просвѣтители чуди, какъ, напр., Кириллъ Челмогорскій, Александръ Ошевенскій и другіе, изъ жизнеописаній которыхъ видно, что они, помимо проповѣди просвѣщали финновъ и по части хозяйства, посѣкая и сожигая лѣса и творя на пожогѣ пашню, «матикою» или «копарюгою» землю ораше». За піонерами торговли и проповѣдниками новой вѣры появились вскорѣ настоящіе хлѣбопашцы—тѣ славянскіе колонисты изъ Новгорода, которые приходили сюда, убѣгая отъ тѣсноты или отъ какихъ-нибудь другихъ неудобствъ, испытываемыхъ ими на родинѣ. Они шли сюда «пашенной земли искати, гдѣ бы можно было поселитися, жити, или пахати, дикій лѣсъ расчищати, деревни и починки на томъ лѣсу ставити». Эти славянскіе насельники отчасти оттѣснили финновъ на западъ и сѣверъ, отчасти ассимилировали ихъ, превративъ въ подобныхъ себѣ земледѣльцевъ. Славянскіе колонисты распространялись вдоль рѣкъ, и направленіе теченія главнѣйшихъ изъ нихъ—Онѣги и Сѣверной Двины было причиной почему полоса славянскихъ поселеній перерѣзала поперекъ сплошную вытянутую съ запада на востокъ область распространенія финновъ. Вогъ и Пермь (Бярма) финскія племена, встрѣчавшіеся въ древнія времена далеко западнѣе отъ мѣстъ своего нынѣшняго обитанія были такимъ образомъ навсегда отрѣзаны отъ

тѣхъ финновъ, которыхъ въ настоящее время собираютъ въ одну группу подъ именемъ Прибалтійскихъ. На новой родинѣ старые привычные пріемы хозяйства славянъ неизбѣжно должны были измѣниться соотвѣтственно требованіямъ новой географической среды: земельный просторъ и сравнительная безопасность позволяли селиться не сплоченными деревнями, а розно; обширные лѣса, среди которыхъ залегали ключки удобной подъ пашню почвы, способствовали дальнѣйшему дробленію разраставшихся селеній, жители которыхъ разселялись по округѣ при рыбныхъ озерахъ и удобныхъ рѣкахъ, не утрачивая связи со своей метрополіей, со своимъ родомъ, такъ что раскиданные на обширномъ пространствѣ новые починки и отдѣльные дворы, «сидѣнія», сохраняли одно общее имя съ выдѣлившимъ ихъ селеніемъ, какъ это, напр., извѣстно для населенной мѣстности Ошта въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ небольшихъ поселеній, раздѣленныхъ незаселенными пространствами. Кромѣ славянскихъ колонистовъ, выходившихъ изъ Новгородской области и разселявшихся вдоль по рѣкѣ Свири по Заонежью и Обонежью, славяне проникали сюда еще по Шекснѣ, постепенно распространяясь на сѣверъ къ Бѣлому морю вдоль Выга, Онѣги и Сѣверной Двины. Появленіе культурныхъ насельниковъ настолько подняло значеніе края, что уже вскорѣ въ немъ заводятся обширныя вотчины новгородскихъ бояръ, владыкъ и намѣстниковъ, жалующихъ земли монастырямъ. Съ паденіемъ Новгорода (въ 1478 г.), земли по Онѣгѣ, т. е. Заволочье входятъ въ составъ Каргопольскаго уѣзда, а Обонежье подчиняется Новгородскимъ воеводамъ, пока въ 1649 г. не возникаетъ особый Олонецкій уѣздъ со своимъ воеводой, сидящимъ въ Олонцѣ, превратившемся благодаря сооруженію крѣпости изъ погоста въ городъ. Впослѣдствіи вся эта область подвергалась неоднократнымъ административнымъ передѣламъ, поселенія возводились въ рангъ городовъ или, наоборотъ, лишались этого званія (при Екатеринѣ II стали городами Вытегра, Петрозаводскъ, Лодейное поле, Пудожъ и Повѣнецъ), пока въ 1801 г. Олонецкая губернія не была возстановлена въ нынѣшнемъ ея составѣ съ административнымъ центромъ въ Петрозаводскѣ.

Суровая, но обильная естественными ресурсами, природа края въ высшей степени способствовала развитію самодѣятельности культурныхъ славянскихъ колонистовъ. Безъ притока такихъ колонистовъ съ юга, мѣстная чудь, вѣроятно, долго была бы

жизнь лѣсныхъ дикарей, наподобіе нашихъ сибирскихъ инородцевъ. Но вооруженный топоромъ и инымъ желѣзнымъ снарядомъ славянинъ, энергичный, трудолюбивый хлѣбопашецъ, освоенный съ прочнымъ укладомъ стародавней хозяйственной жизни, не терялся въ покорной безпомощности среди лѣсныхъ дебрей. Подобно американскому траппперу онъ билъ дичь, добывалъ рыбу, рубилъ лѣсъ; опираясь на вольный осмысленный трудъ, онъ цѣною напряженныхъ усилій широко развивалъ свое хозяйство, въ случаѣ нужды сплочиваясь и соединяясь съ сосѣдями, и, вѣроятно, жилъ бы припѣваючи до сихъ поръ, еслибы подозрительность центральной власти не обрѣзала ему на каждомъ шагу крылья. Въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, заботились болѣе всего о двухъ вещахъ: о покорности и дани. Въ жертву этимъ божкамъ государственной мудрости прошлыхъ вѣковъ приносили все и прежде всего развитіе самодѣятельности.

Борьба съ природой и подчиненіе ея себѣ, въ цѣляхъ хозяйственнаго процвѣтанія, немыслимы въ такомъ суровомъ краѣ безъ участія общественной силы людей, соединенныхъ въ разнообразныя группы. При слабомъ развитіи этого начала въ отдѣльныхъ лицахъ, внутренняя необходимость выдвигаетъ на сцену такія силы, авторитетъ которыхъ подавляетъ всякія отдѣльныя эгоистическія стремленія. Такою соціальною силою, несшею на себѣ опредѣленную, несознаваемую ею миссію, явились на нашемъ сѣверѣ сперва монастыри, возникавшіе изъ поселеній пустынножителей при благочестивомъ содѣйствіи отдѣльныхъ сильныхъ людей, надѣлявшихъ ихъ угодьями и льготами, а впослѣдствіи, когда изъ монастырей былъ вышибленъ духъ независимой дѣятельности, роль концентраторовъ общественной нравственной и матеріальной энергіи взяли на себя раскольничьи скиты, изъ нихъ особенно Выговскій скитъ, пока и ихъ въ недавнее время не сокрушила та же сила, подъ ударами которой медленно гибло развитіе и падало культурное значеніе этой обители для русскаго сѣвера.

Къ 1 января 1896 г. общая численность населенія Олонецкой губерніи опредѣлялась цифрой 376.102 ч. (182.690 мужчинъ и 193.412 женщинъ). Это даетъ среднюю плотность въ 3,2 ч. на 1 кв. в., причемъ по уѣздамъ она колеблется между 6,3 (Петрозаводскій у.) и 0,8 ч. на 1 кв. в. (Повѣнецкій у.), т. е. всего гуще населенія мѣстности на юго-западѣ губерніи, по Свири. Такимъ образомъ, Олонецкая губ. по плотности населенія превосходитъ одну только Архангельскую. Подавляющее большинство жителей

принадлежитъ къ крестьянскому сословію (327.201 ч.), особенно мало въ этомъ краю помѣщиковъ. «Однимъ мы бѣдны—помѣщиками, да тѣмъ-то мы и богаты!» справедливо шутятъ мѣстные аборигены. Этотъ перевѣсъ крестьянства проявляется, между прочимъ, въ томъ, что былины о Микулѣ Селяниновичѣ сохранились только здѣсь. По племенному составу населеніе Олонецкой губерніи до сихъ поръ распадается на три главныхъ группы: русскихъ (289.531 ч.), карелъ (62.695) и чудь (19.917)[1]) Карелы заселяютъ сплошною массой западную часть губерніи, смежную съ Финляндіей (почти весь Олонецкій у., с.-з. части Петрозаводскаго и Повѣнецкаго уѣздовъ), а чудь сидитъ въ ю.-в части Лодейнопольскаго у. (верхнее теченіе р. Ояти) и нѣсколькими селеніями перекидывается въ Вытегорскій у. Остальныя пространства, къ стати сказать, лучшія, заняты русскими, но что и тутъ сидѣли финны, которыхъ русскіе оттѣснили на западъ и сѣверо-западъ или ассимилировали, доказывается тѣмъ, что подавляющее большинство названій рѣкъ, озеръ, а также поселеній не русскія, а финскія. Карелы настолько обрусѣли, что своимъ бытомъ мало отличаются отъ русскихъ: домъ, одежда, хозяйство, пища—все то же самое, и только нѣсколько большій ростъ (а иногда меньшій), типъ и окраска волосъ и глазъ, да карельскій языкъ отличаютъ карела отъ славянина. Здѣшніе русскіе большею частью средняго роста, сложены довольно пропорціонально и стройны (карелы часто массивнѣе), черты лица правильныя и часто красивыя, особенно у женщинъ сохранившихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ славянскій типъ въ большей чистотѣ; волосы русые или бѣлокурые, а глаза чаще всего сѣрые. По характеру это чистые славяне: они добродушны, экспансивны въ весельи и ссорахъ, съ нѣкоторой лѣнцой, пока не раззадорятся на работѣ, а раззадорившись, олончанинъ работаетъ со страстью и воротитъ за двоихъ. Тяжелыя условія жизни въ мѣстности, гдѣ каждую пядь пашни надо было брать съ бою, цѣною жестокихъ усилій, выработали въ олончанахъ упорство и предпріимчивость, а разнообразіе занятій, среди которыхъ не малую роль играютъ охота, рыболовство и отхожіе промыслы, вызывающіе передвиженія и смѣну ра-

[1]) Такое точное дѣленіе можетъ быть основываемо только на языкѣ, потому что въ бытѣ своемъ карелы и чудь сильно обрусѣли, числятся православными и большею частью, кромѣ финскаго языка, говорятъ по-русски.

боть и вычурный, развило въ олонецкомъ крестьянинѣ извѣстную непосѣдливость, въ силу чего онъ неохотно или даже вовсе не берется за сидячую работу; такъ, сапожниковъ и портныхъ изъ мѣстныхъ жителей здѣсь не встрѣтишь, развѣ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, откуда они приходятъ на заработки въ Заонежье. Подвижность характера создаетъ промышленника, подвижность умѣренная рождаетъ купца, и потому въ Петербургѣ не мало купцовъ изъ олонецкихъ крестьянъ, особенно изъ числа богатыхъ раскольниковъ, ворочающихъ подчасъ большими предпріятіями. Удаленность края, разбросанность населенія и сравнительно малое значеніе его послѣ того, какъ растворилось «окно въ Европу», отсутствіе помѣстнаго дворянства и, наконецъ, непрерывно воспитывающее воздѣйствіе суровой природы привели къ тому, что нѣкоторая доля славянской простоты, самостоятельности и чувства собственнаго достоинства сохранились еще въ характерѣ здѣшняго населенія.

«Сознаніе личнаго человѣческаго равенства до такой степени сильно развито въ Олонецкой губерніи, пишетъ долго жившій въ этомъ краѣ Приклонскій, что въ деревняхъ крестьянинъ, встрѣчаясь со становымъ или исправникомъ, непремѣнно жметъ ему руку. Мнѣ самому приходилось видѣть, какъ крестьяне протягивали руку губернатору, и были очень сконфужены, не встрѣчая съ его стороны желанія отвѣчать рукопожатіемъ. Даже городская, лакейская муштра съ трудомъ отучаетъ домашнюю прислугу изъ крестьянъ отъ равнаго обращенія съ лицами высшихъ городскихъ классовъ. Напримѣръ, въ Петрозаводскѣ у меня нѣсколько лѣтъ жила, въ качествѣ домашней прислуги, старушка крестьянка, которая каждому, приходящему ко мнѣ гостю подавала руку и вступала въ разговоръ».

Мнѣ также, при частыхъ остановкахъ на ночлегъ и дневку въ крестьянскихъ домахъ, приходилось наблюдать это развитое чувство собственнаго достоинства, связанное съ радушнымъ и деликатнымъ гостепріимствомъ, въ которомъ не сквозило ни малѣйшаго желанія подслужиться или сорвать лишнее съ прохожаго человѣка. Придешь, бывало, на ранней утренней зарѣ, подымешь со сна громкимъ стукомъ (вставали и ставили самоваръ всегда старухи)—и ни тѣни неудовольствія. Часъ спустя послѣ знакомства, чувствуешь себя совершенно какъ дома, а черезъ день отношенія уже такіе, точно сто лѣтъ были знакомы на равной ногѣ. И дѣйствительно—помѣщиковъ тутъ не было, не имѣли

мѣста, отвѣтственно, заботливы, ломаніе шапокъ, драніе на колѣняхъ и прочія прелести крѣпостного права.

Среди каретъ я замѣтилъ три типа. Два типа свѣтлыхъ и одинъ темный. Изъ свѣтлыхъ одинъ таковъ: высокій ростъ, часто массивное сложеніе, лицо съ правильнымъ овломъ и моделировкой, съ нѣсколько горбатымъ носомъ, глаза водянисто-бѣлые, волосы различныхъ оттѣнковъ, иногда съ рыжимъ оттѣнкомъ и порою пакетообразные. Второй—свѣтлый типъ—низкаго роста, костляво-коряваго сложенія, съ угловатымъ, широкимъ, плоскимъ лицомъ, которое сильно уродуютъ широкій вдавленный носъ и выступающія скулы. Темный типъ, встрѣчающійся рѣже, напоминаетъ нѣсколько зырянъ или мордву—особенностью его является высокій ростъ при массивномъ сложеніи, темные, прямые волосы и каріе глаза. Кажется, глаза эти съ искорками, т. е. съ черными и иными пятнышками, какія я видалъ иногда у малороссовъ. По характеру карелы нѣсколько замкнутѣе и молчаливѣе русскихъ, хотя они далеко не такъ угрюмы и нѣмы, какъ финны, которыхъ я встрѣчалъ въ Выборгской губерніи. Но это отнюдь не мѣшаетъ имъ быть столь же радушными, какъ русскимъ. Повидимому, карелы выгодно отличаются отъ русскихъ большею практичностью и любовью къ порядку и чистотѣ.

Говорятъ, что олончане большіе щеголи и любятъ пріодѣться, особенно по праздникамъ. Однако, обычная одежда заонежскихъ крестьянъ настолько обща, что какія либо особенности костюма не бросаются въ глаза.

Близость столицы, которую крестьяне навѣщаютъ часто—иной побывалъ въ Питерѣ разъ 30—40 на своемъ вѣку, привела къ тому, что старый русскій костюмъ рѣшительно вытѣсняется городскимъ: мужики поголовно носятъ поверхъ рубахи суконные «пинжаки», на головахъ фуражки, а дѣвушки и молодыя замужнія женщины, особенно первыя, вмѣсто сарафановъ, въ которыхъ щеголяютъ пожилыя бабы и старухи, носятъ ситцевыя и шерстяныя платья уродливаго городскаго покроя. Что касается рисунка тканей, то карелы, подобно финнамъ, отличаются любовью къ прямому рисунку, т. е. къ клѣткамъ, тогда какъ русскіе рѣшительно предпочитаютъ «цвѣточки», «пукеты» или знаменитые «огурчики». «Клѣтки» это своя старина, когда холстина ткалась и красилась дома; «пукеты», «цвѣточки» и «огурчики», несомнѣнно, восточнаго происхожденія и указываютъ, что русскіе издавна успѣли полюбить ткани, получавшіяся съ Востока. Впрочемъ, карелы, по-

любно русскимъ, любятъ красныя кумачевыя рубахи. Поверхъ сарафана женщины носятъ шугаи со множествомъ складокъ въ таліи на спинѣ, осенью кафтанъ, а зимой полушубочекъ, крытый плисомъ или плисомъ. Волосы, заплетенные въ двѣ косы, бабы укладываютъ на головѣ вѣнкомъ, прикрывая его ситцевымъ чепчикомъ или повойникомъ, а въ праздникъ на чепчикъ надѣваютъ «колпачекъ» или «моду», т. е. шелковую косынку. Не малую роль въ женскихъ головныхъ уборахъ играетъ въ богатыхъ семьяхъ жемчугъ, который, какъ извѣстно, до сихъ поръ не перевелся въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ [1]). Бабы носятъ его въ видѣ сѣтокъ, а дѣвушки въ видѣ «повязокъ», т. е. лентъ пальца въ два шириной, усыпанныхъ жемчугомъ. Такія повязки переходятъ изъ рода въ родъ и оцѣниваются иногда, смотря по качеству жемчуга, въ сотни рублей.

Русскія поселенія расположены обыкновенно при рѣкахъ и озерахъ, вѣроятно потому, что заселеніе края происходило именно по этимъ естественнымъ дорогамъ, «которыя, по выраженію Паскаля, сами движутся и несутъ, куда желаешь». Такіе поселки имѣютъ часто двойное названіе, составленное чаще изъ финскаго имени рѣки или озера съ присоединеніемъ русскаго слова наволокъ [2]), губа, рѣка, озеро, палъ, чупа [3]); напр. Пертъ-наволокъ, Лобъ-наволокъ Пергуба, Острѣчье, Грихневъ-палъ. Карельскія поселенія, наоборотъ, чаще располагаются на высотахъ, на сельгахъ или на островахъ среди озеръ, откуда и названія ихъ: Хомсельга, Мансельга, или Колосари. Вѣроятно они возникли еще въ тѣ отдаленныя времена, когда люди больше опасались сосѣдей, чѣмъ сближались съ ними. Деревни и поселки раскидываются широко, нѣтъ того, чтобы избы лѣзли одна на другую, съ узкими проходами между. Громадныя жилыя постройки окружены хозяйственными строеніями, потому что даже у небогатаго крестьянина есть рига, амбаръ, баня, а то и мельница. Жилая изба представляетъ высокое, двухъ и даже трехэтажное строеніе.

[1]) Отсюда и древнее названіе его—бурмитское зерно, т. е. бьярмское пермское (Бьярма у древнихъ финновъ и скандинавовъ — Пермь), между тѣмъ какъ слово жемчугъ, повидимому, китайское и проникло къ намъ вмѣстѣ съ восточнымъ жемчугомъ черезъ монголъ.

[2]) Наволокомъ называется съуженная часть прихотливо изрѣзаннаго озера или губы, особенно удобная для переправы.

[3]) Чупа—тупой конецъ озера.

часто съ загѣнивымъ балкономъ подъ острой крышей, на которомъ тѣломъ висятъ, вялясь на солнцѣ, куски мяса.

У русскихъ оба этажа заняты жилыми комнатами, которыхъ обыкновенно двѣ внизу и двѣ наверху, соединенныхъ лѣстницей въ сѣняхъ. У бѣдныхъ изба с стоитъ всего изъ одной горницы и сѣней. У карелъ нижній этажъ почти всегда не жилой, а занятъ подпольницей, т. е. ямой, въ которую спускаются черезъ опускную дверь, сдѣланную въ полу на днѣ рундука привалка (лавка, а полъ ней сундукъ), помѣщающагося возлѣ и вдоль печи. Комната высокія, большія и свѣтлыя, такъ какъ въ большой, гдѣ стоитъ громадная русская печь, 5 или 6 оконъ, а въ

Карельская изба (видъ сбоку).

комнатѣ рядомъ, которая поменьше и обыкновенно оклеена обоями, съ бѣленымъ потолкомъ, увѣшана иконами, картинами и уставлена лучшей, часто мягкой мебелью стариннаго фасона, 2—3 окна (см. планъ избы). Надъ окнами у раскольниковъ нерѣдко выведены черной краской и сурикомъ надписи: «Христосъ съ нами уставися, всегда и днесь тѣмъ же и во вѣки Аминь». Громадная русская печь занимаетъ чуть не четверть большой горницы. Она покоится на срубѣ, чисто выбѣлена и, кромѣ рундука на передней сторонѣ, имѣетъ на выступающемъ въ избу углѣ высокія, узкія полки и столбъ, въ которыя вбитъ желѣзный трезубецъ для лучины. Этотъ печной столбъ — мѣсто невѣсты, когда она голоситъ запѣвачку къ родному очагу. Отъ верха печи вдоль и поперекъ всей избы тянутся подъ потолкомъ длинныя полки,

называемыя коровами. Печи имѣютъ трубы, но, должно быть, существуютъ еще избы, выстроенныя по черному, гдѣ дымъ уходитъ въ прорубленное въ потолкѣ окно, запирaемое ставнемъ и поднираемое его наклонъ (трубникъ). Двери, ведущія въ чистую горницу, нерѣдко вырѣзаны въ бѣлыя доски и украшены выпуклой рѣзьбой «пукетомъ» фантастическаго вида и цвѣта. Нерѣдко эта комната перегорожена ситцевой занавѣской на двѣ половины, представляя такимъ образомъ соединеніе гостиной со спальней. Въ домѣ сельскаго богача комнатъ, конечно, больше, и поражаютъ онѣ посѣтителя не столько убранствомъ, сколько нарядными въ нихъ чистотой, порядкомъ и хозяйственностью. На окнахъ виднѣются въ горшкахъ цвѣты на стѣнахъ, кромѣ фотографическихъ карточекъ хозяина и домочадцевъ (въ полномъ парадѣ, конечно), висятъ зеркала, а то писанная масляными красками, пріобрѣтенная по случаю въ Питерѣ картина рядомъ съ литографированными видами Соловецкой обители. Крашеный или бѣлый полъ начисто вымытъ и выметенъ и также опрятна мебель краснаго дерева и стариннаго фасона, покрытая какой-нибудь недоступной дѣйствію времени матеріей изъ волоса. Встрѣчается однако и мягкая мебель новаго фасона. Какъ бы ни была скромна обстановка этой комнаты, но въ ней всегда есть двѣ необходимыхъ принадлежности ея — иконы и стеклянный шкапъ, вмѣщающій большее или меньшее количество росписной фарфоровой посуды для чая и серебра (буде такое есть), которыя тщательно моются послѣ всякаго чаепитія. У зажиточныхъ раскольниковъ иконы собраны нерѣдко въ особой молельнѣ или «кельѣ», помѣщающейся въ «надстроѣ», т. е., въ третьемъ или четвертомъ этажѣ. Тутъ кромѣ иконъ хранятся старинныя книги, и сюда хозяинъ уединяется для чтенія и молитвы, «спасается», а то соберутся и сосѣди «помолитствовать». Прежде эти кельи отличались богатымъ убранствомъ своихъ иконъ, но частые погромы, послѣ которыхъ иконы съ цѣнными окладами дѣвались «неизвѣстно-куда» или лишались своихъ украшеній, заставили собственниковъ ихъ прятать свои святыни отъ чужого завистливаго взгляда.

У карелъ холодныя сѣни съ лѣстницей и чуланомъ отдѣляютъ отъ жилыхъ комнатъ громадное двухэтажное помѣщеніе, гдѣ въ верхнемъ этажѣ помѣщается сѣновалъ и держатъ разныя хозяйственныя вещи, а внизу находятся помѣщенія для скота. Для въѣзда во второй этажъ сѣновала устраивается накатъ съ широкими воротами это «съѣздъ». Сѣни или «связь» замѣняютъ карелу лѣтнія

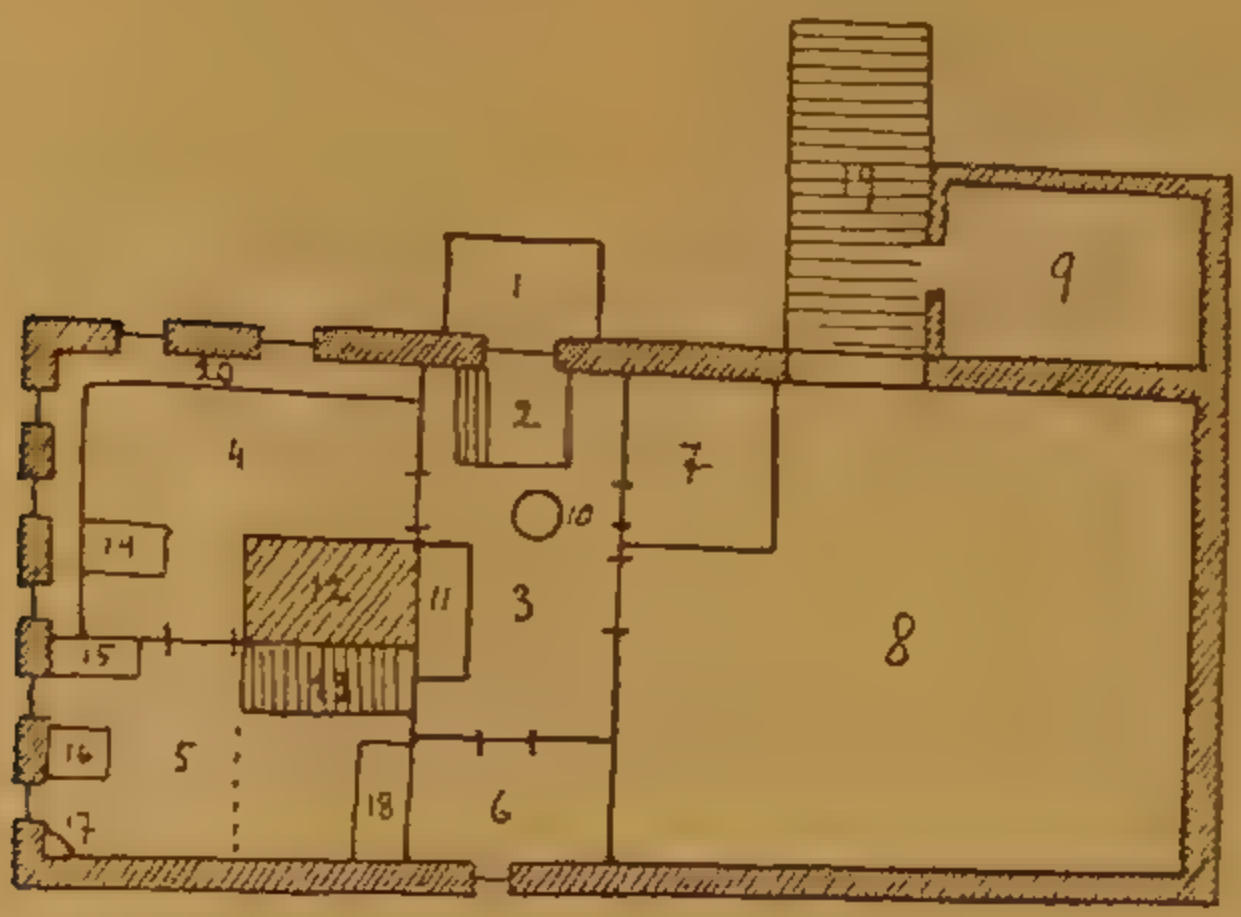
Внѣшній видъ карельской избы.

горницы, какія есть у русскихъ; здѣсь стоитъ его широкая постель съ холщевымъ пологомъ, умятъ съ водой и сюда открываются двери со всѣхъ четырехъ сторонъ: по лѣстницѣ внизъ на крыльцо, въ горницу, на сѣновалъ и, наконецъ, въ чуланъ, гдѣ его баба хранитъ свои молочные и иные продукты. Замѣчательно, что у карелъ почти всегда есть кровати, тогда какъ русскіе оказываютъ предпочтеніе къ спанью прямо на полу, либо на тюфякахъ, либо на овчинахъ.

Точно также у карелъ чаще встрѣчаются теплыя помѣщенія для скота, больше чистоты и хозяйственности въ домѣ, что слѣдуетъ приписать если не сосѣдству смежной Финляндіи, то болѣе трезвому, матеріальному складу мышленія карелъ, предъявляющихъ больше требованій къ житейской обстановкѣ. Впрочемъ, большая зажиточность и даже культурность карелъ наблюдается лишь въ болѣе густо населенныхъ южныхъ частяхъ. Далѣе на сѣверѣ полудикое карельское населеніе живетъ среди топей и дебрей въ ужасающей бѣдности, почти въ условіяхъ чисто натуральнаго хозяйства; даже желѣза мало. Причина тому рѣдкое населеніе, дальнія разстоянія и бездорожье, не говоря про скудную природу, съ которой карелъ при всемъ напряженіи силъ едва въ состояніи собрать скудную дань. Дворовъ съ воротами и огородовъ у карелъ нѣту, но есть широкія и чистыя деревенскія улицы, проходя по которымъ нѣтъ надобности зажимать носъ, ограждая органъ обоянія отъ запаха коровьяго навоза. Дальше на сѣверъ, гдѣ зимы холоднѣе, карелы заколачиваютъ окна до половины досками и смазываютъ пазы избъ смѣсью глины или толченаго мрамора съ навозомъ, чтобы изба лучше держала тепло. Благодаря обилію лѣса, всѣ постройки крыты тесомъ, а у богатыхъ обшиты имъ и выкрашены въ темнокрасный цвѣтъ и самыя избы.

Обиліе строеваго и дровяного лѣса и близость воды позволяютъ каждому хозяину имѣть баню. Впрочемъ бываетъ, что нѣсколько хозяевъ пользуются общей баней. Въ баню ходятъ очень часто, кажется даже, чуть ли не каждый день. Лѣтомъ мытье въ банѣ связано съ купаньемъ, такъ какъ попарившись, лѣзутъ въ рѣку, а зимой валяются въ снѣгу. Должно быть, потребность въ банѣ вызывается обиліемъ насѣкомыхъ—комаровъ на воздухѣ и клоповъ въ избахъ, отъ которыхъ при всей любви къ чистотѣ почти невозможно отдѣлаться въ щелистой бревенчатой постройкѣ.

Что касается пищи, то главными элементами ея являются хлѣбъ, рыба, рѣпа, дичь. Своего хлѣба, чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ хватаетъ на меньшее время, и его приходится прикупать. Особенные охотники до «мучнины», т. е. мучныхъ блюдъ, карелы, у которыхъ немало сортовъ ихъ калитки, кокачи, рыбники съ разной начинкой, овсяные блины съ житной кашей, овсяной кисель съ молокомъ (чупука). Хлѣбъ карелы пекутъ пополамъ изъ ржаной и овсяной муки. Рыбу ѣдятъ больше въ вареномъ видѣ, а




**Планъ карельской избы.**

(второй этажъ): 1. Крыльцо. 2. Лѣстница. 3. Сѣни 4. Горница. 5. Чистая горница. 6. Кладовая хозяйки 7. Кладовая. 8 Сарай, подъ нимъ помѣщеніе для скота. 9. Помѣщеніе для скота 10 Ушатъ съ водой 11 Постель 12, 13. Печь 14. Столъ. 15. Шкатъ съ посудой. 16. Столъ. 17. Иконы 18 Постель. 19. Въѣздъ. 20. Лавки.

изъ овощей рѣшительно преобладаетъ рѣпа (печеная, рѣже вареная), для посѣва которой выжигаютъ на подсѣкѣ мелкій березнякъ, она такъ и называется—поле рѣпу; такая подсѣка годна только на одинъ разъ. Изъ остальныхъ овощей изрѣдка встрѣчается картофель, все же остальное какъ напр. горохъ, капуста, не выдерживаетъ полѣсскихъ морозовъ. Изъ рѣпы приготовляется обычный карельскій напитокъ—рѣпяная квасъ. Ячмень, несмотря на обиліе ея, ѣдятъ мало. Въ неурожайные годы является хлѣба; дороговизна его и безхлѣбье часто доводятъ населеніе до формальнаго голода, о которомъ рѣдко приходится слышать, такъ

какъ этимъ заброшеннымъ краемъ интересуются мало, а про здѣшнее земство, состоящее, при отсутствіи дворянства и какихся дворянъ, больше изъ чиновниковъ и купцовъ (они же кулаки), нельзя сказать, что бы оно принимало близко къ сердцу интересы массы, оно больше исполняетъ «волю пославшаго мя». Оттого населеніе справляется съ голодомъ само какъ умѣетъ. Опишемъ здѣсь тотъ удивительный древесный и иной хлѣбъ, которымъ олонецкіе жители въ голодный годъ умудряются замѣнять настоящій; цѣны на хлѣбъ поднимаются въ такое время втрое, вчетверо и выше противъ обыкновенной. Собственно говоря, хлѣба не хватаетъ почти всегда, такъ что потребленіе хлѣбнаго суррогата чуть ли не вошло въ обычай, и весь вопросъ сводится только къ количеству его.

Есть хлѣбъ «соломенный» и «древесный». Соломенный приготовляется такъ: берутъ ячменную солому, сушатъ ее, толкутъ въ деревянной ступѣ и мелятъ на ручныхъ жерновахъ (иногда на деревянныхъ за неимѣніемъ каменныхъ) и къ полученной трухѣ и пыли присыпаютъ ржаной муки четвертую часть, у болѣе зажиточныхъ—половину. Если нѣтъ ячменной соломы, то берутъ ржаныя колосья съ оставшимися въ нихъ сѣменами, толкутъ въ ступѣ и, неразмалывая, пекутъ изъ толченой мякины хлѣбъ безъ всякой примѣси муки. Хлѣбъ изъ ржаныхъ колосьевъ, конечно, грубѣе, переваривается труднѣе и хуже на вкусъ. «Соломенный» хлѣбъ несомнѣнно вреденъ, но еще ужаснѣе хлѣбъ «древесный». Весной, почему то непремѣнно послѣ перваго грома, сдираютъ съ сосенъ кору, отдѣляютъ внутренній бѣловатый нѣжный слой отъ корки, сушатъ на горячихъ углякъ, чтобы «духъ смоляной выгорѣлъ», пока масса не приметъ красноватый цвѣтъ, потомъ ее толкутъ, мелятъ и, смѣшавъ съ мукой ($^1/_4$ или $^1/_2$), пекутъ изъ нея хлѣбъ. Это происходитъ обыкновенно весной, когда уже и соломы нѣтъ. Наконецъ послѣдній суррогатъ, придуманный злополучнымъ олончанином, это «корява», сосновая каша, т. е. та же сосновая пыль, которую за неимѣніемъ муки, всыпаютъ въ молоко. Вотъ этимъ сѣрымъ клейстеромъ и питаются люди... Вынести эту пищу могутъ только исключительно крѣпкіе животы. Обыкновенно же потребленіе ея производитъ опухоль, а затѣмъ смерть. Изъ напитковъ чай не въ такомъ распространеніи какъ въ другихъ частяхъ Россіи, въ западныхъ уѣздахъ его замѣняетъ плохой кофе, который также какъ и соль, доставляется контрабандой изъ Финляндіи. Вино также въ меньшемъ

употребленіи по той же причинѣ, какъ табакъ — много старовѣровъ.

Но и эта постоянная безхлѣбица, замѣчаетъ Майновъ, не можетъ удержать земледѣльческаго зуда, и просто диву даешься иной разъ, когда весной за 20 отъ селенія вдругъ вынырнетъ изъ лѣса огнище съ посѣвомъ, а слѣдовательно и «подсѣчка государственнаго имущества».

Плохая и недостаточная пища, суровый и влажный климатъ, обиліе болотъ, отсутствіе врачебной помощи все соединилось для того, чтобы предать населеніе края во власть разныхъ повальныхъ и иныхъ болѣзней, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ тифу и оспѣ. Противъ оспы, которую народъ называетъ Марьей Ивановной, олончане, кажется, ничего не имѣютъ, потому что жертвой ея чаще всего падаютъ дѣти, а большое количество дѣтей въ народѣ отнюдь не считается благословеніемъ свыше. Одинъ изслѣдователь края говоритъ, что когда она появляется въ селеніи, то вся деревня отъ мала до велика собираетъ дары и отправляется въ зараженную избу. «Здравствуй матушка, Марья Ивановна! здравствуй на многія лѣта! Благодарствуй, что посѣтила насъ, рабовъ твоихъ покорныхъ, не будь ты намъ злою мачихой, будь родной матерью! Ты лихи порти, да въ гробы не складывай! Не побрезгуи дарами нашими!» Все это сопровождается учащенными поклонами, и дары подносятся больному, который долженъ всенепремѣнно отвѣдать ихъ: и рыбничка, и водочки, и всего такого. Затѣмъ дары съѣдаются присутствующими, а больного ведутъ въ до безобразія натопленную баню, гдѣ незараженные отъ жару завязываютъ себѣ глаза и на руки надѣваютъ рукавицы и «выпариваютъ желанную гостью». — «а то матушка по Россіи бродивши обшивѣла». Иной отъ такого леченья выздоровѣетъ, а иной (чаще) помретъ» [1]). Любопытно, что въ здѣшнемъ краѣ оспу олицетворяютъ въ образѣ какой-то Марьи Ивановны; сибирскимъ инородцамъ эта болѣзнь тоже представляется въ видѣ старухи, разъѣзжающей по тундрѣ на красныхъ собакахъ. Тифъ свирѣпствуетъ больше зимой, весной же начинается сезонъ лихорадки, «весенки». Здѣсь, какъ и вездѣ на Руси, эту хворь распредѣляютъ между 12-ю дѣвицами — «простоволосыя ярославны, лукерья, скакуны, видѣнье крестовыя»: вотъ они: лихобиха, ломиха, тутока, коркота (жаба), черная (гнилостная тифь), огненная, томиха (умерщ. сухота, вскрѣпа, си-

[1]) Майновъ стр. 272.

вяя, зеленая, смертнозримая. Въ число этихъ болѣзней входятъ, конечно, не однѣ лихорадки, а разнообразныя болѣзни вплоть до апоплексіи (смертнозримая). Далѣе не малое мученіе представляютъ разныя накожныя болѣзни, поражающія особенно часто малолѣтнихъ ребятъ и происходящія отъ грязной и дурной пищи. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ «свороба», головная сыпь. Эти болѣзни, подобно оспѣ, также чаще всего лечатъ просто баней.

Языкъ, которымъ говорятъ олончане, подобно многому другому, сохранился въ большей чистотѣ. Онъ заключаетъ немало древнихъ словъ и свободнѣе отъ примѣси словъ иностранныхъ и словъ тюркскаго корня, зато принялъ въ себя много корельскихъ словъ. Встрѣчаются, впрочемъ, офенскія слова а у ладвинскихъ стекольщиковъ есть свой такой же «билямскій» языкъ. Характерную особенность олонецкаго говора составляютъ именно эти слова и заимствованная, вѣроятно, тоже у финновъ манера переносить удареніе подальше отъ конца: пи́демъ, у́шель, не́ могу, вда: этимъ особенно отличается заонежско-пудожскій говоръ; далѣе олончанинъ любитъ смягчать гласныя (а въ я, у въ ю послѣ ц), и согласныя (ч въ ц), напр. вмѣсто чудо говоритъ цюдо, вмѣсто молодица—молодиця, цитать вмѣсто читать. Въ олонецкомъ говорѣ, покрайнемъ мѣрѣ въ заонежьѣ, нѣтъ бканокъ, и въ связи съ этимъ рѣчь часто льется нараспѣвъ, особенно любятъ речитативъ бабы. Неправильности или скорѣе правильности тѣ же, что вездѣ на сѣверо-западѣ: сохранилось двойственное число, въ дательномъ и предложномъ вмѣсто ѣ - и или ы (въ избы, въ городи), творительный сходенъ съ дательнымъ (взяль рукамъ вмѣсто руками), въ глагольныхъ формахъ часто опускается окончаніе (не хоче, не пиде). Населеніе Обонежья сохранило до новѣйшаго времени богатую народную поэзію, особенно эпическую, не только русскую но и финскую. Русскія былины собраны здѣсь Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, а причитанія—Барсовымъ. Изъ 400 былинъ кіевскаго цикла 300 записаны въ Олонецкой губерніи, а былины о Микулѣ сохранились только здѣсь. Извѣстные «сказители» былинъ Рябинины, отецъ и сынъ, олонецкіе крестьяне. Финскіе собиратели (Кастренъ, Европеусъ, Альквистъ и другіе) также нашли здѣсь в приходахъ Репола и Хиполя наиболѣе богатую почву. Вуокниекскій (Архангельской губ.) матеріалъ, вошедшій въ сборникъ финскихъ былинъ, носящій общее названіе «Калевала».

ихъ богачи, которые завладѣли ими «обыкновенными способами», а нетъмъ, что затратили собственныя силы на превращеніе этихъ участковъ изъ подсѣкъ въ разрядъ постоянныхъ пашенъ. Такіе участки, созданные собственными усиліями изъ подсѣкъ и болотъ, будутъ ли то пашни или сѣнокосы, до сихъ поръ нерѣдко остаются въ личномъ владѣніи и переходятъ по наслѣдству. Упомянутая выше мобилизація земель и возрастаніе численности населенія создали вскорѣ столь невыносимыя условія, что наступила необходимость какъ нибудь раздѣлаться съ возникшимъ неравенствомъ. И вотъ тогда то всплыло наверхъ общинное начало, которое навремя взяло перевѣсъ надъ личнымъ, причемъ дѣло не обошлось безъ вмѣшательства правительственной власти, которой «личное владѣніе» приходилось не по вкусу съ обезземеленной голытьбы не соберешь податей. Первый передѣлъ земли, возстановившій нарушенное равновѣсіе, произошелъ въ царствованіе Екатерины II, и благодаря ему община возобладала. Многое однако заставляетъ подозрѣвать, что процессъ земельной мобилизаціи, задержанный въ свое время правительствомъ, не прекратился, а вновь начинаетъ свою работу,—созидательную съ одной стороны, разрушительную съ другой. Число лицъ, забирающихъ въ волостяхъ билеты и уходящихъ на промыслы, растетъ годъ отъ году: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уходитъ половина, кто на лѣсные промыслы, кто въ столицу; а это указываетъ на то, что «перекатная голь» не въ состояніи прокормиться земледѣліемъ и понемногу уступаетъ ее кому то другому. Условія хозяйства въ этой рѣдко населенной болотно-лѣсистой странѣ не слишкомъ то измѣнились по сравненію съ прошлымъ, они все еще таковы, что даютъ извѣстный просторъ личной самодѣятельности, которая въ нашъ капиталистическій вѣкъ дѣйствуетъ успѣшно лишь на почвѣ извѣстнаго достатка. Если раньше расширеніе обрабатываемаго участка зависѣло исключительно отъ рабочей силы семьи, то теперь при наличности наемнаго труда оно стоитъ въ гораздо большей зависимости отъ денегъ... богатый увеличиваетъ свои владѣнія, **бѣдный лишается того немногаго, что имѣлъ.**

Этому процессу ставятъ нѣкоторые предѣлы разные «сирыхъ хозяевъ», среди которыхъ имѣетъ наибольшее развитіе артельное начало. Такіе хозяева, не имѣя возможности превратить болото въ пашню или сѣнокосъ единоличными усиліями, соединяются для этой цѣли въ артели, такъ называемыя «собры»; этимъ путемъ каждый изъ членовъ артели увеличиваетъ свою «личную»

неподвижность, благодаря чему онъ повышаетъ свои шансы со-временемъ попасть въ разрядъ богачей. Изъ перекатной голи по-немногу рекрутируется армія наемныхъ рабочихъ, которыми буквально торгуютъ «десятники», «рядчики», т. е. поставщики рабочихъ рукъ на разные промыслы. Каждый недородъ и они частью въ Олонецкой губерніи, усугубляетъ неравенство, и бѣдняки по-степенно дотягиваютъ «справныхъ» и богачамъ. И немудрено, — весною бѣдняки покупаютъ у нихъ свои же, проданные осенью **хлѣбъ по вдвое возросшей цѣнѣ!**

Волостное владѣніе способствовало въ свое время равномѣр-ному разселенію, вызывая возникновеніе «починковъ». Общинное и личное владѣніе, наоборотъ, благопріятствуетъ концентраціи на-селенія въ большихъ селеніяхъ. Волостное владѣніе и почти чистое натуральное хозяйство преобладаютъ въ рѣдко населенныхъ се-верныхъ частяхъ, тогда какъ въ южныхъ болѣе густо населен-ныхъ уѣздахъ, которые въ скоромъ времени пересѣчетъ желѣзная дорога на Петрозаводскъ, оно отошло въ область прошлаго.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что рядъ разумныхъ экономическихъ мѣропріятій могъ-бы привести къ тому, что при жизненности артельнаго начала обитатели Олонецкой губерніи обезпечили бы себѣ съ помощью его болѣе свѣтлое будущее. Дѣйствительно земли много, при расчисткѣ лѣса и по осушкѣ мно-ихъ боло-ей могло бы хватить всѣмъ, проведеніе дорогъ сильно поднялъ бы промышленность края, но... событія, протекающія въ этомъ глухомъ краѣ съ особенною медленностью, направляются совсѣмъ не въ томъ направленіи, какое выгодно подавляющей массѣ на-селенія. Правда, въ Олонецкой губерніи нѣтъ помѣщиковъ, а по-тому отсутствуютъ и многія явленія, характеризующія сѣ-рякое» сословіе, но роль его съ успѣхомъ исполняютъ сельскіе бо-гачи, которые наряду съ чиновниками завладѣли землею. Не говоря уже про то, что перераспредѣленіе въ недавнее время земель вообще потеряло всякій смыслъ, ибо сель-скохозяйственныя угодья, которыя по отношенію къ числу, составляютъ то единственно принимать къ сердцу интересы населенія, и они пользуется въ его средѣ многими сочувствіемъ и тѣми же правами. Не трудно конечно понять, къ чему клонятъ бѣдняки, и они во всемъ берутъ все болѣе усиливающуюся сторону. Хотя бы здѣшніе представители сѣрякаго сословія, и въ большихъ собраніяхъ, и въ частныхъ поводахъ, и въ Россіи вообще

«кулаковъ», своей большей культурностью и обнаруживаемой готовностью представителями ея готовностью удѣлить часть заработанного куска на пользу общую». Мѣстные Финогены и, живущіе кулачищемъ и благообразіемъ россійскаго г-на Колупаева, съ особенною охотою жертвуютъ на церковь, которая въ Олонецкой губерніи вѣрно поражаетъ своимъ благоустройствомъ.

Такъ напр. прекрасно устроенное народное училище въ селѣ Лугахъ Каргопольскаго уѣзда живо къ жизни всѣми усиліями мѣстнаго богатаго крестьянина Е. П. Попова, причемъ цѣль его заключалась вовсе не въ томъ, чтобы разнообразить себѣ тѣмъ способомъ медаль или благодарность начальства. Кромѣ многихъ школъ, обитатели губерніи обязаны своимъ богачамъ многими другими общеполезными сооруженіями, въ числѣ которыхъ особенно выдѣляются мосты, гати, дороги. Построеніе мостовъ еще въ древнія времена представляло «подвигъ», которому съ особенной любовью предавались мѣстные вольные устроители края изъ числа раскольниковъ.

Это обстоятельство не слѣдуетъ, конечно, приписывать особенной культурности Олонецкихъ Финогеновъ, мы скорѣе склонны видѣть въ этомъ явленіи вліяніе давнихъ демократическихъ начатковъ, сохранившихся въ бытѣ и нравахъ населенія благодаря расколу, этому цѣлому облому древней Руси, скрывшему въ своей изуродованной, продавленной, обшарпанной игрою судебъ оболочкѣ не одно пустое восмиконечіе и двуперстіе.

Изъ общаго числа 376.102 ч., составляющихъ населеніе Олонецкой губерніи, оффиціальная статистика зарегистрировала всего только 5.244 ч., уклоняющихся отъ православія, изъ нихъ 2.383 ч. единовѣрца и 2.871 ч. раскольника. Надо ли говорить, что цифра эта совершенно невѣрна. Населеніе уѣздовъ Повѣнецкаго, Пудожскаго и Каргопольскаго, русское и карельское — чуть ли не сплошь раскольники, числящіеся однако по спискамъ православными. Восмиконечные кресты, старинныя иконы и книги, двуперстіе, особый покрой, отличающій бабій и дѣвичій [illegible] первый, только начинающій въ нѣкоторыхъ признакомъ принадлежности къ расколу. Мѣстныя попытки, замѣтныя въ 1854 г. настоятельнымъ порывомъ, слиться съ нею и строгости, стѣсненія, жестокое и систематическое преслѣдованіе со стороны духовенства, особенно рѣзкаго здѣсь отъ времени миссіонерства, не увѣнчались успѣхомъ и прибѣгавшихъ на нѣкоторое время къ двуперстному сложенію пер-

ній, прим. и въ тому, что расколъ надѣлъ на себя типичныя признанія, но пустующія первыя и многочисленныя записи духовныхъ пастырей, ежегодно отмѣчавшихъ въ своихъ спискахъ кровныя имена пасомыхъ ими «православныхъ» — все суть исповѣди и св. причастія по «ереси» или «по совѣсти», указываетъ, что населеніе еще упорно придерживается старой вѣры.

Расколъ старообрядства, возникшій въ срединѣ 17-го вѣка по поводу исправленія Никономъ церковныхъ книгъ, вылился вскорѣ въ болѣе широкое оппозиціонное движеніе въ которомъ недовольство существующимъ порядкомъ спѣшило сдѣлать запутаннымъ образомъ съ консервативнымъ желаніемъ уберечь національную старину отъ постепенно надвигавшихся на нее элементовъ новой, именно западной культуры. Отсутствіе теоретической научной мысли, берущей на себя руководительство народнымъ сознаніемъ, въ чемъ допетровская Русь сильно походила на современный нашъ Китай, было причиной, почему это оппозиціонное движеніе приняло въ высшей степени уродливыя формы и въ формулированіи своихъ требованій почти не вышло за предѣлы узкой церковности. Постепенное распространеніе правительственной власти на окраины, которыя были колонизованы свободною волною переселенцевъ, уходившихъ изъ центральныхъ областей Московскаго государства по самымъ разнообразнымъ причинамъ, большая свобода и самостоятельность этихъ новыхъ частей растущаго государства, вотъ причины, почему расколъ нашелъ въ нихъ болѣе прочную опору и создавалъ себѣ здѣсь новыя формы. Неразвитая критически, тугодумная работавшая русская мысль опершись на вызванное Никономъ раздвоеніе въ бессознательномъ стремленіи найти въ этомъ пути свое собственное, національное выраженіе, развить новыя, добавочныя недостающія формы для развивающейся жизни и создать этимъ путемъ систему соотвѣтственно строя, которая сохранила бы въ себѣ возможность дальнѣйшаго развитія на основѣ своего древняго, вѣками развивавшагося строя. Это стремленіе встрѣтило непосредственное сопротивленіе съ одной стороны въ слишкомъ сильномъ правительствѣ, обладавшемъ несравненно болѣе дѣйствительными средствами и силами для того, чтобы направить народное развитіе по своему пути и по своему и запрашиваемому строю жизни и отвѣчавшему потребностямъ времени и поколѣнія, съ другой — въ собственной убогости мысли, безсильно и покорно своимъ путемъ шедшей. Писанію и Преданію, изъ которыхъ раскольническое сознаніе хватало на-

ро̀ли извѣстно опорные принципы для новыхъ религіозныхъ и соціальныхъ воззрѣній. Можетъ быть послѣднее обстоятельство не составило бы непреодолимаго препятствія, и упорная работа раскольничьей мысли выбралась бы изъ дебрей формальной церковщины на просторъ, куда ее вынирали непреклонныя требованія самой жизни, если-бы частыя и сильныя гоненія и разныя стѣсненія въ концѣ концовъ не вырвали бы изъ подъ ногъ упрямо боровшагося съ правительственною властью раскола матеріальной основы его силы. Какимъ образомъ умственное движеніе, упорная, хотя подчасъ и безплодная работа сознанія, характеризующая разныя толки раскалывавшагося въ свою очередь старовѣрія, понемногу находила болѣе рациональныя формы и сравнительно легко отбрасывала то, что сковывало и тормозило или могло тормозить въ будущемъ соціальное развитіе,—показываетъ исторія сѣвернаго раскола. Около 1685 г. расколъ раздѣлился на поповщину и безпоповщину. Болѣе радикальная безпоповщина пошла по направленію, намѣченному еще при жизни протопопа Аввакума; основную мысль, легшую въ основу ея, можно формулировать такъ: разъ антихристъ народился и уже царствуетъ на землѣ (какъ училъ Аввакумъ), то значитъ православіе утрачено, и на землѣ нѣтъ болѣе ни истинной церкви, ни таинствъ, нѣтъ и не можетъ быть священства, и для общенія съ Богомъ не требуется посредничества церкви, а достаточно молитвы и религіозныхъ упражненій. Не отрицая брака, безпоповцы остановились на требованіи безбрачія, такъ какъ за отсутствіемъ священниковъ браки некому было совершать. Но такъ какъ подобное требованіе въ сущности неисполнимо, то вопросъ о бракѣ получилъ практическое, подсказанное жизнью разрѣшеніе, оставаясь въ теоріи крайне запутаннымъ. Мы ясно видимъ здѣсь, какъ скованная авторитетомъ мысль, покачнувшись на своей вѣковой основѣ отъ какихъ то по существу совершенно маловажныхъ разногласій (двуперстіе, тригубая аллилуя, восьмиконечный крестъ и т. п.), въ своемъ логическомъ развитіи безстрашно опрокидываетъ горазло болѣе крѣпкія традиціонныя преграды и съ необычайной смѣлостью рѣшаетъ наново самые основные вопросы. Главнымъ райономъ первоначальнаго распространенія безпоповщины является сѣверное русское Поморье. Думаютъ, что это произошло оттого, что самыя природныя условія давно уже пріучили зырянское населеніе обходиться безъ попова. Но можетъ быть справедливѣе мысль,

что радикализмъ русскаго сѣвера, есть радикализмъ Сѣвера вообще: большая затрата труда, необходимость цѣлесообразной экономіи его на сѣверѣ, сравнительно съ всесвящимся чувственнымъ Югомъ, устанавливаютъ здѣсь болѣе короткіе пути между дѣйствительностью и сознаніемъ и трудно мирятся съ занесенными извнѣ и совершенно чуждыми здѣсь формами быта. Отсюда религіозный раціонализмъ сѣверянъ. Поморское согласіе, сложившееся на сѣверѣ, вскорѣ создало центръ и опору для всѣхъ безпоповщинъ въ знаменитой Выгорѣцкой обители, возникшей на рѣкѣ Выгѣ въ концѣ 17-го столѣтія. Отъ поморскаго согласія отдѣлилась въ 1706 г. федосѣевщина, а въ 1730 г. еще болѣе радикальная филипповщина; послѣ чего дробленіе безпоповщины на менѣе и болѣе радикальные толки пошло еще быстрѣе. Такъ изъ Федосѣевщины вылѣлились титловщина, аристовщина; изъ филипповщины—пастуховo согласіе, ароновщина. Затѣмъ появились странники или бѣгуны, нѣтовщина, или спасово согласіе, самокрещенцы, рябиновщина, дырники, средники, небушково согласіе, воздыхатели и т. п. мелкія секты, возникавшія уже въ иныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества.

Поморское согласіе, какъ сказано выше, отрицаетъ священство, предоставляетъ мірянамъ совершеніе таинствъ, которыя дѣлитъ на «нужнопотребныя» (крещеніе, покаяніе и причащеніе) и просто «потребныя» (остальныя четыре), безъ которыхъ спасеніе возможно. По отношенію къ таинству брака Поморское согласіе держалось вначалѣ отрицательной точки зрѣнія, требуя для всѣхъ «дѣвства», но такъ какъ практически это оказалось трудноисполнимымъ и приводило къ неудобнымъ послѣдствіямъ, то поморскіе настоятели стали относиться терпимо къ бракамъ, совершеннымъ въ православной церкви, не признавая однако ихъ законными. Затѣмъ вошло въ обычай брачное сожительство безъ вѣнчанія въ церкви по одному взаимному согласію брачущихся. Наконецъ, въ настоящее время установился прежній взглядъ, подправленный особымъ компромиссомъ, т. е. всѣ должны вести безбрачную жизнь, но если кто женится безъ священническаго благословенія, тому общество его единовѣрцевъ не судья: каждый самъ дастъ въ томъ отвѣтъ Богу. Отказавшись отъ литургіи, поморцы имѣютъ однако свои богослуженія, отправляемыя въ часовняхъ. Въ Выговской пустыни были составлены «чины» этихъ

с чтецъ; «чинъ ре[illegible] благословенныхъ непосвященныхъ мужеи и жены», «уставъ поморскои службы церковныя и келеиныя», «чинъ исправотописанныхъ для отправленія крещенія и покоянія», «чинъ очищенія жены родивши», «чинъ или поставленія пастыреи словесныхъ овецъ». Этотъ послѣдній чинъ есть благословеніе наставниками избираемаго лица въ собраніи народа; онъ сопровождается семипоклоннымъ «началомъ», краткими молитвами и славословіями и представляетъ такимъ образомъ посвященіе. Посвященное лицо получаетъ титулъ «благословеннаго отца». Принимая къ себѣ отказавшихся отъ православія, Поморское согласіе требуетъ отъ нихъ полнаго разрыва съ прежнеи церковью и потому перекрещиваетъ ихъ. До 1738 г. поморцы не молились за царя, но затѣмъ они постановили на соборѣ поминать Императорское Величество всѣхъ, гдѣ значится по книгамъ, и приняли тропарь «Спаси Господи люди твоя»; но это «моленіе» не вошло въ ученіе, а является простымъ и внѣшнимъ приспособленіемъ къ «обстоятельствамъ».

Первыми основателями Поморскаго согласія были: Павелъ, бывшіи епископъ Коломенскіи, Досифеи, игуменъ тихвинскаго Никольскаго монастыря и соловецкіе выходцы иноки: Епифаніи, Германъ, Іосифъ, дьяконъ Игнатіи, инокъ Корнилій и помѣщикъ крестьянинъ Емельянъ. но организовали его по настоящему Данила Викулинъ, дьячекъ изъ Шуньги, и братья Денисовы Андреи и Симеонъ, главные дѣятели и столпы Данилова монастыря или Выговскои пустыни, ставшеи благодаря имъ настоящимъ центромъ для безпоповщины всеи Россіи.

Въ началѣ возникновенія раскола увѣренность въ томъ, что антихристъ народился и стало быть, конецъ міра близокъ, развивала ревность о вѣрѣ и готовности принять мученическіи вѣнецъ. Такъ Аввакумъ училъ, что насильственная смерть за вѣру и келеиныя: «стоять въ вѣрѣ надо неотступно», «страха человѣческаго не боятся, а надѣяся на Бога, всѣ сіи скорби умолчать и самого Христа ради... хотя и быть сдлать и жечь... Что нужно сіе? Сіе очищеніе и огнь, сладость и покой, со ангелами царствовать. А кто огня того боится и крови, боится пити изъ Дерева, и тому не бывать! Да полно страхъ-то имать, и тогда и забываемся...» Такъ дѣйствительно Аввакумъ и его сторонники относились къ смерти и мученіямъ и были, конечно, люди, которые [illegible] тому [illegible] то-

ложилось [1]). И самосожженія происходили въ ужасающихъ размѣрахъ... Только до 1690 г. на сѣверѣ сожглось не менѣе 20.000 ч. (изъ нихъ не болѣе 3.000 лишь до изданія указа 7 Апрѣля 1685 г., стало быть указъ значительно усилилъ это явленіе). Послѣдній случай самосожженія имѣлъ мѣсто въ Олонецкой губ. въ 1860 г., когда сожглось 12 ч. Какъ извѣстно этому предшествовалъ разгромъ 1855 г.

«Всюду бо мучительства мечи обагрени крови, непрестанною новыхъ страстотерпцевъ явленіемъ, всюду плачи и вопль и стенаніе вся тѣснини по градѣхъ и въ селѣхъ напо[л]нишася христіанъ, древняго держащихся благочестія. Ведѣ чепи брязаху, ведѣ вериги звенѣху, ведѣ трисли и хомути Никонову оученію служаху, ведѣ сири и жезіе въ крови исповѣдническои полсяюще омочахуся... Оутопахуся въ селѣхъ села и вси, покрываахуся въ плачи и въ стонаніи пустыни и дебри... овіи мечи оусѣкаеми, овіи же огнемъ сожигаеми, и пыи никако спокоеваеми, чесо ради. Поистинѣ сіико праведно тѣмъ и мерьзостно Никонову простыя стояху повѣществу... кунѣе оубо мечи мнозаніи, оутопленіе мъки лютѣиша, изобрѣтаніе смерти страшнѣиша. да и радость иновѣрному пролиѣи будеть сматаеми. И сице тогда было гоненіе и немилостивое непокаянныхъ мучительство. Всюду кровь, вопль и стонаніе слышашеся и на всѣхъ лицѣхъ страхъ и трепетъ и колебаніе и ужасъ. Отъ многаго гоненія и мученія тѣхъ многи людіе домы своя покидающе бѣгаху...

А вотъ и картина самосожженія:

«Отецъ Пимин со своими собравшися в нѣкое зимовье въ Березовѣ на рѣчкѣ въ деревнѣ в нѣкоемъ хрисмѣ [2] в

[1]) По 12-й статьѣ царевны Софьи отъ 7 апрѣля 1685 г. полагалось: Пожечь въ срубѣ тѣхъ, которые хулятъ по писанію церковь и проповѣдь въ народѣ мятежъ или соблазнъ и смятеніе умышляютъ, а также и тѣхъ, которые учатъ и держатся въ Церкви, и отъ того своего обратился въ расколъ наученіе тѣхъ, которые учатъ другихъ на самосожженіе. 2) Казнить смертію тѣхъ, которые переучиваютъ или другихъ въ свою секту, и тѣхъ, которые переучиваются, и отъ нихъ возвращаются въ Церковь. 3) Бить кнутомъ и сослать въ дальніе города тѣхъ, которые держатся раскола, и тѣхъ, которые къ расколу, хотя бы и самъ и не держался, но имѣетъ у себя въ домѣ и въ деревнѣ такихъ раскольниковъ у себя въ домѣ и въ деревнѣ. Имущество казненныхъ и сосланныхъ отдать на церковь, а ихъ крестьянъ и жалованье священникамъ, которые у нихъ служатъ.

бо́нищую храмину и около хоромъ стѣны крѣпкую ограду́ши и оуготовивше́ся моля́хуся Господу Богу день и нощь съ постомъ крѣпкимъ и со сле́зами мно́гими и съ чи́стымъ покая́ніемъ ожида́юще прі́ѣзда гоните́ле́й: стѣны оубо и покровъ храмины отъ сю́ду оутверже́ша, да мучи́тіе скоро и неста́нно въ домъ внити не возмогу́тъ. Оученики же своя на геро́йское бо́ружество на мученіе возлвизаетъ на страда́ніе помазуетъ, да неоустрамивше́ся смертна́го страха, благочестія отбѣгнуть и къ побѣдѣ приступя́тъ. Посланны́й же съ Онюка нача́лникъ, ѣдуши́й къ Березову на волоку съ ближни́хъ воло́стей вѣсть поня́тыхъ мно́жество и прі́ѣхавъ гдѣ отецъ Пи́мінъ въ собра́ніи и обступи́ша храмину около и начаша приступа́ти крѣпкимъ приступомъ ко огра-дѣ храми́ной, изо всего оружія стрѣля́ти съ велико́ю ярости́ю и гнѣвомъ, хотя́ще всѣхъ живы́хъ взяти и на мученіе повести и пришедше къ стѣнѣ начаша топорами сѣщи стѣны. Вѣдѣвъ же отецъ Пи́минъ со свои́ми собра́нными ихъ лю́тое нападе́ніе, суровое свирѣпство, звѣ́рскую нагло́сть въ руки немилости́выя вла-тися трепета́ху, да не како собранное его стадо, въ расхище́ніе и попра́ніе будетъ, скончашеся огнемъ благочестно и съ ни́мъ къ другой тысящи нѣсколько народа».

Въ этихъ самосожже́ніяхъ, ды́мъ и смра́дъ отъ которы́хъ стла́лся по Онежскимъ лѣсамъ, многіе и даже ученые изслѣдо-ватели вида́ли проявле́ніе какого то нелѣпаго упо́рнаго фанатиз-ма. Но это невѣрно. Самосожже́ніе—логика кро́ткаго отча́янія, послѣдне́е средство слабаго, борю́щагося за дорогу́ю ему свобо́ду совѣсти и мысли, свободы недалекой, у́зкой, но все же свободы, мысли — наивной, младе́нческой, но все же мысли. Жизнь, тре-бующая отъ религіо́зныхъ идей безкоры́стнаго служе́нія своимъ сокрове́нымъ, несознаваемымъ людьми, но могу́чимъ стремле́ніямъ, создала въ данномъ случаѣ то же высо́кое воодушевле́ніе, како́е привы́кли ви́дѣть въ дре́вніхъ мученика́хъ христіа́нства; и зді́сь, какъ и тогда, вызва́вшая этимъ движе́ніемъ мора́льная сила обез-пе́чила на вре́мя подъе́мъ организо́ваннаго существова́нія, что я́рко вы́разилось между про́чимъ въ дѣя́тельности и прожи́ваніи Выгове́кой пусты́ни, этой своеобра́зной ма́ленькой респу́блики, успѣ́шно несше́й на себѣ и выполня́вшей среди сѣ́верныхъ топи́ и лѣсо́въ высо́кія культу́рныя зада́чи. Кто зна́етъ, каку́ю карти́ну представля́ла бы собо́ю вся ре́вная Озе́рная о́бласть, если бы этой силѣ было откры́то свобо́дное по́ле дѣя́тельности. Далеко за оке́аномъ, гдѣ небы́ло «нача́лника съ Онежа», при схо́дныхъ

Усольскъ впрочемъ города Вологодъ, Филадельфія, а вскорѣ затѣмъ Нью-Іоркъ и Чикаго...

Познакомимся же вкратцѣ съ дѣятельностью нѣкогда знаменитой, а нынѣ уже не существующей пустыни. Мы уже сказали выше, что начало организаціи, объединившей въ одну общину многочисленныя кельи поселившихся на Выгѣ «старецъ», бѣглецомъ изъ Соловецкаго монастыря, положилъ Шунгскій діячекъ Даніла Викуловъ въ 1695 г. Дѣло не обошлось безъ пророчества, которое легенда приписываетъ вышеупомянутому старцу Пимину: «бывшу оунего (у Пимина) нѣкогда въ Корельскихъ пустыняхъ изъ Поморія Даніилу Викулову и бесѣдовавшу съ нимъ и довольно о пользѣ душевнѣй и егда Даніилъ начать въ путь свой отходити, тогда отецъ Пиминъ нѣкде проводити его и поволе путь бѣ рѣка, въ лодку собрашася и Даніилъ убо сѣде къ весламъ хотя грести, оученику же отца Пимина остася мѣсто на кормѣ, Пиминъ же сѣде по средѣ лодки, пророчествова духомъ глаголаше Даніилу: ты Даніиле сяди на корму зане ты будеши кормникъ и правитель добрии христіанскому послѣднему народу въ Выговской пустыни»... Какъ не вспомнить при этомъ знаменитое: «ты еси Петръ и на семъ камнѣ созижду Церковь Мою»...

Кромѣ Викулова, на Выгѣ жили еще два необыкновенныхъ человѣка—братья Андрей и Семенъ Денисовы съ сестрой Соломоніей, поселившіеся здѣсь еще въ 1692 г. Время вскорѣ наступило благопріятное—воцарился Петръ. Реформы его сильно поспособствовали возрастанію числа всякихъ бѣглыхъ, находившихъ себѣ гостепріимный пріютъ у раскольниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣли гоненія, потомучто практическій геній Петра съ удивительной проницательностью разгадалъ культурное значеніе раскола, какъ бы это явленіе не сплеталось съ различными мятежами, омрачившими начало славныхъ дней». На своемъ походѣ 1702 г. черезъ Олонецкую губ. Петръ проходилъ мимо Выговской пустыни. «Прослыша о проходѣ черезъ ихъ мѣста Петра, выгорѣвшіе раскольники выслали ему навстрѣчу своихъ старшинъ съ хлѣбомъ-солью. Зная, что они будутъ являться тому, кого они считали антихристомъ, кто былъ для нихъ звѣремъ апокалипсиса, и чей титулъ представлялъ собой «звѣриное число», выгорѣвшіе старшины порядкомъ струсили. Они ждали увидѣть грознаго судію своего отщепенства и знали напередъ, что Петру наговорили объ нихъ вивѣсть чего.

- Что за люди? — спросилъ царь, по словамъ мѣстнаго преданія.

- Это раскольники, — поторопился объяснить какой то боярин. — Власти не признаютъ духовныхъ, за царя нашего царскаго величества не молятся.

— Ну, а подати платятъ исправно? - спрашивался прежде всего практическій Петръ.

- Народъ трудолюбивый — не могъ не сказать правды тотъ же ближній человѣкъ,—и недоимки за ними никогда не бываетъ.

— Живите же, братцы, на доброе здоровье, о царѣ — Петрѣ пожалуй хоть не молитесь, а раба Божія Петра во святыхъ молитвахъ иногда поминайте—тутъ грѣха нѣтъ [1]).

Въ исторіи Выговской пустыни, составленной раскольникомъ Иваномъ Филиповымъ, кромѣ этого упоминается еще одинъ случай, обрисовывающій трезвый взглядъ Петра на расколъ. Вотъ этотъ эпизодъ:

«Въ то же время самоволникъ нѣкто, не могій понести пустыннаго житія изшедъ изъ монастыря своеволіе, и скитаяся по Волгѣ, въ нижегородскихъ городахъ хожденіе съ прочими бурлаками, и поймаше ихъ будто на воровствѣ и по испытанію за воровство хотяху смерти предати: оной же избывая смерти, сказа за собою слово Государеко и свезоша его въ Москву въ Преображенское и тамо начаша спрашивати, онъ же нача на Выговскую пустыню и на настоятели и на братію, что живутъ въ старовѣрствѣ, и ина неправедныя рѣчи діаволомъ наученъ сказовати, чего не возможно писанію предати, хотя императорское величество на гнѣвъ подвинути къ разоренію Выговской пустыни... Но въ то время, что сотвори Богъ оудивленію достойно: съ Петровскихъ заводовъ (изъ Петрозаводска) началникъ заводки, иноземецъ Виникъ, написавъ отписку милостиву противу данной съ монастыря сказки, въ Москву къ его императорскому величеству и послал со отписью своего денщика, да монастырскаго съ нимъ брата Никифора Семенова, и пріѣхали оные въ Москву. А въ то время быстъ на Москвѣ, и вниде Государеви великое розысканіе дѣла, въ нѣкихъ важныхъ винахъ о нѣкоихъ боярѣхъ: и его императорское величество, въ то время весьма гнѣвенъ и печа-

[1]) Лѣтописецъ Выговской пустыни Иванъ Филиповъ, описывая страхи выговцевъ въ ожиданіи пріѣзда царя, не упоминаетъ объ этой бесѣдѣ, а просто приводитъ слова Петра: „пускай живутъ" Лет. Выг. Пуст. стр. 115.

ковъ. И онои отъ сего дѣла ложали не смѣяше, что въ такое время не часть ми ести прибрѣсти. А преже того оного доносителя въ Преображенскомъ самъ императорское величество на словахъ корилъ и оправдывалъ и ему немъ составное и жарное выражение [1] по, и глядя своей смерти, что въ такихъ смиренныхъ пустынныхъ и нелицихъ людехъ того не часть быти, и не было. только растрашивание ради, но на выписанное возвратимся и многимъ показование отписку, вси отговариваются, и показаша господину Андрею Ивановичу Ушакову, и сказаша про дѣло словесно, и отъ Вилима заводскаго грамотки ему подаша. Онъ же вземъ оную отписку, подавъ его императорскому величеству, онъ же пріялъ разсмотривъ ю не единократно и положи ю къ себѣ въ свои карманъ, а подъячему своему оуказа и сказа ему, какъ будемъ въ Новѣгородѣ, помни о семъ ничѣ и не забуди, а самъ поѣхавъ чрезъ Новъ городъ въ Питербурхъ и бысть въ Новѣ городѣ нѣсколько времени. Они его подячеи, поминялъ ли, или нѣ, про то никто не вѣдаетъ, точію его величество, будучи въ Новѣ городѣ спросилъ: еще ли сѣдитъ Выгорскій пустынникъ Семенъ Денисовъ [1]), они же сказаша ему, что сущетъ, онъ же глагола: Богъ съ нимъ, и поѣхавъ с Нова города въ Питеръ и на пути ѣдучи спалъ онъ императорское величество и прохватился, приказалъ своих коней поставити на пути, и призвавъ писаря, повелѣ написати на заводъ оуказъ къ заводскому начальнику, чтобъ онаго пустынника Данила Викулова [2]) изъ под караула спустить на свободу в свою пустыню, и о томъ ни о чемъ не розыскивать и подписалъ своею рукою на скорѣ, и призвавъ своего изъ сержантъ Преображенского полку сержанта и давъ ему оуказъ, повелѣ ему ѣхати на заводы на скорѣ, на почты день и ночь, и отдати оуказъ» [3]).

Эпизодъ чрезвычайно характерный: гнѣвный, печальный Петръ, допрашивающій по политическому дѣлу бояръ, не забываетъ про какихъ то пустынножителей, томящихся за караулом, и про ихъ

---

[1]) Семенъ Денисовъ былъ арестованъ до этого, а послѣ допроса у Петра, приказавшаго не выпускать его, сидѣлъ долго въ Новгородѣ въ заключеніи, пока не освободился благодаря неустаннымъ хлопотамъ своего брата Андрея.

[2]) Данилъ Викуловъ и другіе пустынножители были по этому же поводу арестованы въ Петрозаводскѣ начальникомъ завода Вилимомъ

[3]) Иванъ Филиппов, „Исторія Выговской старообрядческой пустыни", стр. 152—4

лить въ дѣло и приказывалъ отпустить ихъ на свободу, чего не могло бы быть, еслибы царь хоть на мгновеніе заподозрилъ взятыхъ поморцевъ въ прикосновенности къ какимъ нибудь политическимъ дѣламъ. Такимъ образомъ Выговская пустыня или Даниловъ монастырь [1]) увеличилась. Эта община особенно увеличилась именно при Петрѣ, реформы котораго много способствовали увеличенію числа бѣглыхъ. Сюда принимали всѣхъ приходящихъ: кого перекрещивали, а кого вмѣсто троеперстія обучали креститься двумя перстами. Руководители общины понимали, что весь этотъ гонимый и преслѣдуемый сбродъ есть полезная рабочая сила, требующая только организаціи. Такимъ образомъ расколъ отчасти исправлялъ то, что само государство разрушало во вредъ себѣ. Многолюдство привело вскорѣ къ раздѣленію пустыни, и возлѣ Данилова возникла въ 1706 г. Лекса, женская обитель. Избытокъ рабочихъ рукъ позволилъ общинѣ расширить хозяйство, для чего съ 1700 г. она начинаетъ закрѣплять обширныя площади казенной земли, на которой возводятся необходимыя хозяйственныя постройки, гдѣ лѣтомъ живутъ рабочіе, а для сообщенія съ пустынью черезъ топи и лѣса были проведены дороги и построены мосты. На дорогахъ монастырь ставилъ постоялые дворы, гдѣ путники и ихъ кони находили пріютъ и продовольствіе даромъ, т. е. за счетъ обители. Кромѣ расширенія пашеннаго хозяйства, обитель стала снимать рыбныя ловли на озерахъ (на Вигѣ, Водло) и посылать ватаги своихъ промышленниковъ на Мурманъ, на Новую землю и даже на Шпицбергенъ. Наконецъ Андрей Денисовъ убѣдилъ братію заняться торговлей хлѣбомъ; это произошло, вѣроятно, благодаря тому обстоятельству, что во время частыхъ неурожаевъ. Выговскіе старцы посылали своихъ приказчиковъ на Волгу, на Низъ, за хлѣбомъ, а затѣмъ, смекнувъ, какую пользу можно извлечь изъ этого дѣла при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, стоявшихъ въ Петербургѣ, они завели хлѣбную торговлю уже не изъ чего-нибудь, а ради выгоды. Торговля эта приняла такіе размѣры, что монастырь имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ приказчиковъ и покупщиковъ. Такъ, напримѣръ, въ Вологдѣ былъ купецъ Ѳ. Ѳ. Мошковъ, который велъ дѣла Выговской пустыни и ея жителей рѣдко, сильно и полезно прикрывался въ своихъ отношеніяхъ къ мірскимъ властямъ. Наконецъ, и въ этомъ городѣ-монастырѣ были основаны на чужія и частныя пожертвованія

[1]) По имени его основателя Даніила Викулова.

особомъ уложеніи, составленномъ Андреемъ Денисовымъ. Строгіе аскетическіе и противные брака люди въ самой пустыни, а всѣ мірскіе жители разселились по сосѣднимъ скитамъ и кельямъ и крестьянствовали. По внутреннимъ своимъ порядкамъ Выгорская пустынь представляла небольшую демократическую республику съ широкимъ примѣненіемъ принципа самоуправленія. Всѣ дѣла, касавшіяся какого нибудь скита, рѣшались общими мірскими собраніями всѣхъ жителей скита; что же касается дѣлъ, касавшихся всей населенной территоріи пустыни, то таковыя обсуждались и рѣшались на общемъ собраніи представителей всѣхъ выгорѣвшихъ скитовъ. Исполнительная власть т. е. отвѣтственное руководство всѣми дѣлами общины находилась въ рукахъ Кіновіарха или большака, которому были подчинены другіе выборные чины и должностныя лица, кто по хозяйственной части, кто по духовной. Однако, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ большакъ долженъ былъ сообразоваться съ постановленіями «собора». Въ скоромъ времени, благодаря искусству и уму своихъ сотрудниковъ, Выгорская пустынь стала центромъ для всей русской безпоповщины. Въ ея мастерскія и школы раскольники присылали учиться своихъ дѣтей, особенно дочерей (бѣлицъ), подобно тому какъ это дѣлалось и на Западѣ. Кромѣ школъ грамотности, на Выгѣ были заведены школы переписчиковъ раскольничьихъ книгъ, школы пѣвцовъ, иконописцевъ. Ревнители старины собрали изъ всѣхъ угловъ Руси и схоронили здѣсь отъ свѣта богатѣйшую коллекцію древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, не только богослужебныхъ, но всякихъ: тутъ были и риторики и грамматики, космографіи, лѣтописи, хронографы, философскія сочиненія, книги на польскомъ, литовскомъ и малорусскомъ языкахъ. Словомъ, матеріальная и духовная жизни теплилась въ этомъ уголкѣ, затерянномъ среди болотъ и лѣсовъ подъ хмурымъ, холоднымъ небомъ, и отсюда разумныя начала организованнаго строя распространялись во всѣ стороны, принося костенѣющей Руси культурное состояніе. Сильная своимъ просвѣщеніемъ Выгорская пустынь дала расколу цѣлый рядъ писателей, которые привели его въ систему и написали цѣлый рядъ сочиненій, касавшихся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Отсюда гонимые, почти всѣми преслѣдуемые раскольники пользовались во всемъ раскольничьемъ мірѣ, безъ различія толковъ и согласій, особымъ уваженіемъ и вліяніемъ.

Разумѣется, богатая и вліятельная раскольничья община не могла

не обращала на себя вниманія власти. При Петрѣ, однако, ихъ оставили въ покоѣ. Указъ 1703 г. предоставлять имъ свободу совѣсти, объявивъ только приписаться и отправлять въ видѣ повинности разныя работы при вновь устроенныхъ повѣсныхъ горныхъ заводахъ. Чужие чисто политическихъ тенденцій выговцы въ совершенствѣ постигли искусство проведенія своей утлой ладьи по необозримому морю нѣмецко-московской канцелярщины. Располагая значительными средствами, они не только привлекали къ себѣ нужныхъ людей изъ мѣстнаго чиновничества, но имѣли своихъ агентовъ и разныя «заручки» въ самой столицѣ. Благодаря этому, они съ успѣхомъ сбывали съ рукъ всякія слѣдственныя коммиссіи и при случаѣ переходили даже въ наступленіе; такъ по поводу собесѣдованій посланнаго къ нимъ synodомъ іеромонаха Неофита (въ 1722 г.), они составили знаменитые «Поморскіе отвѣты» главный трудъ Выговскихъ расколоучителей. Особенную тревогу и много хлопотъ причинила имъ слѣдственная коммиссія Самарина 1739 г., наряженная по навѣту бывшаго пустынножителя Круглова, донесшаго изъ злобы на пустынь, что дескать выговцы не молятся за царя. Такъ оно и было до того времени. Выговцы изъ политики уступили, хотя вопросъ этотъ вызвалъ не мало споровъ, и дѣло даже кончилось выдѣленіемъ непримиримыхъ. Со второй четверти 19-го ст. начинается упадокъ пустыни, вызванный рядомъ мѣръ, предпринятыхъ для борьбы съ расколомъ. И все-таки еще въ 1835 г. выговцы имѣли въ своемъ распоряженіи болѣе 13.000 десятинъ земли и разными промыслами и доходными статьями собирали ежегодно до 200.000 р. (т. е. по нынѣшнимъ цѣнамъ до милліона). Но окончательный, непоправимый ударъ пустыни, причинилъ погромъ 1855 г. Проживавшихъ въ Данилокѣ и Лексѣ раскольниковъ разослали на мѣста ихъ приписки по ревизіи, скиты обращены въ селенія государственныхъ крестьянъ, часовни и моленныя, которыхъ насчитывалось въ то время около 50, частью закрыты, частью превращены въ православные храмы, древнія иконы, старопечатныя книги отобраны и вывезены на возахъ, могилы основателей и дѣятелей безпоповства осквернены и сравнены съ землей. Теперь на мѣстѣ богатаго, красиваго монастыря остались одни гніющія пустыя строенія, доживающія свой вѣкъ среди заросшихъ сорными травами пустырей. «Довольно прочесть исторію Филиппова, — пишетъ г. Майповъ [1], — посѣтивъ развалины скитовъ около 30 лѣтъ

[1]) Майповъ, стр. 20.

тому нѣтъ довольно послушать разсказы стариковъ о поѣздкахъ на Гренландъ, въ Америку, о гавани Пигматкѣ, о рудномъ монастырскомъ дѣлѣ, чтобы видѣть вліяніе скитовъ на народное богатство.

КОНЕЦЪ.

# ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

| *Напечатано:* | *Слѣдуетъ:* | *Стр.* | *Строка.* |
|---|---|---|---|
| геотентоническіе | геотектоническіе | 118 | 12 снизу. |
| представляючъ | представляютъ | 122 | 4 сверху. |
| жѣлезный | желѣзный | 122 | 1 снизу. |
| Питкорапды | Питкарапды | 126 | 10 „ |
| крошки | крошии | 137 | 1 „ |
| доставляющій | составляющій | 142 | 12 сверху. |
| и тѣмъ отвлекая | и тѣмъ отвлекаетъ | 157 | 6 „ |
| хоріусъ | харіусъ | 158 | 1 „ |
| дальнѣйшія | древнѣйшія | 161 | 13 снизу. |
| воды | «Водь» | 161 | 6 „ |
| зырянъ или мордву | мордву | 167 | 12 сверху. |
| Финогены и | Финогенычи | 180 | 3 „ |
| нашъ Китай | намъ Китай | 181 | 16 „ |
| вятстью | властью | 182 | 9 „ |
| филипповщина; послѣ чего | филипповщина, послѣ чего | 183 | 12 „ |
| бесъ | безъ | 183 | 16 снизу. |
| покоянія | покаянія | 184 | 3 сверху. |
| западозарилъ | заподозарилъ | 190 | 2 „ |

# Оглавленіе.


**Глава первая.**

стр.

Снаряженіе. . . . . 1

**Глава вторая.**

Изъ Петербурга на Петрозаводскъ . . . . . 3

**Глава третья.**

Пѣшкомъ на Кивачъ. . . . . 27

**Глава четвертая.**

На Поръ-порогъ и Гирвасъ. . . . . 64

**Глава пятая.**

Въ гостяхъ у карелъ. . . . . 94

**Глава шестая.**

Физико-географическій очеркъ Олонецкаго края: рельефъ, геологическое строеніе, ископаемыя, климатъ. . . . . 117

**Глава седьмая.**

Флора, фауна и связанные съ ними промыслы: сушеніе болотъ, подсѣки, лѣсной промыселъ, охота, ловъ рыбы . . . . . 129

**Глава восьмая.**

Населеніе и его бытъ. . . . . 160

УФИМСКАЯ
ОТДЕЛ

1985

УЧИТЕЛЬСКАЯ
ЕЛЕНИНСКАЯ УЧИЛИЩА
БИБЛІОТЕКА

Цѣна 1 р. 30 к.

Типографія Товарищества „Общественная Польза". Бол. Подъяческая, 39.